

The background of the cover is a painting of a man in a red cloak and black hat standing in a dark, wooded landscape. He is looking down at a large rock. The sky is dark with a full moon and some clouds. The overall mood is mysterious and somber.

ДЖОЗЕФ ШЕРИДАН
ЛЕ ФАНІО

Дом у кладбища

АЗБУКА-КЛАСИКА

Джозеф Шеридан Ле Фаню

Дом у кладбища

Серия «Азбука-классика»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67885437

*Дом у кладбища:
ISBN 978-5-389-17221-0*

Аннотация

Джозеф Шеридан Ле Фаню – выдающийся писатель Викторианской эпохи, в которую его нередко именовали «ирландским Уилки Коллинзом» и «ирландским Эдгаром По», создатель знаменитой повести «Кармила» и множества готических рассказов и романов, переживших на рубеже XIX–XX веков временное забвение, а затем повторно завоевавших популярность – уже у новых поколений читателей. Действие романа «Дом у кладбища» (1862, опубл. 1863), который сам Ле Фаню считал вершиной своего творчества, разворачивается в деревушке Чейплизод неподалеку от Дублина и начинается с находки на местном погосте останков человека, явно умершего насильственной смертью. Загадка его личности и кончины ведет из 1810-х годов в XVIII столетие, где поначалу неспешно, а потом все стремительнее раскручивается запутанная криминальная интрига: давнее убийство, обвинение невиновного, попытки настоящего преступника, переменившего имя, утаить

свое прошлое путем ликвидации или подкупа свидетелей... В основную – детективную – канву повествования искусно вплетены несколько любовных линий и эпизод, намекающий на участие сверхъестественных сил, а сокрытие автором истинной подоплеки многих событий и поступков усложняет психологический мир романа и обостряет драматизм его сюжетных коллизий.

Содержание

Пролог	7
Глава I	25
Глава II	33
Глава III	38
Глава IV	45
Глава V	61
Глава VI	77
Глава VII	84
Глава VIII	94
Глава IX	103
Глава X	111
Глава XI	120
Глава XII	128
Глава XIII	140
Глава XIV	146
Глава XV	153
Глава XVI	161
Глава XVII	178
Глава XVIII	188
Глава XIX	200
Глава XX	206
Глава XXI	218
Глава XXII	228

Глава XXIII	236
Глава XXIV	246
Конец ознакомительного фрагмента.	247

Джозеф Шеридан Ле Фаню

Дом у кладбища

© Л. Брилова, перевод, 2003

© С. Сухарев, перевод, 2003

© Е. Зыкова, примечания, 2003

© Е. Ярцева, примечания, 2003

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство АЗБУКА®

Пролог

Деревенские толки

С вашего позволения, нижеследующие главы мы посвятим описанию событий, происходивших в Чейплизоде лет сто назад. За сотню лет, что и говорить, немало утекло воды, ныне и мода другая, и обороты речи приняты иные, чем прежде. Табака в наши дни не нюхают, волос не пудрят, саки и пасьянсы канули в Лету – и все же мужчины и женщины, каковы теперь, таковыми были и век назад – это вам подтвердит (если пожелает) любой человек в почтенных летах вроде вашего покорного слуги, которому довелось в свое время наблюдать арьергард старой гвардии, спешивший вдогонку остальному войску, а также и вести с ним беседы.

В те дни старый Дублин мог по справедливости гордиться приветливым, ласкающим взгляд облик своих предметов; Чейплизод же превосходил красотой едва ли не все прочие. Берега и долина Лиффи были покрыты садами и могучим старым лесом; лишь кое-где выстроившиеся по-военному в ряд тополя вносили в эту живую, красочную картину немного порядка. Главная улица, с ее старыми домами, островерхими крышами и цветными парадными дверьми, излучала дух веселья и гостеприимства. Сразу позади заставы, там, где дорога сворачивала к возведенному на опорах

мосту, который соседствовал с мельницей, первой встречала визитеров из Дублина гостиница под вывеской «Феникс» – также старинная и также весьма располагающая на вид. В задней гостиной «Феникса» регулярно в пять часов пополудни вкушали обеденную трапезу «Олдермены Скиннерз Элли» – это был истинно консервативный клуб, зародившийся еще в прошлом столетии, во времена якобитских войн (он объединял в себе сапожников, или портных, или франкмасонов, или любителей музыки). Здесь, в просторной, обшитой деревянными панелями комнате, они и восседали под покровительственным взором «великого и доброго короля Вильгельма», красовавшегося – при мантии, ордене Подвязки, парике и скипетре – над каминной полкой. В большом окне-фонаре, расположенном напротив камина, виднелся мирный и радостный пейзаж: река, нарциссы, пышная листва. В восхитительные летние вечера в гостиной неумолчно звучали шутки, душевные разговоры, песни и мудрые речения. Увы! Давно уже ничего не осталось ни от гостиницы, ни от ее посетителей – все развеялось словно дым – тень дыма – пригрезившаяся тень дыма.

Недавно был разрушен «Дом Лосося», стоявший в другом конце главной улицы, – его называли так из-за вывески, в геральдике которой присутствовало изображение этой благородной рыбы. Он и два других здания были развернуты под прямым углом к дороге, в направлении Дублина, и смотрели фасадами на что-то вроде небольшой площади. Меж-

ду площадью и садом, что граничил с насыпью на речном берегу, оставалось еще достаточно места для тракта и для Мартинз-роу. Так вот, «Дома Лосося» более не существует. Не то чтобы я в этом кого-нибудь винил. Допускаю, что дом насквозь прогнил и вот-вот оттуда сбежали бы даже последние квартиранты – крысы. Он, как выразился один из актеров по поводу слома Олд-Друри, был снесен, дабы избежать неудобств, связанных с его самопроизвольным падением. Примите, однако, во внимание, что имеете дело с ворчливым, но безобидным старым хрычом, которому ненавистны всяческие перемены и который предпочел бы, чтобы все оставалось так, как есть сейчас, пока неизбежная великая перемена не постигнет его самого. Что поделаешь, если лежит у меня душа к местам, знакомым с детства, и к непритязательным памяткам прошлых поколений, – так уж дозвоьте мне немного побрюзжать по поводу нынешних домовладельцев, поскольку они усвоили себе вкус к перпендикулярам, параллелям и бесцветному новомодному кирпичу и не склонны церемониться со старыми постройками.

Была еще деревенская церковь с башней, от основания до верхушки покрытой темной, шелестящей массой плюща. Но где же, скажите, каменная доска с высеченным на ней королевским гербом, что помещалась над порталом, где искать ныне это свидетельство бывшего вице-королевского статуса храма? А куда исчезла высокая церковная скамья – там, на внушающем некоторый трепет удалении от прочих при-

хожан, восседали лорды-наместники Ирландии, в золотых кружевах, в париках, напоминающих грозовую тучу? Здесь очередной лорд-наместник выслушивал проповедь (сугубо каноническую), не забывая то и дело подносить к носу щепотку французского табаку; затем он обходил почетный караул, состоявший из солдат Королевской ирландской артиллерии, казармы которых помещались напротив, через дорогу; солдаты (в бело-красно-голубой придворной униформе, с косицами, в треуголках) брали на караул, звучала барабанная дробь; наместник садился в карету с гербом, запряженную шестеркой лошадей (таким позавидовала бы и Золушка), ливреи форейторов сверкали ярче мундиров солдат, и наконец великолепный выезд удалялся по пыльной, палимой солнцем дороге.

Здесь же заседала церковная комиссия. Башня, правда, сохранилась, наполовину утратив свой древний наряд из плюща, но само церковное здание заменено новым, и мне (а со мной, возможно, и еще кое-кому из стариков) не хватает старомодных прямоугольных скамей, где, по традиции, каждому из видных семейств, а также высших должностных лиц городка и окрестностей было отведено особое место; тоскую я и по вычурным неуклюжим пюпитру и кафедре, и от сознания, что потеряны все эти вещи давно и навсегда, они станут мне еще дороже. Остается гадать, куда подевались ярко-голубые таблички арочной формы, на которых высокими золотыми буквами во времена королевы Анны были выпи-

саны десять заповедей (таблички эти помещались по бокам главного престола, обнесенного высокой тонкой оградкой); я недосчитываюсь еще полусотни предметов, которые в дни детства казались мне вечными, как земная твердь, и священными, как небеса.

Что же до казарм Королевской ирландской артиллерии, до больших решетчатых ворот, за которыми на берегу реки помещался плац, и всего остального, то их, думаю, поглотила земля, а вернее, мрачная гигантская фабрика, которая плюется паром, скрежещет колесами и выпускает клубы черного дыма, — она заполонила ныне чуть ли не весь Чейплизод, и, кроме нее, местным жителям нечем похвалиться.

Былые знакомые лица — уцелевшие старые дома напротив фабрики — взирают своими стеклянными глазами на непривычное окружение жалобно и неприкаянно. Лет девяносто-сто назад все здесь выглядело совершенно по-иному!

Где ныне мельница, что стояла у моста, этот хозяйственный придаток городка? В детстве я любил ее: вид у нее был грустный и ветхий, а из сумрачных, туманных внутренних пространств доносился стук, непонятным образом звучащий в такт жужжанию мельничного шлюза. Ее больше нет, я в этом не сомневаюсь: то безобразие, что стоит на ее месте, не имеет ничего общего с почтенной подругой моего детства.

Но сколь бы ни было безгранично ваше терпение, мой снисходительный читатель, злоупотреблять им я не собираюсь: чего ради вам тратить летний день на прогулку по ста-

рому поселку, изуродованному и жалкому, где небеса застит фабричная копоть? Но прежде чем обратиться к нему спиной, удостойте хотя бы одним взглядом наше главное деревенское дерево: могучий неохватный вяз. За последнее столетие он не подрос ни на дюйм. Могу утверждать со знанием дела, что минувшие полвека не состарили его нисколько. Он тот же, что и раньше, и, однако же, сделался в родных краях чужаком: его окружает новый, неузнаваемый Чейплизод – деловой и безрадостный; и старик слушает (так мне кажется) вечное бормотание реки и мечтает о давно ушедших временах и людях. А ведь тебе тоже есть что поведать, одинокий, всеми забытый мудрец; пусть бы только ветер, подобно тростнику, разгласившему тайну Мидаса, разнес твои слова по окрестностям.

Столетие назад Чейплизод переживал свой расцвет. О тех днях, ярких и захватывающих, идет добрая слава, она мне дорога, и я забочусь о сохранении немногих памятников, что после них остались, но признаюсь вам на ушко: ничего нет приятней, чем читать книги и мечтать о былых временах, но жить веком ранее я бы не пожелал. И все же в моем воображении давно уже проплывают, сплетаясь и сменяя друг друга, картины прежней жизни; мне грезится кровожадность и неистовство, гостеприимство и радушие; былое варварство смягчено дымкой времени и окружено неким ореолом. Эти видения напоминают мне раскаленные угольки в камине, я люблю блаженно наблюдать их в зимние сумерки, удобно

устроившись в кресле и подперев седую голову рукой, а они все меняют очертания и беззвучно нашептывают свои «зимние сказки».

Когда ваш покорный слуга и рассказчик этой истории Чарльз де Крессерон был четырнадцатилетним мальчуганом (а в каком году это было – не важно, скажу одно: давние события помнятся мне яснее, чем то, что происходило на прошлой неделе), случилось ему (к его радости) во время каникул приехать на недельку в Чейплизод к своему добрейшему дядюшке и крестному отцу, который служил здесь помощником приходского священника. На следующий день после его, а вернее, *моего* прибытия (возвращусь-ка я, с вашего разрешения, к рассказу от первого лица) внимание всех местных жителей было привлечено к погребению одной старой леди. Покойница (фамилия ее была Дарби) долго добиралась до места своего последнего приюта: похоронные дроги неспешно проделали путь, который начался в Лиснабейне, графство Слайго, и закончился на чейплизодском кладбище. Определить место для погребения не составило труда: семейство покойной имело наследственные права на некий клочок церковной земли, каковой можно назвать скорее не пожизненным, а посмертным владением, и участок этот был отмечен большим плоским камнем, так что могильщик, Лемюэл Мэттокс, ни разу не сбившись с пути, проводил моего дядюшку напрямик туда, и дядя, человек беспокойного темперамента, легко убедился, что ошибки быть не может.

Дядя дал разрешение, и работа тотчас закипела. Не решусь утверждать, что мою тогдашнюю тягу ко всему мрачному разделяют все мальчишки на свете, знаю лишь одно: ничто я так не любил, как посещать кладбище, разбирать надписи на надгробиях, наблюдать за рытьем могил и слушать деревенские толки о покойниках.

Могила, вытянутая с востока на запад, была уже почти готова, но вдруг земля с северного края, где виднелся старый гроб, осыпалась, увлекая за собой бурый прах и перепачканные кости, а к ногам могильщика, несколько раз кувыркнувшись, лег пожелтевший череп. С этими находками Мэттокс обошелся как обыкновенно в таких случаях: осторожно поддел кончиком заступа и сложил наверху, в сторонке от большой кучи земли.

– Силы небесные! Ну и досталось же ему! – произнес молодой Тим Моран, поднимая череп и оглядывая его со всех сторон.

– Дай-ка сюда, Тим, ну же, я хочу посмотреть, – вскричали двое-трое вмиг собравшихся зевак.

– Э! Да его убили, – заключил один из них.

– Кто-то здорово над ним поработал! – подхватил второй.

– Погиб на войне, не иначе! – добавил третий.

– Бедняга отдал концы не сходя с места, с такими ранами не живут, – изрек Тим.

– Дырка от пули, – заметил кто-то, просовывая палец в аккуратное круглое отверстие размером в полпенни.

- А тут две трещины, глядите! Укокошили, как пить дать!
- С чего ты взял, что их две? Хотя нет, твоя правда, две!
- Не иначе как его огрели кочергой.

Мэттокс проворно вскарабкался наверх, завладел черепом и стал вертеть его в руках. Но хотя он был уже далеко не юноша, ничего подходящего к случаю ему вспомнить не удалось.

– А может, это тот самый матрос, которого пристрелили в прошлом году за то, что он ударил капитана? Как по-вашему, мистер Мэттокс? – предположил один из присутствующих.

– Нет, матроса погребли к северу от церкви, беднягу, – отозвался Мэттокс, не сводя глаз с черепа. – Опять же это и не адвокат Галлагер... его еще убил на дуэли полковник Рак – попал прямо в голову... Но это не он, быть того не может.

– Отчего же не он?

– Чем угодно поклянусь, что не он, а тем паче не матрос. Глядите сами: земля здесь сухая. Вот там, на дне ямы, гроб старого Дарби – цел-целехонек, хоть пляши на нем, а ведь когда еще его закопали, аж в девяносто третьем году. А теперь смотрите на тот гроб, откуда выкатился череп. Что от него осталось? Одна труха.

– А ведь верно, так оно и есть.

– Дело ясное, этот гроб лежал в земле добрых три десятка лет, а то и больше.

Как раз в это время показалась высокая тонкая фигура помощника приходского священника. Длинные худые ноги

моего добрейшего дядюшки, облаченные в черные шерстяные чулки и бриджи, с осторожностью ступали меж могил. Собравшиеся приподняли шляпы, Мэттокс прыгнул обратно в яму, а дядя изобразил на лице что-то вроде печальной улыбки, поскольку всякое другое приветствие казалось ему неуместным в этих торжественно-мрачных пределах.

Дядя имел обыкновение чрезвычайно деликатно обходиться с костями, по несчастной случайности попавшими под заступ могильщика. Он, бывало, не сходил с места, пока, после чтения заупокойной, потревоженные останки не водворялись со всей возможной бережностью на прежнее место. Нередкие в подобных случаях проявления легкомыслия и праздного любопытства он неизменно пресекал, для чего достаточно оказывалось внушительным тоном произнесенного упрека. Посему неудивительно, что при появлении дядюшки зеваки, как говорит ирландская пословица, «уронили, словно горячую картошку», свою занимательную находку, а гробокопатель с изрядным проворством схватил в руки заступ.

– О, дядя Чарльз! – сказал я, хватая дядюшку за руку и увлекая его поближе к могиле. – Посмотри, что за диковинный череп! Он пробит пулей, а вдобавок его еще раскроили кочергой.

– Мальчик верно говорит, ваше преподобие, этого парня, кто бы он там ни был, спровадили на тот свет дважды... упокой Господи его душу.

Мэттокс с самым что ни на есть благонаправленным видом выбрался из почти что готовой могилы, поднял побуревший череп (не забывая при этом о надлежащей почтительности) и стал осторожно его поворачивать перед глазами собеседника. Дядя, не подходя ближе, созерцал находку с видом печальным и уstraшенным.

– Ты прав, Лемюэл, – заговорил он, по-прежнему не выпуская моей руки, – несчастный пал жертвой убийц, сомневаться не приходится. Ему нанесли два сокрушительных удара и к тому же прострелили из ружья затылок.

– Никак не из ружья, сэр. Дыра, я вижу, размером с карточек, – раздался из-за дядиной спины грубый, резкий голос.

Это вмешался в разговор старик-военный; он был в треуголке, какие носят отставники, гамашах и длинном старомодном сюртуке красного цвета; на губах ветерана играла едва заметная мрачная усмешка.

Вздвогнув, я отошел чуть в сторону, чтобы уступить незнакомцу место подле дяди, не без расчета, что он, быть может, способен пролить свет на историю примечательной находки. Единственный находившийся на виду серый глаз старика походил на крысиный, второй прикрывала черная нашлепка, на лбу алел глубокий косой шрам, уходивший под упомянутую нашлепку. На багровом лице незнакомца выделялся особенно густой окраской бесформенный кончик носа, возле него виднелась большая бородавка. Оглядывая старика, я обратил также внимание на большую прогулочную

трость, которую тот держал на плече. В облике незнакомца мне почудилось пугающее, но притом карикатурное сходство со старинным портретом Оливера Кромвеля, который висел в гостиной моего деда, убежденного вига.

– Так, по вашему мнению, это не пулевое отверстие, сэр? – тихим голосом отозвался дядя и коснулся своей шляпы: происходя из семьи, принадлежащей к военному сословию, дядя неизменно проявлял крайнюю почтительность при встрече с любым армейским ветераном.

Старый солдат приветствовал его в ответ, а затем промолвил:

– Осмелюсь сказать, сэр: *ясное дело*, нет.

– Тогда *что* же это по-вашему, уважаемый? – в качестве профессионала и человека авторитетного задал вопрос могильщик.

– Трепан, – небрежно бросил в ответ старый чудака таким тоном, словно отдавал команду «смирно!» совсем зеленому новобранцу, не поворачивая головы, а лишь на миг скосив в его сторону свой серый глаз.

– А не знаете ли вы, кому принадлежал этот череп, сэр? – спросил священнослужитель.

– Отчего же не знать – *знаю*, – отозвался ветеран все с той же странной улыбкой, а затем вызывающе обратился к могильщику: – Вы здесь, приятель, главный по могилам. Как на ваш взгляд, долго ли этот череп гнил там, внизу?

– Порядочно, *приятель*, но не дольше, чем вы ходите

здесь, наверху.

– Тут вы правы, спорить не буду, мне ведь довелось провозжать его в последний путь. – При этих словах старый воин взял череп из рук могильщика. – И скажу еще вот что: кое-кто на тех похоронах не уронил и слезинки, ха-ха-ха!

– Так вы местный уроженец? – спросил мой дядя, который почувствовал, что пора перевести разговор на другую тему.

– Вот именно, сэр. Взгляните-ка на этот сломанный зуб... О нем я и забыл... А стоило увидеть, так припомнил и зуб, и улыбку ясно, как сейчас, – чем угодно клянусь... И острый краешек – вот он, тут как тут... чтоб его черти взяли! – И упомянутый зуб, один из всего лишь трех уцелевших, оказался в руке старика, который с остервенением швырнул его в могилу.

– И вы... вы служили в армии, если не ошибаюсь? – осведомился священнослужитель, чтобы прервать эту тягостную сцену.

– В точности так – в Королевской ирландской артиллерии, – браво отрекомендовался его багроволицый собеседник.

– В каком звании?

– Барабанщика.

– О, барабанщика... С тех пор, надо полагать, много воды утекло? – спросил мой дядюшка, задумчиво глядя на ветерана.

– Без малого уж полсотни лет. Да, башка у него была креп-

кая, но – сами видите – железяка покрепче оказалась, ха-ха-ха! – Ухмыляясь и кивая, старик замахнулся на череп своей тростью.

– Полегче, полегче, друг мой, – забеспокоился дядюшка, придерживая руку собеседника, указующий жест которого походил скорее на удар.

– В то время, сэр, шефом полка числился лорд Блэкуотер, но он, почитай, безвылазно сидел во Франции. В его отсутствие полком командовал генерал Чэттесуорт, после него шел полковник Страффорд, а тому уже подчинялся майор О’Нейл. Капитанов было четверо: Клафф, Деврё, Бартон и Бург; старшие лейтенанты: Паддок, Делани, Сэквилл и Армстронг; младшие: Солт, Барбер, Лиллиман и Прингл; лейтенанты-фейерверкеры: О’Флаэрти...

– Прошу прощения, – прервал его дядюшка, – вы сказали *фейерверкеры*?

– Да, сэр.

– Но ради бога, кто это – лейтенант-*фейерверкер*?

– Ну как же, сэр, фейерверкер! Он следит за тем, чтобы солдаты содержали орудия в исправности, заряжали как положено и метили точно в цель. Но не в этом дело. Взгляните лучше на череп, сэр. Чудная это была история, второй такой вам и слышать не доводилось, и шуму она наделала изрядно. Дамы перетрусили до полусмерти, мужчины чесали затылки, ха-ха-ха! Мне-то она известна, сэр, рассказать – жуть, да и только...

– Прошу... прошу меня простить, сэр, но... да, кажется, похоронная процессия уже подходит, придется мне с вами пока распрощаться.

Дядя поспешил в церковь, надел на себя облачение, и погребальный обряд пошел своим чередом.

После похорон дядя предпочел самолично проследить за тем, чтобы потревоженные останки с должным тщанием были водворены на прежнее место. Затем он освободился от облачения и вернулся на кладбище – разыскивать старого солдата, как я догадался.

– Он ушел еще раньше, во время похорон, – сказал я дяде.

– А, тот отставной солдат, – отозвался дядюшка, продолжая осматриваться.

Вместе мы прошли по городу, через мост, но ничего похожего на треуголку и красный однобортный сюртук нам на глаза не попало. Разочарованные, мы вернулись домой к чаю.

Я тут же побежал в заднюю комнату, чтобы оттуда взглянуть в окошко на кладбище, где, быть может, в закатных лучах прогуливался среди могил, вскинув на плечо тросточку и ухмыляясь, старый солдат. Но за окном не было ни души. Я вернулся к своему дядюшке, который успел уже заварить чай и с легким стуком захлопнул крышку серебряного чайничка. Дядя улыбнулся мне с отсутствующим видом и потянулся за книгой, затем уселся поудобней, нога на ногу, и, поглаживая свободной рукой свою худосочную голень, принялся читать,

а восхитительный настой тем временем набирал силу.

Мне же более всего на свете хотелось в те минуты дослушать повествование о леденящих кровь событиях, коих материальное свидетельство – загадочный череп – я наблюдал всего лишь час назад, но, увы, на это не оставалось почти никакой надежды. Вконец расстроенный, я выглянул в окно – и что же? – как раз под главным деревенским деревом неспешно вышагивал, направляясь в сторону «Дома Лосося», тот самый отставной солдат: треуголка, медного цвета нос, просторный красный сюртук с несообразно громадными петлями, гамаши, тросточка – всё на месте.

– Да это же он! Дядя Чарльз, это он, смотрите! – вскричал я.

– Кто, тот самый солдат? – отозвался дядюшка, в спешке зацепился ногой за ковер и едва не разбил окно. – И в самом деле, ну-ка, мой мальчик, сбегай за ним и попроси его подняться сюда.

Не успел дядюшка это промолвить, как я уже кубарем катился вниз, но дядя, высунувшись в окно, сам окликнул старого солдата и пригласил его войти. Почтенный воин, выставив вперед левое плечо и по-военному отдав честь, поблагодарил священнослужителя. Я не раз замечал, что суровые, повидавшие мир ветераны не склонны отвечать отказом, когда речь идет об угощении. Если последнее их разочарует – ну что ж, зато оно им ничего не стоило, если же оправдывает ожидания – тем лучше.

И вот ветеран взошел по лестнице и по-военному невозмутимо вступил за порог. В ответ на приглашение выпить чаю он ответил, что предпочитает пунш. Вскоре необходимые ингредиенты оказались на столике у камина, отчего у всех в этот ветреный и холодный вечер потеплело на душе. Гость расположился рядом и принялся со вкусом готовить божественный напиток, мы же прихлебывали чай в предвкушении рассказа. Вскоре полилась своеобразная речь нашего повествователя, которую, надо сказать, я выслушал с начала и до конца с неослабным интересом.

Как это иногда бывает, со временем неожиданно пролился свет на ряд упомянутых в этом рассказе обстоятельств: мне попали в руки дневник (на редкость подробный) и объемистое собрание писем сестры генерала Чэттесуорта, Ребекки, — с ее семейством я имел честь состоять в родстве. Не один год после этого случалось мне с неизменным удовольствием заглядывать зимними ночами в дневник (для человека, по-кошачьи привязанного к любимым местам, он представлял собой истинное сокровище) и в бесчисленные связки писем. На конвертах, рассортированных и сложенных в идеальном порядке, красными чернилами были приведены выдержки, которые Ребекка делала собственноручно, твердым и тонким почерком; имелись копии ответов — с кем только не состояла в переписке усердная и неутомимая леди!

Мне хотелось бы думать, что нижеследующее повествование впитало в себя дух этих старых документов, а глав-

ное, побудит читателя хотя бы в малой степени разделить мой особый, окрашенный грустью интерес к милому старому Чейплизоду. В тот памятный вечер ничто так не разожгло мое ребячье воображение, как сознание того, что события, о которых я услышал, имеют самое непосредственное отношение к дому, где мы – дядюшка, его лоботряс-племянник (то есть я сам) и чудной старый солдат – собрались за беседой. Впрочем, мое дело – не высказывать пожелания, а просить вас выслушать мой рассказ внимательно; какую бы оценку он у вас ни заслужил – я приму ее с покорностью.

Глава I

Ночное посещение церкви

Однажды в начале мая, А. Д.¹ 1767 (я пользуюсь, как уже говорил, письменными источниками, почему и говорю с такой уверенностью), спустилась на Чейплизод и окрестности темная-претемная ночь.

Случилось это, надо полагать, в новолуние, звезды же были скрыты влажным «одеялом ночи» – непроницаемой погребальной пеленой.

В начале вечера на небе появилась зарница, что предвещает, как известно, душную и знойную погоду. Одна за другой собрались над Дублинскими горами колонны угрюмых облаков и выгнулись от горизонта до горизонта темно-серым туманным куполом. Их медленное, но неуклонное перемещение составляло контраст чудовищной неподвижности воздуха. Атмосфера давила, над городком нависла неведомая угроза, словно некие злобные силы прокладывали себе путь в самую его сердцевину под хмурым, предостерегающим взглядом небес.

Утро того же дня старая Салли, экономка приходского священника, провела в тревоге. Во сне ей пригрезилось, что она застилает громадную парадную постель с камчатым тем-

¹ Anno Domini – в год от Рождества Христова (*лат.*).

но-зеленым пологом. Это предвещало неминуемые неприятности – не обязательно крупные (однажды в подобном случае дело ограничилось тем, что доктор Уолсингем уронил за борт парохода кошелек, содержимое которого не составляло и гинеи серебром), но не следовало зарекаться и от более серьезной беды. Что за опасность сулило дурное предзнаменование – оставалось только гадать.

Тем же утром посыльный привез внушительных размеров квадратное письмо, снабженное круглой печатью размером с крону, не меньше, адресованное преподобному Хью Уолсингему, доктору богословия, дом у моста, Чейплизод. Получив письмо, достойный священнослужитель выказал явные признаки беспокойства и заставил посыльного битый час ожидать ответа; ровно в два тот же посыльный прибыл со вторым письмом, однако на этот раз адресат ограничился краткой запиской. «Вряд ли это будет понято правильно, – произнес доктор, сидя в своем кабинете над захлопнутым фолиантом и хмуря брови, – но служение Всевышнему не допускает двуличия. Пребуду ли я чистым перед Господом, если стану произносить слова упования, тогда как в моей душе нераздельно царит страх? Нет, оставлю эту миссию тому, кто способен достойно ее исполнить, сам же ограничусь тем, что буду присутствовать – раз уж это необходимо».

Да уж, ночь выдалась темная, хоть глаз выколи. А ветер, а потоки дождя! Как раз в то время доктор Уолсингем стоял под навесом на крыльце основательного кирпичного зда-

ния, построенного во времена короля Вильгельма, – именно здесь жительствова­ли в минувшем веке почтенные пастыри чейплизодского прихода. На докторе красовались просторный сюртук и накидка, гамаши на пуговицах, широкие кожаные штаны были подобраны и стянуты ремешками поверх гамаш, поля шляпы опущены и привязаны большим шелковым платком, дабы надежнее прикрыть парик и уши. Вид в целом, осмелюсь сказать, нелепый, но что поделаешь – на сей раз, как всегда бывало в ответственных случаях, над гардеробом доктора изрядно потрудились женские руки. Седовласая Салли, особа с добродушным и степенным лицом, держалась на заднем плане, в холле, а хорошенькая Лилиас, единственное дитя достойного священнослужителя, вышла на крыльцо поцеловать отца на прощанье и окончательно убедиться, что он обут и одет сообразно погоде и обстоятельствам. Доктор с любящей улыбкой похлопал дочь по щеке, а затем оперся на руку старого Джона Трейси, дворецкого. Джон держал в руках красивый роговой фонарь, который выхватывал из темноты попеременно то придорожные кусты, то зубчатое ограждение моста, то окно, заливаемое потоками воды. Единственным, чем не запаслись путники, были зонты, в ту пору еще не существовавшие. Вскоре священник, честный Джон, всегдашний его спутник в ночных вылазках, а также «фонарь-который-носит-Джек» (согласно любимому выражению доктора) уже совершали свой извилистый путь меж бесчисленных луж. После того как они скры-

лись за углом, Салли и Лилиас минут пять еще стояли на крыльце с горящими свечами.

Из бокового окошка «Феникса» до путников долетал ослабленный расстоянием и шумом дождя напев дудок – достаточно мелодичный и вполне созвучный окружающей темноте и тому печальному поводу, что побудил священника совершить столь позднюю прогулку; это искусные «Олдермены Скиннерз Элли» наигрывали песенку, славящую короля. Для светского мотива она звучала чересчур торжественно и походила скорее на погребальный напев. Минут четверть десятого, и, за исключением музыкантов, все живое вокруг уже затихло. Нынешняя ночь как нельзя более годилась бы для тайной вылазки: траурные облака, разверзшиеся хляби небесные, гулкие хлюпающие звуки со всех сторон, сплошной поток под ногами, полноводные сточные канавы, на которых не доставало только мельниц; бешеные ручьи мчались вдоль улицы, не разбирая пути, огибали углы домов и попадали в замутненную, рябую от дождя Лиффи; хмурая река, висясь, устремлялась к морю, чернотой своей не отличимому от небес.

Не обнаружив на пороге ни досужего офицера, ни праздного официанта, путники миновали «Феникс». Из-под угла вывески стекал ручеек, а украшавшая ее птица в такое ненастье подумывала, должно быть, не о самосожжении, а – разнообразия ради – о самоутоплении. Все добрые люди, как военного, так и гражданского сословия, попрятались нынче по

домам, одни лишь «Олдермены», не изменив своему обыкновению, пребывали в задней гостиной опустевшего и при тихшего «Феникса». Дверь гостиницы была прикрыта; тоненький лучик света, проникавший через узкую щелку, падал на грязное озеро, по которому непрерывно барабанил дождь.

Огонек докторского фонаря проскользнул мимо, пересек улицу и стал медленно перемещаться вдоль ряда неосвещенных парадных дверей в сторону такого же темного «Дома Лососа». Крутой поворот, новый отрезок пути – и впереди показались слегка приоткрытые кладбищенские ворота. Видневшаяся в глубине дверь церкви также не была затворена – из нее исходил слабый свет.

Могу себе представить, как воспряли духом церковный сторож, старый Боб Мартин, и угрюмый мистер Айронз, клерк, когда слышали бодрый голос священника, окликавшего их по именам. В церкви теперь прибавилось света, но все же трех свечей явно не хватало, чтобы рассеять неуютный сумрак, в дальних углах переходивший в полную темноту. Зикиел Айронз был худой, замкнутый на вид малый в черном парике, с отливавшим синевой подбородком и отпечатком мрачной настороженности на лице. Не завидую честному Бобу Мартину: вряд ли с этих тонких губ сорвалось хоть единое слово, способное скрасить жутковатый тет-а-тет в окружении черных окон и табличек с надгробными надписями на стенах нефа.

Священник, напротив, не расположен был молчать. Его речь – как и подобало при данных обстоятельствах, неторопливая и сдержанная – все же вселяла жизнерадостность и смогла разогнать тень дурного настроения, павшую на младших служителей церкви, пока он отсутствовал. Доктор узнал, что у миссис Айронз все так же болит зуб, зато «раздражение в желудке», слава богу, прошло. (Благо бы оно гнездилось только в желудке, но супругу миссис Айронз было известно на горьком опыте, что желудком оно не ограничивается.) Поясницу у Боба Мартина уже отпустило – «премного благодарен за внимание, ваше преподобие». Айронз, клерк, сообщил, что захватил с собой два требника. Ошибки быть не может, заверил Боб, старую леди погребли в ближнем склепе. Да, минуло уже четыре десятка лет, но все, что тогда происходило, он помнит не хуже, чем вчерашний вечер. В склепе покойницу переложили в свинцовый гроб – сделать это пришлось ему самому вдвоем с могильщиком, а старухины слуги ни в какую не соглашались к ней прикоснуться. Саван на усопшей был из белого атласа, пальцы – сплошь в кольцах. Такова уж была ее последняя воля. Все говорили, что старуха тронулась. Ее лица он вовек не забудет: нос длинный, крючком, а глаза открыты. Это потому, что преставилась она во сне, а узнали об этом только утром, когда покойница уже успела окоченеть, – так ему сказали. Не далее как сегодня он спускался вниз, чтобы бросить взгляд на гроб, – через полчаса после разговора с его преподобием.

Священник опустил глаза на свои внушительных размеров часы. Время близилось к одиннадцати. Доктор впал в глубокую задумчивость и принялся мерно шагать взад-вперед вдоль придела, вплотную к надгробным плитам; в заложенных за спину руках он сжимал шляпу, с которой стекала вода. Его фигура то терялась во мраке, то смутно возникала снова в неярком свете фонарей. Когда физиономия достойного клирика обрисовывалась яснее, видно было, что он не поднимает глаз от надгробий, хмурится и, по своему обыкновению беззвучно шевеля губами, слегка кивает головой – словно бы считает. А в мыслях доктора в это время вертелась одна из надписей, и он все задавал себе вопрос: почему же сейчас, по прошествии двадцати одного года, должно явиться на свет свидетельство двух преступных деяний, забытых и похороненных, чего ради пробуждать ото сна рычащего пса злословия?

«А что до старого дома у Баллифермота, – подумал доктор, – то заботы о нем можно бы поручить и кому-нибудь другому. Но все же должен он где-то остановиться, а здесь, в поселке, лучше, чем в большом городе, – и спокойнее, и народ вокруг добрый, и нет любителей совать нос в чужие дела. – В последнем он ошибался, ибо, как это свойственно бесхитростным натурам, склонен был видеть в каждом безобидное и доброжелательное подобие самого себя. – И пробудет он здесь неделю-другую, не больше». Доктор мысленно вернулся к покойнику, затем к отдаленным последствиям

его проступка – и тяжкий вздох вырвался из честной груди священника. Он замедлил шаг и возвел глаза к небесам в кроткой немой молитве. Одновременно у церковных дверей раздалось громоухание колес.

Глава II

Безымянный гроб

Сопровождаемые лязгом и лошадиным фырканием, вплотную к церковному крыльцу подъехали три повозки с факелами, и почти мгновенно в дверном проеме, там, где лежало пятно света, возник высокий и очень бледный молодой человек весьма необычной наружности. Его большие глаза смотрели печально, а на красивом лице лежал отпечаток гордыни.

Джон Трейси зажег восковые свечи, а Боб Мартин установил их на выступе церковной скамьи, примыкавшей к приделу, в углубления по обе стороны от подушечки, где лежал требник, открытый на словах «поминование усопших». Все остальные переместились к дверям, где доктор обменивался рукопожатием с упомянутым высоким молодым человеком. Темные локоны вновь пришедшего были непокрыты, одет он был в черную накидку; во всех его движениях сквозила непринужденность, говорящая о хорошем воспитании.

— Он пробудил во мне скорбные воспоминания о том неназванном, кого больше нет с нами, — сказал доктор очаровательной Лилиас, когда вернулся домой, — та же бледность, тонкие черты и следы опасных страстей на лице, а глаза, как у матери, — большие и печальные.

В темноте за спиной молодого человека, похожий на белую ночную птицу, навис пожилой священник с суровым, желтоватым, изборожденным морщинами лицом, в стихаре и белом парике; с воротника его спускались две белые полосы. Вслед за знакомством с доктором Уолсингемом священник пошептался сначала с мистером Айронзом, а затем с Бобом Мартином, у которого все уже было готово: и две короткие скамейки, установленные поперек придела, и лопата, полная земли. Угловатый священник, устроившись перед скамьей, принялся быстро листать то один, то другой требник, а мистер Айронз оставался рядом, чуть позади него. К молодому человеку (доктор называл его мистер Мервин) направились гробовщик, низкорослый крепыш (от его промокшего платья шел пар, так что, когда он проходил мимо, вокруг свечей и фонарей возникал ореол). Выслушав его, мистер Мервин исчез. Доктор Уолсингем и Джон Трейси опустились на ближайшие сиденья, а Боб Мартин вышел, чтобы помочь тем, кто находился снаружи. Послышались шаркающие шаги, тяжелое дыхание и приглушенные голоса подручных гробовщика, которые, чуть слышно переругиваясь, поддерживали тяжелый гроб. Тяжелее груза не сыщешь – так мне всегда казалось!

Это был большой дубовый саркофаг, крышка его осталась снаружи, на паперти, поскольку мистер Тресселз, узнав, что проход в склеп очень узок, не стал ее привинчивать, на случай, если возникнет необходимость извлечь гроб. Итак, без-

радостную ношу опустили на две скамьи, приготовленные Бобом Мартином. Внутренний свинцовый гроб, обитый запылившимся черным бархатом, был явно много старше своего вместилища. Надпись на табличке начиналась с двух рельефных заглавных букв, после каждой стояла точка:

Р. Д.

почил 11 мая А. Д. 1746

38 лет от роду

Над этой гладкой овальной табличкой виднелась какая-то крохотная, не больше шестипенсовика, декоративная деталь. Джону Трейси показалось, что это звезда. Боб Мартин принял украшение за масонский знак. Мистер Тресселз же, который едва не проглядел заинтересовавшую сотоварищей деталь, высказал догадку, что это всего лишь грошовый херувим. Однако мистер Айронз, клерк, ни минуты не сомневался, что на гробе изображена корона, услышав же другие мнения, предпочел, по своему обычаю, промолчать; холодно сложил он свои тонкие губы в неприятную каменную полуулыбку и предоставил всем прочим и далее пребывать в неведении.

– Прах к праху (тук-тук), перст к персту (тук-тук), тлен к тлену (тук).

А теперь гроб предстояло препроводить вниз, к месту последнего упокоения.

Плиту, закрывавшую вход в склеп, подняли и отложили в сторону. Но сходить в бездну Аверна по крутым выщерблен-

ным ступеням, согнувшись в три погибели, оказалось нелегко. Молодой Мервин спустился следом, дабы убедиться, что гроб поместят надлежащим образом. В пробивавшемся снизу свете фигуры носильщиков казались гигантскими и совершенно черными.

Доктор Уолсингем гостеприимно предложил своему собрату по церкви ночлег, но тот предпочел вернуться в город, где его ждали ужин и постель. Мервин поблагодарил и тоже отказался. Час был уже поздний, и он намеревался остановиться на ночь в «Фениксе», на завтра же лично засвидетельствовать доктору Уолсингему свое почтение. И вот страдающий разлитием желчи городской священник забрался в свою карету, а гробовщик и его сотоварищи разместились на похоронных дрогах и в экипаже из траурного кортежа, после чего процессия чинно двинулась по Дублинской дороге. Однако случилось так, что, благополучно миновав заставу, ярдов через сто участники похорон догнали развеселую компанию «Олдерменов Скиннерз Элли»; шествие этих последних сопровождалось песнями и добродушными шутками, которые перемежались ликующими кликами, а то и кукареканьем. Погребальная братия немедленно последовала их примеру и подняла безудержный гам. До самого въезда в город повозки состязались друг с другом в бешеной скачке, к ужасу всеми забытого священника, который безуспешно пытался докричаться до весельчаков через окошко кареты. Так продолжалось до самого конца пути. Когда разгне-

ванный служитель церкви вышел из экипажа, мистер Тресселз получил изрядный нагоняй. Жизнерадостному гробовщику пришлось скорчить постную мину и высказать глубокое сожаление по поводу происшедшего; крики и буйство он целиком отнес на счет подвыпивших гуляк, которые, по несчастливой случайности, возвращались домой той же дорогой; мерзкие нечестивцы не иначе как намеренно напугали лошадей, чему не приходится удивляться, ибо представителям мирного и почтенного ремесла мистера Тресселза не впервой терпеть поношения от подобного рода шутников. Ему удалось не то чтобы убедить, но по крайней мере сбить с толку сурового пастыря, и тот, пробормотав: «Credat Judaeus»², – резко отвернулся и удалился не прощаясь.

Когда доктор Уолсингем и его верный спутник приблизились к родному крыльцу, от которого их отделял только небольшой садик, в старом доме разом смолкли звуки клавикорда и сопровождавшее их красивое контральто. Доктор улыбнулся в темноте и с удовольствием сказал сам себе (с присутствием старого Джона можно было не считаться): «Мои шаги она всегда услышит, маленькая моя Лили, как бы ни была занята». Парадная дверь растворилась, и негромкий, но полный энергии красивый голос радостно и задорно приветствовал старика.

² Верует иудей (лат.).

Глава III

Мистер Мервин у себя в гостинице

Утро наступило прекрасное, солнце сияло золотом, природа омылась свежестью, деревья, цветы, земля – все благоухало. Подсохший тротуар весело блестел, а с ним и весь ряд деревенских окон; среди густого плюща, обвивавшего старую церковную башню, оживленно обменивались утренними новостями воробьи; то тут, то там раздавалось пронзительное кукареканье деревенского петуха, бросавшего таким образом вызов соседу; над артиллерийским плацем близ реки разносились нежные звуки рожка.

Начал уже свой обычный утренний обход цирюльник Мур, через дверь булочной сновали многочисленные слуги и служанки, потрепанный красный капор старухи Полл Дилани и белая корзинка ладной маленькой Китти Лейн, девицы со свежим серьезным личиком, уже замелькали на порогах жителей, заказавших к утру свежие яйца. Через приоткрытые парадные двери можно было разглядеть где напудренного лакея, а где веселую служанку в домашнем чепце, поспешавшую в гостиную с красным лаковым чайным прибором. Короче говоря, весь Чейплизод садился за утреннюю трапезу.

Между тем Мервин позавтракал в одиночестве в знамени-

той задней гостиной «Феникса», куда допускались все желающие и где можно было почитать газету. На вид он несколько не походил на отрицательный персонаж – если считать, что нашему повествованию таковой надобен. Лицо Мервина было бледно, меланхолично, величаво, а в больших живых глазах таилась повесть загадочная и, быть может, ужасная. Любой, кому случилось бы узнать об этом молодом человеке побольше, вместе с любезным доктором Уолсингемом развел бы руками, услышав, что Мервин по доброй воле, хотя бы на малый срок, решил остановиться в этом крохотном городишке. Подвигнул его к этому не извращенный каприз, а скорее некие неведомые чары. Вся жизнь Мервина состояла в непрерывном бегстве и погоне – в бесплодных попытках ускользнуть от демона, преследовавшего его, и в стремлении угнаться за химерой.

Мервин стоял у окна, но оставался равнодушен к умиротворяющим картинам и звукам деревенской жизни и разлитым в воздухе ароматам. В это время в гостиную влетел доктор Тул – суетливый румяный коротышка. Он только что отпустил ехидную шутку по адресу старой толстой буфетчицы и продолжал довольно посмеиваться. «А ты, радость моя, побудь-ка снаружи». Эти слова были обращены к собаке, которая попыталась протиснуться в дверь минуя доктора. Последовал ловкий пинок, и собака пронзительно взвизгнула уже по ту сторону двери.

– Ваш покорный слуга, сэр, – вскричал доктор и отвесил

краткий, но глубокий поклон; удивление его было наигранным – именно с целью поглядеть на незнакомца он и явился в заднюю гостиную. – Нет-нет, прошу вас, не обращайтесь на меня внимания. Только что позавтракали? Кофе недурен – в «Фениксе» умеют варить вкусный кофе. Сливки просто отличные, как по-вашему? Им-то я этого не говорю, – доктор подмигнул, – чтобы не перехвалить. Вам ведь подали сливки, надеюсь? – Тул ловким движением повернул молочник к свету и заглянул внутрь. – А о яйцах нечего и говорить – четыре дюжины несущек на птичьем дворе и девять десятков уток в садике у Трешема, по соседству со Стерком. Стоит припустить ливню, ну и гвалт же там поднимается! Стерк все грозит их перестрелять; он хирург в здешнем артиллерийском полку. Том Ларкин этим вечером сказал, что Стерк просто-напросто позавидовал их утиным мозгам – его куриные пожиже будут, ха-ха-ха! Ну и ночка выдалась – век не забуду, сущее царство тьмы, и хлестало к тому же сплошным потоком. Вынужден был выходить по делам – медик, знаете ли, куда денешься? – и едва не попал в переплет. Что хорошенького в газете? А, так вы не смотрели. А знаете ли вы, сэр, что – в такую-то ночь – у нас тут хоронили кого-то из Дублина, – а, каково? Тресселзу с подручными пришлось потрудиться. Один негодник с заставы – это недалеко, за углом, – сплетник, каких мало (а ведь любителей совать нос в чужие дела у нас, поверьте, хватает), – так вот, он сказал, что знает кучера. Боб Мартин, церковный сторож, уверяет, что

заупокойную читали ни много ни мало двое священников, – так-то! Все по высшему разряду. Один – священник нашего прихода, старый доктор Уолсингем, святой человек, без усталости творит добро, точнее сказать, вступается подряд за всех мерзавцев в округе, – ха-ха! – ни в какую не дает сбыть их с рук, намерения у него, правда, самые добрые, только что с ленцой он да со странцой. А второй – этот прогнивший ходячий скелет Гиллеспы. И на кой только черт его откопали? Один из тех, кто был в похоронной процессии, сказал Бобу, что это он. Этот Гиллеспы из Донегана, уж я-то его знаю, злой как собака, скажу я вам, и масон – да, да, вольный каменщик – важная птица! Обедал как-то вечером в Великой ложе, – вы, я вижу, не масон, наши знаки вам незнакомы, – а рожа у него была такая скукоженная и желтая – еще немного, и я бы выжал его в пунш вместо лимона, ха-ха-ха!

Поднятием бровей Мервин изобразил вежливое изумление. Доктор Тул с минуту молчал в ожидании ответной реплики, но ее не последовало.

Тогда доктор продолжил свою речь, нимало не смущаясь тем, что во взгляде Мервина появилось нечто зловещее.

– Пейзажи здесь, сэр, один другого лучше. Художники сюда летом тянутся дюжинами; вытаскают альбомы и карандаши и давай мараить бумагу, ха-ха-ха! Если вы рисуете, сэр, то возьмите на заметку: есть тут выше по реке одно чудесное местечко с видом на мельницы... Но вы ведь не рисуете?

Ответом ему было молчание.

– А может быть, вы все-таки хоть чуть-чуть балуетесь карандашом, как моя дражайшая супруга? – Внимательный взгляд на одежду незнакомца не обнаружил никаких признаков артистических склонностей, и мистеру Тулу пришло на ум, что молодой человек состоит в штате лорда-наместника. – Если вы направляетесь в Лейкслип, то обратите внимание: здесь у нас на редкость хорошие лошади. – (Шепнем, между прочим, на ухо читателю, что Лейкслип служил в то время летней резиденцией его превосходительству и леди Тауншенд; из старых газет можно узнать, что понедельник был днем, открытым для публики, а по четвергам обычно устраивались приемы.) Однако и тут мистер Тул вытащил, похоже, пустой номер. – Если вы сегодня не собираетесь уезжать, есть случай развлечься – стрелковые состязания в Палмерзгауне, на ярмарочной лужайке. Будут участвовать семь районов, призы – десять и пять гиней. В час дня. Как вы насчет этого?

Тут в гостиную вошел майор О’Нейл из Королевской ирландской артиллерии, маленький, тщательно одетый человек с лицом типичного ирландца. Он оказался немногословным, зато весьма приветливо улыбался...

– Ваш покорнейший, джентльмены. А, доктор, как дела? Что нового... о чем пописывает «Фримен»?

Тул пробежал глазами газету и тут же ее скомкал.

– Ничего... ничего особенного... Бал у леди Мойры: маскарадные костюмы – ирландские, ничего привозного; гости

без масок, большой съезд дворянства – более пяти сотен приглашенных. Верно, и ваших сослуживцев там было немало, а, майор?

– А как же: лорд Блэкуотер, это уж непременно; кроме того, генерал Чэттесурт, Деврё, маленький Паддок и...

– *Стерка* не было, – с ухмылкой перебил майора Тул, явно не расположенный к своему собрату по медицине. – В среду ночью на чейплизодской дороге двое грабителей напали на какого-то джентльмена, отняли у него часы и кошелёк, а заодно шляпу, парик и трость. Ему крепко досталось, и сейчас он лежит в постели в тяжелом состоянии. На одном из разбойников был поношенный светлый кафтан и парик. Черт возьми, майор, будь я на месте генерала Чэттесурта и имей под началом две сотни удалцов, я бы заполучил у правительства полномочия и очистил дорогу. Представьте себе, сэр, после наступления сумерек за чертой города в одиночку лучше не появляться, если хочешь жить. – Возмущению словоохотливого медика не было предела. – Уж я бы выловил этих отпетых мерзавцев всех до одного и спалил живьем в бочках из-под дегтя. Проклятье! Недавно отправили на тот свет старого Джо Наппера с Дерти-Лейн, и хоть бы кто-нибудь всплакнул. И вот, глядите, опять все сначала... – И Тул продолжал в том же духе.

Тем временем порог гостиной переступили сослуживец майора капитан Клафф (крепкий, с туго перетянутой талией) и мистер Наттер из Мельниц, управляющий лорда Каслм-

элларда – невысокий человечек со смуглым суровым лицом. Вслед за ними потянулось еще с полдюжины посетителей, главным образом членов клуба, собиравшегося вечерами в левой передней гостиной, напротив буфетной; там они ублажали себя приятной беседой, картами, триктраком, глотком-другим горячительного; случалось здесь также услышать в исполнении доктора Тула, изрядного тенора, «А знать красовалась в шелках, в серебре», «Кокетка взглянула игриво» и другие, подобные этим песенки; поклонник театра, кругленький прапорщик Паддок, даром что «шлегка шепелявил», выступал с вдохновенными имитациями Моссопа, Шеридана, Маклина, Барри и прочих актеров. Чужак в этом приятном обществе, Мервин взял свою треуголку и трость и – как печальная прекрасная тень – выскользнул наружу, сопровождаемый немногими любопытными взглядами; к его уходу остались равнодушными все, кроме Тула, который тут же принялся обсуждать с кем-то шепотом его персону.

В задумчивости Мервин бесцельно проследовал через «парк его величества, именуемый Феникс», вышел в Каслнокские ворота и живописной долиной Лиффи, зажатой меж двух лесистых косогоров, поднялся до паромной переправы; на том берегу Мервин очутился близ деревни Палмерзтаун, откуда намеревался повернуть обратно.

Глава IV

Палмерзтаунская ярмарочная лужайка

На краю лужайки виднелось полдюжины экипажей и десятка два верховых лошадей, у питейного заведения напротив толпилась компания оборванцев; ворота были распахнуты, артиллерийский оркестр, выстроившийся на лужайке, громоподобной бодрой мелодией будил эхо во всех окрестных закоулках; время от времени бабахала «Смуглянка Бесс» и над изгородью всплывал белый дымок; раздавались ликующие крики зрителей, а изредка и многоголосый раскат хохота, за которым следовал ровный мелодичный гул толпы. Мервин, искавший одиночества, но успевший уже от него устать, счел, что в толпе незнакомых людей он будет неприметен, свернул вправо и оказался на прославленной палмерзтаунской лужайке.

Открывшаяся перед ним картинка сельской жизни представляла собой истинный праздник для глаз. Приблизительно в сотне ярдов от Мервина на зеленом склоне холма четко выделялась круглая мишень с яркими концентрическими кольцами. Участники состязания, принарядившиеся в свое лучшее воскресное платье, стояли все вместе на виду; одни из них держали наготове мушкеты, другие – охотничьи

ружья (это допускалось); на треуголках колыхались пучки разноцветных лент, петлицы украшали цветущие веточки. Живописно-беспорядочные группки зрителей образовывали большой многоцветный партер, который был поделен надвое широким изогнутым газоном, — он шел от места, где стояли стрелки, до самой мишени.

В ослепительном свете дня наши предшественники, жившие в прошлом веке, являли собой поистине красочное зрелище. Как радовали взор алые и золотые жилеты, небесная лазурь, серебро, горохово-зеленые струны лютен, розовый шелковый подбив, сверкающие пряжки, изысканные парики, пудренные прически! Как гармонировало все это с блестящими нарядами величавых дам и щедрых на улыбки молоденьких простолюдинок! Эта пестрая картина, дополненная изрядным количеством мундиров, пребывала в неспешном движении, а рожки и барабаны Королевской ирландской артиллерии наполняли воздух зажигательными мелодиями.

Ближайшие соседи присутствовали все до единого, и среди них веселый маленький доктор Тул, в самом пышном из своих париков, при трости с золотым набалдашником. Доктор и на сей раз не изменил своим привычкам и прихватил с собой ни много ни мало трех собак. Впрочем, докторская свита могла включать в себя и пять, а то и семь четвероногих, как то бывало во время его утренних прогулок по городу. В таких случаях тишину то и дело нарушали его оглушительные оклики: «Фея, оставь поросенка в покое, скотина!»,

«Юнона, брось сейчас же эту гадость!», «Цезарь, паршивец, куда тебя несет?», – а в ответ раздавалось пронзительное взвизгивание послушника, отведавшего докторской трости.

– Поглядите-ка на этого Стерка, – обратился Тул к прекрасной Магнолии, сопровождая свои слова выразительной гримасой. – Таскается за его светлостью, как хвост за собакой, ха-ха! Вот увидите, оставит он Наттера с носом. Вечно разевает рот на чужой кусок.

Доктор Стерк и лорд Каслмэллард беседовали поодаль на пригорке, причем хирург указывал тростью куда-то вдаль.

– Ставлю пятьдесят шиллингов, он сейчас из кожи лезет, чтобы подловить на чем-нибудь Наттера.

Приходится признать, что в утверждениях Тула таилась, вероятно, немалая доля истины. Тул также чуял нутром, хотя и забыл об этом упомянуть, что Стерк положил глаз на его пациентов и подумывает уйти из армии, чтобы заняться гражданской практикой.

Стерк и Тул заглазно костили друг друга на чем свет стоит. Тул именовал Стерка не иначе как «коновалом», а вдобавок «контрабандистом» (после некой аферы с французским бренди, по поводу которой я затрудняюсь высказать определенное мнение; полагаю лишь, что Стерк ни в чем противозаконном замешан не был). Стерк же использовал выражения «этот пьянчужка-аптекарь» (в задней гостиной у Тула негласно готовил отвары, пилюли и порошки мальчик-подручный), «певчая пташка» и «спившийся собачник

Тул». При всем этом нельзя сказать, что они были в ссоре: оба медика встречались, обменивались новостями, а пако-стили друг другу с осторожностью, в умеренных дозах, — в общем, их взаимную ненависть я бы назвал добрососедской.

Тут же находился генерал Чэттесуорт — сияющий толстячок в полной артиллерийской форме. Он улыбался, приветствовал дам, чопорно кланялся, а по спине его двигалась туда-сюда длинная косичка, которая, когда генерал откидывал голову, едва не касалась земли. В устремленном на нее взгляде Юоны Тулу почудилось нечто недоброе, и он счел за лучшее, не дожидаясь дальнейшего развития событий, наградить собаку изрядным пинком.

Сестра генерала, Ребекка, была высока, стройна, одета в роскошный парчовый наряд, обильно украшенный кружевами, и держала в руках красивый веер. В свои пятьдесят пять лет она выглядела удивительно свежо и временами очень мило заливалась легким, самым что ни на есть подлинным румянцем; повелительный взгляд, решительные губы — лицо властное, но при этом на редкость располагающее и приятное. Племянница Ребекки и дочь генерала, Гертруда, также была высока, изящна и, как мне говорили, безупречно красива.

— Черт возьми, ну и красавица! — вырвалось у лейтенанта-фейерверкера О'Флаэрти; будь у него чуть больше ума, он бы удержался от замечания, которое, вероятно, не доставило особого удовольствия очаровательной Магнолии Мак-

намаре, – именно к ней в последнее время питало слабость страстное, но в известной мере разочарованное лейтенантское сердце.

– Вот уж не сказала бы, – произнесла Мэг, презрительно вскинув голову.

– Говорят, ей нет и двадцати – ни за что не поверю, двадцать ей уже стукнуло, готов спорить на бочонок кларета, – поспешил исправить свою оплошность О’Флаэрти.

– Какие двадцать – двадцать пять, и то не вчера, – фыркнула мисс Мэг, которая с полным правом могла бы отнести эти слова к себе самой. – А кто тот красивый молодой человек, которого милорд Каслмэллард представляет семейству старого Чэттесурта?

Похвальный эпитет имел целью задеть беднягу О’Флаэрти.

– Вот как, милорд с ним знаком! – воскликнул доктор, весьма заинтригованный. – Это же мистер Мервин, который остановился в «Фениксе». «Мервин» – так написано на его несессере. Глядите, как она ему улыбается.

– Сияет как начищенный пятак, – презрительно прокомментировала мисс Мэг.

– Чэттесурты нынче явились во всей красе, при двух либрейных лакеях, – вставил О’Флаэрти, стараясь попасть в тон своей даме сердца.

– А этот молодец не простая птица, – продолжал Тул, – кому попало мисс улыбаться не станет.

– Прикидывается тихоней, а своего не упустит, сразу видно, – сказала Магнолия с усмешкой на устах и со злостью во взоре.

К ядовитому веселью дочери присоединилась миссис Макнамара, добродушная и недалекая вдова. Смех этой пухлой и без меры нарумяненной дамы походил на пыхтение.

Тот, кто отнесет описанные проявления враждебности на счет обычного женского соперничества, совершит таким образом вопиющую несправедливость по отношению к обеим достойным представительницам древнего клана Макнамара. Ведь в упитанной груди миссис Мак билось по-своему мягкое сердце, да и Магнолия отнюдь не была склонна к ревнивой нетерпимости. Просто тетя Ребекка вела себя с миссис и мисс Макнамара вызывающе надменно и с высоты своего величия не всегда их замечала, а заметив, частенько не узнавала – и это притом, что внешность и манеры Магнолии трудно было с чем-либо спутать. К примеру, не далее как сегодня, когда состязания шли полным ходом и выстрел звучал за выстрелом, а кое-кто из дам издавал испуганные возгласы, мисс Магнолия не только не моргнула глазом, более того, она взяла в свои прекрасные руки ружье, и выстрел ее был встречен такой овацией и ликованием, каких не удостоился ни один из стрелков, даром что при этом едва не лишился жизни ни о чем не подозревавший Артур Слоу, престарелый почтенный джентльмен, который с галантной улыбкой размахивал шляпой. И тем не менее тетя Ребекка, которая стояла в деся-

ти шагах и смотрела на Магнолию в упор, не соизволила заметить героиню дня. Эта вопиющая наглость так возмутила Магнолию, что в ответ на улыбку и двукратное приветствие Гертруды она только вздернула подбородок и бросила на ни в чем не повинную девушку вызывающий взгляд.

Всем и каждому было известно, что мисс Ребекка Чэтте-суорт сосредоточила в своих руках полную, безраздельную власть над Белмонтом. Покладистый старый генерал и юная племянница, почти ребенок, были неспособны противопоставить ее воле свою. Пламенная душа тети Бекки жаждала, быть может, более трудных побед. В одном генералу повезло: если его сестра и брала на себя время от времени командование Королевской ирландской артиллерией, то случалось это нечасто. Не то чтобы она не решалась бросить вызов общественному мнению – просто ее занимали увлечения иного, не менее странного рода. Неугомонной тете Бекки взбрело в голову, что в Чейплизде имеется немало старых женщин – нищенок и прочих, коих судьба обделила в свое время преимуществами, связанными с образованием, и неплохо было бы обучить их грамоте. Под началом этой энергичной леди дважды в неделю собиралась на занятия «школа пожилых женщин», личный состав которой кого только в себя не включал: ревматиков и параличных, подслеповатых и глухих, а сверх того безнадежно тупоумных. У камина, над которым, выписанный огромными черными буквами, красовался девиз «Лучше поздно, чем никогда», рассаживались

ученицы, извлекали на свет буквари и очки и с пыhtением и сопением принимались читать по складам. Тетя Бекки поддерживала жаркий огонь и раздавала многообещающим престарелым дарованиям, вкyпе с едкими выговорами, суп и хлеб. Зимой дополнительной наградой за усердие служили фланелевые нижние юбки (по одной на ученицу); выдавалось также ежемесячное денежное вспомоществование. Первый учебный год заметных академических успехов не принес, но начинание в целом, можно сказать, процветало: аудитория умножилась числом. Помимо прочих подали заявления и были допущены к занятиям два престарелых абитуриента мужского пола – цирюльник Уилл Поттс, ставший нетрудоспособным по причине дрожи в правой руке, и военный пенсионер Фил Дулан, равнодушный к выпивке инвалид на деревянной ноге. Оба решили, что лишняя тарелка супа и шесть монет в месяц им тоже не помешают. Далее тетя Бекки взяла за обыкновение посещать тюрьмы. Из всех тюремных обитателей она неизменно и безошибочно выбирала самых отпетых, и на ее попечении находилось, как правило, двое-трое отпущенных на волю правонарушителей. Кое-кто утверждал, что ей не чуждо вольтерьянство, но при этом оказывался не прав: при всей своей склонности к социальным парадоксам она все же обеими ногами стояла на церковных позициях. Таким образом, тетя Бекки была назойливо, бесцеремонно великодушна, не лишена добрых качеств, но в своих благодеяниях – истинный тиран и по большей ча-

сти служила источником всяческих — мелких и крупных — неприятностей.

Через некоторое время генерал (или «старый Чэттесурт», как именovala его Магнолия) с благодушной ухмылкой, чопорными поклонами и прочими обычными знаками внимания приблизился к дамам (да и с какой стати ему чуждаться общества сестры и племянницы своего доброго приятеля и сослуживца майора О'Нейла?). При этом миссис Макнамаре пришлось прервать беседу с О'Флаэрти, в ходе которой она пыталась доказать, что генерал ведет свое происхождение от некоего Чэттесурта, бывшего во времена королевы Анны армейским портным, а также состоит в родстве с одним ныне здравствующим маслоторговцем из Корка. Пикантным дополнением к рассказу послужила весьма язвительная эпиграмма в адрес дяди генерала («советника»), которую сочинил доктор Свифт. Пересказывая ее на ухо фейерверкеру, миссис Мак злобно хихикала, и О'Флаэрти, не вполне уловившему соль, пришлось присоединиться к ее смеху и произнести: «Ого! Убийственно!»

Любезная миссис Мак показала генералу явное пренебрежение, а мисс Магнолия ответила на приветствие кратко, вздернула подбородок и, прикрыв веером усмешку, шепнула что-то на ухо Тулу. Доктор принужденно ухмыльнулся и спокойно скосил свои хитрые глазки на ничего не подозревавшего генерала и тетю Ребекку: добрым мнением владельцев Белмонта необходимо было дорожить. Видя, что мисс Мэг

настроена бескомпромиссно, и не желая навлекать на себя неприятности, доктор подозвал собак, осклабился, взмахнул треуголкой и поспешил на поиски каких-нибудь других приключений.

Итак, оба дома разделила вражда и ненависть, и все по причине необъяснимого поведения тети Ребекки, которая упорно отвращала взгляд от Магнолии и ее матушки (я не обвиняю мисс Бекки в снобизме: ее прилюдные дружеские беседы с маленькой миссис Тул, которую уж никак нельзя было назвать важной особой, длились часами). Месть двух дам из рода Макнамара грозила обрушиться не только на обидчицу, но и на ее ни в чем не повинных родственников, ибо за такого рода унижение, как в Китае за измену государю, карают не только самого обидчика, но и его близких, каждого сообразно степени родства. Изменника кромсают на мелкие кусочки, сыновей его забивают плетью, племянников превращают в отбивные, прочей родне отрубают руки и ноги, легким испугом не удастся отделаться никому. Пусть добрые христиане, кои привыкли обращаться к Господу со словами «не введи нас во искушение» и «блаженны миротворцы», видят, как ничтожная, в сущности, оплошность влечет за собой несообразно суровую расплату, и остерегутся совершать что-либо подобное.

Наконец на ярмарочной лужайке появился смуглолицый красавец-капитан Деврё (высокий и стройный, с большими, светящимися умом глазами – загадочный и ни на кого не по-

хожий); за этим прекрасным видением восхищенно и преданно следили из-под капюшона темно-голубые глаза бедняжки Нэн Глинн из Палмерзтауна. Бедная Нэн! Где ты теперь, с твоими шутками и плутовскими проделками, страстями и роковым даром красоты?

Вскоре капитан Деврё (Цыган Деврё, как его прозвали за смуглый цвет лица) вступил в беседу с Лилиас Уолсингем. О прелестная Лилиас, леди до мозга костей, мне ни разу не довелось видеть тот цветной карандашный портрет, о котором рассказывала моя матушка, но знаю: ты была весела и нежна, красками подобна розам и фиалкам, а на щеках твоих весело и грустно играли ямочки; ты стоишь передо мной, как живая, на росистой заре своей юности, и, словно при виде потерянной первой любви, из груди моей вырывается вздох.

– Я в разладе с самим собой, – говорил Деврё, – веду праздную, бесполезную жизнь. С этим нужно покончить, но фат берет во мне верх. Мне бы иметь исповедника, чтобы порицал меня, увещевал и таким образом наставлял на путь истинный. Если бы какая-нибудь дама явила милосердие и взяла меня под опеку, она бы убедилась, что я не совсем безнадёжен.

Прозвучавшая в этом пожелании нота серьезности лишь позабавила молодую леди. Насколько ей было известно, ее собеседник ничем себя не запятнал, разве что раз или два позволил себе сыграть в карты по-крупному (самое худшее редко доходит до ушей юных дам).

– Что, если мне попросить Гертруду Чэттесуорт: пусть поговорит со своей тетей Ребеккой? – лукаво предложила Лилиас. – Вы могли бы посещать ее школу на Мартинз-роу, где над камином висит девиз «Лучше поздно, чем никогда». Там бывают не одни только женщины, но и двое мужчин. Сядете на одну скамью с бедным Поттсом и добрым старым Дуланом.

– Благодарю вас, мисс Лилиас. – Собеседник сопровождал свой ответ поклоном и легкой усмешкой (быть может, с оттенком обиды, но крохотным, совсем незаметным). – Не сомневаюсь, что не встречу отказа, но я нуждаюсь в ином, более мудром руководстве; набраться бы мне смелости обратиться за ним к *вам*.

– Ко мне? – произнесла девушка удивленно. – Впрочем, вспоминая, – весело продолжала она, – пять лет назад, когда я была совсем маленькой, вы называли меня коллегой и правой рукой доктора Уолсингема – я была таким серьезным ребенком, помните?

Произнося эти слова, мисс Лилиас не подозревала о том, как обрадуется Деврё, что она не забыла его незамысловатую шутку пятилетней давности. Тем более не приходило ей в голову, что красавец-капитан многое бы отдал сейчас за позволение коснуться губами ручки этого подросшего «серьезного ребенка».

– Подобная развязность ныне мне уже не свойственна, по-сему соблаговолите забыть о ней и позвольте мне, во искуп-

ление былой дерзости, сделаться вашим покорным... вашим *всепокорнейшим* слугой.

– При чем же тут слуга? – рассмеялась мисс Уолсингем. – Прихожанин – это другое дело.

– И в качестве такового я осмелюсь просить вас о совете и наставлении. Помимо вашей, ничьей иной опеки я не потерплю, от *вас* же любой упрек приму с восторгом.

– Увы, в таком случае немного же вам будет пользы от моих нареканий.

– Горькая истина всегда полезна, хотя не скрою – выслушивать ее от вас мне будет не столько обидно, сколько приятно. – Темные глаза собеседника смотрели на девушку искренне, но как-то очень странно. Помолчав, капитан добавил: – Мне радостно будет сознавать, что, помня о моих провинностях, вы уделяете мне таким образом хотя бы малую толику своих мыслей.

– Однако обижать людей мне не пристало.

– Меня вы не обидите – разве что огорчите, а вернее всего – осчастливите, поскольку поможете мне исправиться. Почему бы не воспользоваться возможностью наставить ближнего на стезю добродетели?

– Разумеется, но только примером, а не чтением морали. Для этого существуют более мудрые проповедники, наш приходской священник, например.

В исполненном гордости взгляде, который Лилиас бросила на своего милого отца, читалось убеждение, что лучше

его нет никого на свете; у Деврё при этом вырвался невольный вздох. Старик не расслышал слов своего любимого чада, он лишь ощутил, как ее ручка коснулась рукава его суктаны, ответил, по обыкновению, нежным пожатием и продолжал ученую беседу с юным чудачком и эрудитом Дэном Лофтусом, который происходил из семейства Дисы – ветви рода Десмондов. Шел слушок (насколько он соответствовал истине – не знаю), что оба этих светлых ума намеревались, не ограничиваясь тяжеловесными томами о чейплизодском замке, совместно приняться за историю Ирландии – труд воистину нескончаемый.

Деврё был в глубине души немало раздосадован тем, что все его попытки завязать узы доверительности с очаровательной Лилиас Уолсингем встречают с ее стороны, вероятно, ненамеренный, но все же непреодолимый отпор. «Маленькая сирена! Мне заказан доступ в ее магический круг – зачем же я стремлюсь туда? Она с небрежностью отстраняет меня. Отчего же я испытываю к ней такой интерес?» И капитан продолжил вслух:

– Подумать только, когда я появился здесь впервые, вам не было еще и двенадцати лет! Вот как давно я вас знаю, а вы до сих пор не убодаиваете меня чести близкого знакомства. – Голос Деврё звучал тихо и кротко, но глаза упрекали и метали искры. Со странной усмешкой капитан добавил: – Ну что ж! Вы успели выдать себя, мне известно теперь, что вы настроены против карточной игры. Так вот, скажу вам

откровенно: я намерен играть много чаще и не избегать, как раньше, крупных ставок. На том и простимся.

Он предпочел не обратить внимания на готовность собеседницы к рукопожатию и лишь согнул спину в низком поклоне; на печальную улыбку, говорившую: «Ну вот вы и рассердились», ответил еще одной усмешкой и беззаботно удалился прочь.

«Она думает, что заставила меня страдать, что без нее я буду несчастен. Пусть знает, что это не так. Целый месяц не стану с ней разговаривать, даже не взгляну в ее сторону!»

К тому времени Чэттесуорты, как и многие другие, решили, что настала пора покинуть ярмарочную лужайку. Молодой мистер Мервин, чей расчет остаться незамеченным оказался не столь верен, как он полагал, вместе с прочими двинулся к воротам. Проходя мимо, Мервин низко поклонился любезному пастору Уолсингему; тот ответил на приветствие не то чтобы угрюмо (такого он никогда себе не позволял), но очень невесело и проводил удалявшуюся толпу кротким и печальным взглядом голубых глаз.

– А, так Мервин здесь! Дай бог, чтобы горе и уныние не последовали сюда за ним по пятам, – пробормотал священник себе под нос и, не упуская фигуру Мервина из виду, вздохнул.

Лилиас, которая шла с отцом под руку, тотчас уловила его тревогу; ища причину, она заметила вдали бледного молодого человека и вгляделась в него с любопытством и некото-

рым беспокойством.

Глава V

Как офицеры Королевской ирландской артиллерии давали обед в честь своих соседей

Обладай я воображением некоторых историков, мне бы ничего не стоило назвать вам имена победителей вышеописанных стрелковых состязаний в Палмерзтауне. Но, по правде говоря, они мне неизвестны, мой двоюродный дед мог бы просветить меня на сей счет – память у старика была удивительная, но этому старику перевалило за восемьдесят, когда я был еще мальчишкой, так что он давно умер. Помню его веселое лицо, напудренные поредевшие волосы, косичку, легкую прямую фигуру; помню, как старый джентльмен задорным пиликаньем на скрипке сопровождал наши детские пляски. Однако, будучи крайне юн, я еще не сознавал, что в лице деда судьба преподнесла мне живой томик старинных историй, а также оракула, к которому можно обратиться с любым вопросом. Ну что ж, теперь уже ничего не поделаешь; а бумаги, которые мне достались, нужных сведений не содержат. Мне известно лишь, что в тот вечер как в Палмерзтауне, так и в Чейплизоде празднествам не было конца и что вплоть до самого позднего часа улицы оглашались на-

пыщенной громкой речью, а залитые луной дороги – песнями и криками «ура!».

В столовой Королевской ирландской артиллерии состоялся, с участием большого числа приглашенных, весьма приятный званый обед. На почетном месте восседал лорд Каслм-эллард, подле него – жизнерадостный старый генерал Чэтте-суорт, не обошлось и без достойного пастора Уолсингема, а также местного католического священника отца Роуча (этот румяный, пышущий энергией человек в шелковом жилете на упитанном брюшке выказывал пристрастие к смешным историям, салатам и дружеским возлияниям), присутствовал и юный ученый муж Дэн Лофтус, кроткий и простодушный, как дикарь; его волосы были, по обыкновению, всклокочены, наивные голубые глазки с воспаленными от чтения за полночь веками смотрели отсутствующе, и весь его некрасивый облик выдавал бесконечно добродушного чудака.

Доктор Уолсингем, по-отечески расположенный к этому милому и странному созданию, помог ему окончить колледж, весьма высоко ставил дарование своего юного друга и ценил его общество. Оба были всей душой преданы книгам и, в меру своих возможностей, с жаром занимались археологическими изысканиями. Судьба подкинула им недурную загадку, о которую ничего не стоило обломать зубы, – чейплизодский замок. Он сделался вечной темой их бесед. Лофтус уже успел составить два тома выдержек из всевозможных документов, к которым получил доступ благодаря содей-

ствию доктора Уолсингема. Оба ученых мужа усердствовали так, словно итогом их трудов должно было стать доказательство их совместного наследственного права на владения лорда Каслмэлларда. Интерес к замку сблизил друзей еще теснее; долгие часы они проводили у реки, где вдоль и поперек мерили шагами луг, затем принимались тыкать в землю тростями и, наконец, копать в поисках старых стен, – говоря об этом, прихожане крутили пальцами у виска.

Лофтус, знаток ирландской истории, позаимствовал из кельтских манускриптов кое-какие – далекие, правда, от ясности и однозначности – суждения по интересующему его вопросу; этого оказалось достаточно, чтобы священник восхищенно склонил голову перед трудолюбием и многосторонней ученостью юноши, который посвятил их общему увлечению и свои лингвистические познания, и умственные способности, и долгие часы досуга.

Лорд Каслмэллард привык к тому, чтобы его высказывания выслушивались со вниманием; ему и в голову не приходило, что нередко они бывают невыносимо скучны. Неспешная мысль рождала расплывчатую, наводящую зевоту речь. Сидя во главе стола, он развлекал своего учтивого собеседника, старого генерала Чэттесуорта, панегириком в честь Пола Дейнджерфилда, человека удивительного, необычайно богатого талантами, превзошедшего мудростью всех современников; он мог бы далеко продвинуться по любой избранной им стезе. Его светлость искренне полагал, что целостью

и сохранностью своих владений в Англии обязан исключительно Дейнджерфилду, и согласие того хотя бы на короткое время остаться в должности управляющего считал благословением Небес. В скором времени ожидалось прибытие Дейнджерфилда в Ирландию с целью осмотреть местные имения и, вероятно, дать Наттеру совет-другой. Дейнджерфилд не был связан супружескими узами, и, соответственно, как намекнул его светлость, ирландским дамам открывались виды на поистине блестящую партию. Штаб-квартирой Дейнджерфилда на время визита должен был стать Чейплизод. Лорд Каслмэллард – правда, без особой уверенности – отметил предположение, что Дейнджерфилд происходит из семейства Торли... и так далее, без конца. Его светлость изрядно утомил слушателей, но все же перед их умственным взором замаячила – правда, несколько туманно – фигура гигантского масштаба; а ведь следует учесть, что в этом милом пригородном местечке от новоприбывшего не требовалось особо выдающихся качеств, чтобы возбудить к себе всеобщий интерес. Сколько еще намерен был распространяться на одну и ту же тему лорд Каслмэллард, никто так и не узнал: речь его сама собой прервалась, а оратора вскоре сморил сон. Дело в том, что, ненадолго умолкнув ради нескольких глотков кларета, его светлость ненароком услышал, как хирург Стерк – в сильных, можно сказать устрашающих, выражениях – рассуждал о магнетизме (тема эта, начиная с куда более ранних времен, периодически вызывает брожение умов);

томным голосом его светлость спросил, как доктор Уолсингем относится к упомянутому предмету.

Доктор Уолсингем оказался ревностным собирателем и хранителем сведений о всякого рода необычных явлениях; временами он доходил в своем усердии до педантизма. На заданный вопрос он незамедлительно отозвался такой речью:

– В одном любопытном старинном трактате, принадлежащем перу многоученого Ван Гельмонта, магнетизм, насколько я припоминаю, назван магической способностью, которая пребывает в нас непроявленной, поскольку она через первородный грех приведена в усыпление; для проявления ей необходима возбуждающая сила, каковая может быть доброго или злого свойства; обычно же за ней стоит сам Сатана, которому ведьмы закладывают души, вступая с ним в сделку. Упомянутая способность князем тьмы не даруется, но присуща натуре ведьмы изначально, хотя под действием дурмана первородного греха и пребывает в дреме, однако «сей искушенный лукавец, сей многоликий Протей» (доподлинные слова автора) вовек не попустит, чтобы у жертвы его обмана открылись глаза.

Я не просто полагаю, я искренне убежден, что послеобеденная речь о различных предметах, имеющих отношение к Морфею, например об отходе ко сну и об уютном ложе (я имею в виду достоверное и обстоятельное описание, а не какую-нибудь поэтическую галиматью), является чудодейственным средством, способным усыпить любого флегма-

тичного джентльмена – я бы сказал, задержать полог чувств и притушить свечу сознания. В словах доктора и в приведенной им цитате содержалось немало упоминаний о дреме, дурмане и усыплении; посему не приходится удивляться, что лорд Каслмэллард утратил бодрость раньше, чем подошла к концу докторская колыбельная. Вы, любезный читатель, на его месте повели бы себя точно так же.

– Я отдал бы половину всего, что у меня ешь, шэр, и карьере в придачу, – бешено шепелявил кругленький лейтенант Паддок, частенько впадавший в исступление, когда рассуждал о сцене, – лишь бы выштупить на подмостках в роли Алекшандра Первого.

Между нами говоря, Паддок был маленьким толстячком, сентиментальным до чрезвычайности, а помимо того, гурманом. Его письменный стол ломился от любовных сонетов и кулинарных рецептов. Душа его неизменно пребывала во власти нежных чувств, сам же он нередко втихомолку посещал кухню, где приготовление особо сложных plats³ не обходилось без его надзора. Он был добродушен, слегка педантичен, весьма галантен – истинный chevalier⁴, притом sans reproche⁵. Паддок безоговорочно верил в свой талант трагического актера, но даже самые искренние его друзья не могли

³ Блюд (*фр.*).

⁴ Рыцарь (*фр.*).

⁵ Без упрека (*фр.*). (Обыгрывается французская поговорка «Chevalier sans peur et sans reproche» – «Рыцарь без страха и упрека».)

отделаться от мысли, что его пухлые щеки, круглые бесцветные глазки, пришепетывание и томное, восторженно-удивленное выражение, которое шалунья-природа придала его физиономии, – не лучшие спутники на драматической стезе. Паддок питал также счастливую уверенность в своем успехе у прекрасного пола, на самом же деле пользовался таковым прежде всего среди товарищей; последние не отказывали себе в безобидной насмешке, однако добрые качества Паддока ценили по достоинству.

– Хоть лопни, дело требует человека целиком. Мельпомена, шэр, шамая ревнивая из муз. Ешли желаешь зашлужить ее благошклонношть, ты должен предатьшя ей душой и телом. А когда у тебя ни швет ни заря поштроение, а голова забита черт-те чем: тактикой, штрельбой и...

– И фаршированными голубями, и прелестницами, – подсказал Деврё.

– И прочей шкучищей, – не смутившись, продолжал Паддок, – то как тут равнятышя ш талантами, которых богаче одарила природа, – Паддок, мошенник, явно не верил, что таковые существуют, – ешли они к тому же пошвящают иш-куштву – и только ему – вше швое время и...

– Ничего из этого не выйдет, – вмешался О'Флаэрти. – Знавал я как-то Томми Шайкока из Баллибейзли. Этот парень наострился удерживать стоймя на подбородке смычок от скрипки. Стоило ему появиться в бальном зале в Трейли, девицы собирались вокруг толпой, а мисс Китти Мэхони

самая первая; смотрят, бывало, во все глаза и хохочут без устали. У меня мозгов вдвое супротив него. Так вот, как я только не лез из кожи, битый месяц поднимался ради этого в четыре, ни одного утра не пропустил, но пришлось махнуть на это дело рукой, потому что еще немного – и я бы окосел от гляденья на смычок. Я, по примеру Томми, начал с контрабасного – ну и работка, скажу я вам. Каждый божий день по два часа, а то и по два с половиной, год за годом – вот как он занимался; у него на подбородке сделалась ямка – хоть горошину туда клади.

– Упражняться без устали, – кивнул Паддок (воспроизводить особенности его произношения далее я считаю излишним), – не жалеть времени, серьезно относиться даже к пустякам – вот секрет успеха. Дело в том, что природа...

– Нуждается в подкреплении, дорогой мой Паддок, а посему передайте мне бутылку, – прервал его Деврё, который любил, чтобы стакан был полон.

– Будь я проклят, мистер Паддок, – не унимался О'Флаэрти, – да имей я хоть половину вашего таланта, уж я бы непременно выступал на сцене в Смок-Элли – инкогнито, конечно. Есть такой чудак, мистер Гаррик – помните, во всех трех королевствах только о нем и говорили, – так вот, он заочлачивает по тысяче фунтов в неделю – лопатой гребет, ей-богу, – а росточком вряд ли намного выше вашего, чуть от земли видно.

– Из нас двоих я выше, – с важностью произнес Паддок,

который наводил в свое время справки и теперь утверждал (надеюсь, не кривя при этом душой), что перерос Росция на дюйм. – Все это, однако, воздушные замки; если же говорить серьезно, то очень мне хочется – ну просто втемяшилось – сыграть две роли: Ричарда Третьего и Тамерлана.

– Не эту ли роль вы так расписывали, когда мы беседовали еще до обеда?

– Нет, речь шла о судье Гриди, – поправил Деврё.

– Он еще, сдается, придушил свою жену.

– Вогнал ей в глотку пудинг, – вновь вмешался Деврё.

– Нет. Задушил... ну, этим самым... ну же... а потом закололся.

– Шпиговальной иглой – так и написано, черным по белому, а пьеса итальянская.

– Ничего подобного, я говорю об английской пьесе – черт возьми, Паддок, вы-то знаете, – он еще черномазый.

– Ну ладно, английская или итальянская, трагедия или комедия, – сказал Деврё, заметив, что огорчает симпатягу Паддока, наделяя Отелло кухонными атрибутами, – рассказ о ней, я вижу, доставил вам удовольствие. Что до меня, сэр, то есть роли, в которых я предпочту Паддока любому другому актеру. – Если Деврё имел в виду комические роли, то он был прав.

Бедняга Паддок захохотал, пытаясь скрыть свое удовольствие под маской иронии. Следует упомянуть, что он втайне восхищался капитаном Деврё.

Разговор о театре шел своим чередом. Паддок пыжился и шепелявил без удержу; О'Флаэрти, искренне желая сказать приятное, то и дело, по причине своего невежества, попадал пальцем в небо; Деврё потягивал кларет и от случая к случаю непринужденно ронял острое словцо.

– Вы видели, Деврё, как миссис Сиббер играла Монимию в «Сироте». Вовек не забуду ее лицо в сцене развязки.

За столом к тому времени стало уже шумно и прежний чинный порядок несколько нарушился. Паддок, чтобы дать Деврё и О'Флаэрти представление об игре миссис Сиббер, соскользнул со стула, изобразил на лице горестную гримасу и пронзительным фальцетом продекламировал:

Когда в могилу я сойду, забыта всеми⁶.

К сведению читателя, Монимия под конец монолога падает мертвой. Декламация была еще далека от завершения, и лучшим качествам миссис Сиббер предстояло еще выявиться во всей красе, но тут, на строке

Когда придет мой смертный час, а он уж близок —

лейтенант попытался плавной поступью дамы в кринолине сделать несколько шагов назад, зацепился каблуком о ковер и, чтобы восстановить равновесие, изобразил ногами

⁶ Здесь и далее, помимо особо оговоренных случаев, стихи переведены С. Сухаревым.

что-то похожее на флик-фляк, однако это не помогло; падение «сироты», а заодно ложек и тарелок, произвело такой грохот, что застольная беседа разом прервалась.

Лорд Каслмэллард, всхрипнув, пробудился со словами:

– Так вот, джентльмены!

– Это всего лишь бедняжка Монимия, генерал, – с поклоном грустно пояснил Деврё в ответ на изумленный и гневный взгляд своего доблестного командира.

– Да? – повеселел при этом лорд Каслмэллард, и его тусклые глаза забегали в поисках дамы, которая, как он предположил, присоединилась к компании во время его краткого забытья (его светлость был почитателем прекрасного пола).

– Я ничего не имею против декламации, но только если она развлекает собравшихся, – недовольно буркнул генерал. Под его укоризненным взглядом «толстушка Монимия», поправляя прическу и складки жабо, неловко пробралась обратно на свое место.

– Сдается мне, дорогой мой лейтенант Паддок, не будет большой беды, – раздраженно вставил отец Роуч, напуганный внезапным шумом, – если в следующий раз ваша кончина не будет сопровождаться таким неистовством.

Паддок начал извиняться.

– Ничего, ничего, – смягчился генерал, – давайте-ка напомним стаканы. Ваша светлость, кларет, по общему мнению, превосходен.

– Отменное вино, – согласился его светлость.

– А что, если нам, ваша светлость, попросить кого-нибудь из джентльменов спеть? Среди них имеются большие искусники. Ну как, джентльмены, согласится кто-нибудь почтить собрание?

– Мне очень нахваливали пение мистера Лофтуса, – сказал капитан Клафф и подмигнул отцу Роучу.

– Как же, как же. – Роуч тут же подхватил шутку (старую как мир, но по-прежнему пользующуюся успехом). – Мистер Лофтус поет, клянусь, я сам слышал!

По виду мистера Лофтуса трудно было предположить, что этот робкий, наивный чудаковатый способен спеть хотя бы ноту. Он широко открытыми глазами обвел помещение и залился краской; присутствующие уже громко чокались и подбадривали несмелого певца.

Однако, когда воцарилась тишина, Лофтус, ко всеобщему удивлению, сдался (хотя и не без трепета) и выразил готовность развлечь честную компанию. В песне, сказал Лофтус, идет речь об умерщвлении плоти во время Великого поста, но славный старинный сочинитель имел в виду осудить лицемерие. Это объявление было встречено всеобщим весельем и звоном стаканов. Отец Роуч, явно смущенный, бросил подозрительный взгляд на Деврё: бедный Лофтус умудрился задеть самое больное место достойного клирика.

Дело в том, что отец Роуч, подобно многим другим ирландским священнослужителям, обладал спортивной, а точнее, охотничьей жилкой. Вместе с Тулом он время от вре-

мении предпринимал загадочные вылазки в Дублинские горы. Отец Роуч держал пару отличных собак и, будучи по натуре человеком добрым, охотно одалживал их всем желающим. Он любил радости жизни и общество веселой молодежи. Зеленая дверь его дома всегда была открыта офицерам, которые то и дело заглядывали к святому отцу, чтобы одолжить его собак или получить совет, если занедужит или начнет подволакивать ногу кто-нибудь из их собственных питомцев. Считалось, что в этом деле его преподобие сведущ даже больше, чем Тул.

И вот в одно прекрасное утро – тому назад недели две-три – Деврё и Тул, вместе явившись к святому отцу с какой-то просьбой, нечаянно застали его врасплох: отец Роуч уплетал зайчатину – да, клянусь всеми святыми, пирог с зайчатинной – в самый разгар Великого поста!

Было время завтрака. Обед отца Роуча представлял собой, как то и пристало, трапезу анахорета, но кто же мог предвидеть, что обоих злосчастных хлыщей принесет нелегкая в скромную столовую священника ни свет ни заря? Отрицать вину не было никакой возможности: общение с запретной пищей состоялось на глазах у ранних гостей. С лоснящимся лицом, судорожно сжимая нож и вилку, его преподобие вскочил, как чертик из табакерки, и воззрился на посетителей испуганно и злобно, чем только подогрел их веселье. За хохотом последовали иронические приветствия и дежурные любезности, перемежавшиеся новыми раскатами

смеха, так что незадачливому хозяину не скоро удалось взять слово.

Когда же Роуч, подняв ладонь на манер обвиняемого в убийстве, наконец заговорил, он сослался на особую милость епископа, освободившего его от поста. Полагаю, он не погрешил против истины, ибо, призывая в свидетели всех святых, уверял, что он далеко не так здоров, как может показаться на первый взгляд, и что подобные скрыто протекающие недуги – явление весьма и весьма распространенное. Оказывается, его преподобие мог бы с дозволения епископа вкушать скоромное ежедневно за каждой трапезой, однако же предпочитает этого не делать – не ради очистки совести, которая у него и без того чиста, а дабы не давать прихожанам повода к «неразумным выпадам» (гомерический хохот); теперь же его преподобию остается лишь корить себя за свое добровольное воздержание (еще один взрыв веселья). И, как следствие этой дурацкой деликатности (вновь оглушительный гогот), он поставил себя в ложное положение... и так далее, вплоть до конечного призыва *ad misericordiam*⁷, обращенного к «дражайшему капитану Деврё» и «милейшему Тулу». Они томили святого отца немилосердно: уселись за стол и под тоскливым взглядом хозяина доели все, что уцелело от пирога с зайчатиной. Они потребовали подробного рассказа о всех обстоятельствах доставки дичи и приготовления запретного блюда. Никогда еще им не выпадало

⁷ К состраданию (лат.).

столь приятного утра. Разумеется, был принесен самый наиторжественнейший обет вечного молчания, каковой – также разумеется – соблюдался впоследствии свято. Происшедшее – боже упаси – ни словом не было помянуто в офицерской столовой, а также не было приукрашено, обращено в фарс и представлено публике посредством комического таланта доктора Тула.

Нельзя, правда, отрицать, что существовал некий монолог, которым доктор частенько угощал за ужином «Олдерменов Скиннерз Элли» и прочих своих сотрапезников. Произносимый с сочным ирландским акцентом, этот монолог сопровождался усиленной жестикуляцией (при помощи ножа и вилки) и возвышался временами до надрывающего душу пафоса, яростное негодование сменялось ребяческим заискиванием, а участники застолья стучали стаканами и поминутно разражались оглушительным хохотом. Лорд-мэр, толстый недотепа, который обычно полагал веселье неуместным, так заходился в мучительном приступе смеха, что жестом – поскольку не мог говорить – молил Тула о передышке. Тот, однако, и не думал умолкать, и его светлости приходилось не единожды покидать свое место и удаляться к окну, чтобы не лопнуть, как он говорил впоследствии. По жирным щекам лорд-мэра катились слезы, губы раскисали, голова медленно раскачивалась из стороны в сторону, его светлость коротко постанывал, обхватив себя за бока, и, белый как полотно, казался полностью обессиленным – кое-кто из его сотовари-

щей взирал на это не без ехидства, хотя вслух не произносил ни слова.

Вскоре после вышеописанного нечаянного разоблачения – вероятно, чтобы скрепить договор о соблюдении тайны, – отец Роуч пригласил офицеров и доктора Тула на роскошный постный обед, а вернее сказать, пир: на столе красовалось ни много ни мало девятнадцать plats из печеной, вареной, тушеной рыбы; некоторые из этих блюд Паддок вспоминал еще и два десятка лет спустя.

Глава VI

Обед с пением продолжается

Не приходится удивляться, что слова ни о чем не подозревавшего Лофтуса повергли отца Роуча в беспокойство; он горько раскаялся в своем намерении подшутить над простодушным юношей. Но отступить было некуда. Все смолкли, а Дэн Лофтус запел. Его голос напоминал тоненькую, беспокойно вибрирующую свирель. Певец откинулся на спинку стула и закатил глаза, так что виднелись только белки; скрюченными пальцами одной руки он отбивал на столе ритм, и полилась песня, каждый куплет которой исполнитель с большим тщанием единообразно изукрасил двумя-тремя короткими трелями и руладами. Мелодия, как я догадываюсь, была взята из одного старинного псалма.

Настал Великий пост: нельзя нам
Вкушать дичину, христианам.
Поститься предписал Господь —
Смирняя, укрощая плоть.

Тут у иных офицеров — участников застолья вырвались диковинные, не поддающиеся описанию сдавленные возгласы; одни промычали что-то невнятное, другие зашмыгали носом; генерал Чэттесуорт, который мрачно сверлил взгля-

дом свою десертную тарелку, отрывисто призвал: «К порядку, джентльмены». Голос его прозвучал сурово, но при этом как-то неровно. Лорд Каслмэллард оперся на локоть и с сонным видом созерцал певца в упор. Замешательство в рядах офицеров не было им замечено, и пение продолжалось. Две последние строки каждого куплета повторялись, как в псалме, дважды; этим воспользовались изнывающие слушатели, чье веселье безудержно рвалось наружу. К рефрену присоединился хор, и его ликующий рев, звучание которого все нарастало, составил причудливый контраст высокому дрожащему голосу солиста.

Лофтус
(*solo*)

Мясного, рыбного – ни-ни!
Филе по-испански – Господь сохрани!
Картофель с корочкой янтарной
Вкусим с молитвой благодарной.

Хор офицеров

Картофель с корочкой янтарной
Вкусим с молитвой благодарной.

– Замечательная песня, – шепнул доктор Уолсингем на ухо лорду Каслмэлларду. – Я знаю эти стихи, их сочинил во

времена Якова Первого Хауэлл – большой искусник и набожный христианин.

– Вот как! Благодарю за пояснения, сэр! – отозвался его светлость.

Лофтус
(*соло*)

Коль с видом богомольно-мрачным
Мечтаньям ты предашься алчным —
Душе твоей, как потаскушке,
Приличны любострастья мушки.

Хор офицеров

Душе твоей, как потаскушке,
Приличны любострастья мушки.

Лофтус
(*соло*)

Тогда не постник ты примерный,
Ты – плут и грешник лицемерный.
Обуздывая дух, мы сами
Должны питаться отрубями.

Хор офицеров

Обуздывая дух, мы сами
Должны питаться отрубями.

Успех исполнителя превзошел все ожидания: хохот был оглушителен, аплодисменты – подобны грому. Оставался серьезным Паддок: приведенный поэтом перечень блюд поверг его в глубокую задумчивость. Доктор Уолсингем не мог не одобрить заключенной в песне морали. Он слушал сосредоточенно, а в наиболее поучительных местах покачивал в такт головой, размахивая ладонью, и бормотал: «Так-так, воистину так... прекрасно, сэр».

Один лишь отец Роуч был далек от того, чтобы упиваться происходящим. Он сидел, уныло уперев в грудь свой двойной подбородок и плотно поджав губы. Лицо честного священнослужителя омрачилось и налилось кровью, глазки со злобной раздражительностью бегали по сторонам, ибо он подозревал, что стал предметом всеобщего глумления и насмешек. Когда же заключительный рефрен хора перешел в апофеоз смеха, отец Роуч сделал нелепую попытку к нему присоединиться. Это напоминало пороховую вспышку, поглощенную темнотой; хмурая гримаса, подобно опускной решетке, скрыла улыбку; Роуч откашлялся, с необычайно церемонным поклоном уставил на простофилю Лофтуса недобрый взгляд, выпрямился, расправил плечи и произнес:

– Мне неизвестно в точности, что это за «нелепый испанский», – (достойный клирик совсем недавно привез тай-

ком из Саламанки духовное облачение дивной красоты), – а также что это за особа с мушками... мушками любострастия, если не ошибаюсь.

Домоправительница отца Роуча, к несчастью, как раз носила мушки; необходимо, впрочем, добавить, что она была особой безусловно добродетельной и к тому же далеко не молодой.

– Остается лишь предположить, судя по очевидному веселью наших общих друзей, что шутка эта в любом случае остроумна и ни в коей мере не обидна.

– Но, с вашего позволения, сэр, – вмешался Паддок, который не мог спокойно пропустить мимо ушей оговорку его преподобия, – в песне не было слов «нелепый испанский», речь шла, как я понял, о желе по-испански – это такое сладкое блюдо, на вкус восхитительное. Вы не пробовали? В него добавляют херес. Знаете, у меня случаем имеется рецепт, и, с вашего разрешения, сэр, рецепт превосходный. Когда я был еще мальчиком, я как-то приготовил это блюдо у себя на кухне. Так вот, клянусь Юпитером, мой брат Сэм так объелся, что ему стало плохо. Как сейчас помню, его так прихватило, что моя бедная матушка и старуха Доркас провозились с ним всю ночь... И я вот что хотел сказать: если позволите, сэр, я с радостью пошлю рецепт вашей домоправительнице.

– Это блюдо не по вашему вкусу, сэр, – вставил шпильку Деврё, – есть другой превосходный рецепт – совершенно иного рода – постное блюдо; ты упоминал о нем вчера, Пад-

док. Впрочем, мистер Лофтус тоже умеет готовить это блюдо, и даже удачнее.

– Правда, мистер Лофтус? – тут же спросил Паддок, чья кулинарная любознательность не имела пределов.

– Я не совсем понял, капитан Паддок, – растерянно про-
бормотал Лофтус.

– Что же это? – коротко осведомился его преподобие.

– Заливное из постника, сэр, – отвечивал Паддок, невинно улыбаясь прямо в лицо взбешенному священнослужителю.

– *Благодарю* вас, – бросил отец Роуч; лицо его приняло выражение, благовоспитанному Паддоку совершенно непонятное.

– Что получилось у Лофтуса, мы уже знаем, а теперь дай нам, Паддок, *свой* рецепт этого блюда. Из чего оно делается? – не унимался безжалостный Деврё.

– Из постника, который заливается смехом.

– Над чем же он смеется, этот постник?

– Над постом, надо полагать.

– А как его готовить?

– Выпотрошить, разделать и подать к столу, – охотно зататорил Паддок. – Главное – не пожалеть соли и перца. Можно, но не обязательно, добавить мускатный орех, украсить ломтиками апельсина, барбарисом, виноградом, крыжовником и залить желе. А особенно хорош постник, предварительно нафаршированный дичью.

Эта вдохновенная речь, которую Паддок прошепелявил очень бойко, заметно развеселила окружающих. Священник готов был уже приступить к выяснению отношений, но тут лорд Каслмэллард поднялся, чтобы удалиться, тотчас покинул свое место и генерал. Общество разбилось на группы, из которых наиболее многочисленная отправилась в «Феникс». Там, пополнившись еще несколькими членами, компания заняла клубную комнату и предалась в непринужденной обстановке новым развлечениям. Конец же праздничного вечера, как это иногда бывает, оказался не столь безобидным, как начало.

Глава VII

О том, насколько далеко могут зайти во взаимном непонимании два джентльмена, притом что предмет их разногласий остается для окружающих загадкой

Прочие участники торжеств к тому времени разбрелись по своим берлогам: Лофтус удалился в мансарду, усеянную рваной бумагой и книгами, отец Роуч – в свою маленькую гостиную, где с рычанием выместил злобу на жареном индюке с пряностями, а затем окончательно вернул себе покойное расположение духа за обильным возлиянием (горячий пунш с виски). Он ведь был человеком миролюбивым и в общем добрым малым.

В клубной комнате новоприбывшие застали доктора Тула; тот, вместе с Наттером, сидел за шахматной доской. Последовал рассказ о Лофтусе с его великопостным гимном и муках несчастного отца Роуча. Доктор впивал каждое слово с восхищением, потирая руки, хлопая себя по ляжкам и издавая ликующие возгласы. О’Флаэрти успел отведать пунша – напитка, который, к несчастью, приводил его в недоволь-

ное и ворчливое настроение, – и теперь с мрачным видом превозносил несравненные чары своей дамы сердца – леди Магнолии Макнамары. Лейтенанта никоим образом нельзя было отнести к числу тех сентиментальных пастушков, что предпочитают изнывать от любовного томления в уединенных лощинах и прочих безлюдных местах, напротив, он не стыдился шрамов, полученных в любовных битвах, и охотно выставлял их на суд публики, дабы они послужили окружающим назиданием.

Пока О’Флаэрти живописал достоинства своей «обворожительницы», Паддок, расположившийся в двух шагах, с неменьшим пылом воспевал совершенства «волосатого» поросенка, поджаренного в щетине. Те, чей слух улавливал оба панегирика одновременно, могли бы сравнить это попури с чередованием стихов из «Староанглийского ростбифа» и «Последней розы лета». О’Флаэрти внезапно осекся и не без суровости в голосе обратил к лейтенанту Паддоку вопрос:

– Зачем вам сдалась эта щетина, сэр? Что за важность, со щетиной или без?

– В рецепте все важно, сэр, – возразил Паддок не без высокомерия.

Наттер, изменив своей обычной молчаливости, счел за нужное предотвратить назревающий конфликт и произнес:

– Бог с ним, с пороссячим волосяным покровом, побережем лучше человеческий.

Одновременно он едва заметным кивком дал Паддоку по-

нять, что с подвыпившим фейерверкером лучше не связываться.

– *Человеческий* волосяной покров? – с нажимом повторил О’Флаэрти и вызывающе воззрился на Наттера в упор. Вероятно, кивок не ускользнул от его внимания и был неверно истолкован.

– Вот именно, сэр. Кстати, мисс Магнолию Макнамару волосами Бог не обделил, можно вам только позавидовать, – отозвался Наттер, довольный тем, что так ловко вывернулся.

– *Мне* можно позавидовать? – зловеще повторил О’Флаэрти.

– *Вам* можно позавидовать, сэр, – твердо прозвучал голос Наттера, который был отнюдь не робкого десятка.

Несколько секунд собеседники разглядывали друг друга угрожающе, хотя и не без замешательства.

Однако после краткого молчания О’Флаэрти забыл про Наттера и вернулся к прежней теме:

– Клянусь всеми святыми, сэр, в жизни не видел такой прелестной ямочки на подбородке, как у этой молодой леди!

– А вы не пробовали, сэр, горошина там поместится? – бесхитростно осведомился Деврё с бесшабашностью, присущей юности.

– Ну уж нет, сэр, – О’Флаэрти произнес это низким голосом, угрожающе сверкая глазами, – хотел бы я видеть того, у кого протянется рука сделать это в моем присутствии.

– Что за чудесное имя – Магнолия! – поспешил вмешаться

Тул.

В те веселые времена ссоры нередко влекли за собой грозные последствия, и посему как нельзя более уместно было вмешательство миротворца, умеющего вовремя направить разговор в иное русло. Для этого иной раз не требовалось больших усилий: в решающий миг какой-нибудь на удивление ничтожный предмет, не больше острия булавки, мог благополучно оттянуть на себя все электричество, накопившееся в двух разбухших хмурых тучах.

– Оно дано крестной матерью, благородной леди Каррик-О’Ганниол, когда семейство обитало в Каслмаре, графство Роскоммон, – с важностью произнес О’Флаэрти, – да и кому же еще пристало выбирать для нее имя, я спрашиваю, кому? – О’Флаэрти грохнул кулаком по столу и огляделся в поисках желающих возразить. – Так установлено Святой церковью – имя дает крестная мать при крещении, и пока Гиацинт О’Флаэрти из Кулнаквирка, лейтенант-фейерверкер, носит шпагу, никому, даже всему Чейплизоду целиком, этого не отменить.

– Речь, исполненная благородства, лейтенант! – воскликнул Тул, украдкой подмигивая.

– Так что там насчет имени? – спросил влюбленный фейерверкер.

– Клянусь Юпитером, вы совершенно правы, сэр, леди Каррик-О’Ганниол и в самом деле была восприимницей мисс Макнамары.

Засим последовал рассказ о связанных с этим событием обстоятельствах, который был предподнесен с особой мягкостью и осторожностью – без тени насмешки и в тоне самом почтительном: от лейтенанта явственно пахло порохом, а маленький доктор, хотя и умел в случае надобности постоять за себя, отнюдь не стремился спровоцировать взрыв. Тем, кто внимал этой истории не впервые, выпала, смею думать, возможность позабавиться: прежнего зубоскал-рассказчика было на сей раз не узнать.

Дело в том, что имя Магнолия досталось его обладательнице не вполне обычным путем, а именно – в результате несчастного недоразумения. Молодая леди Каррик-О’Ганниол питала любовь к шуткам. Как-то ее светлость высаживала магнолию – один из первых в Ирландии экземпляров этого экзотического растения, и тут пришла записка от миссис Макнамары. Эта добродушная вульгарная особа жаждала заручиться для своей дочери покровительницей из числа высшей аристократии. Ее светлость черкнула карандашом на обороте записки: «Назовите милую крошку Магнолией» – и тотчас забыла и думать о миссис Макнамаре и ее дочери. Но мадам Макнамара пришла в восторг. Автограф сохранялся в семейном архиве Макнамара на протяжении жизни двух поколений, а миссис Макнамара, встретив однажды лорда Каррик-О’Ганниола во время судебной сессии рядом с залом заседания большого жюри, рассказала ему об этом памятном событии с очевидным самодовольством. Лорд, человек по

натуре слабодушный и деликатный, сама любезность, не позволил улыбке перейти в смех и предложил собеседнице понюшку из своей табакерки, дома же, весьма обеспокоенный, задал супруге вопрос, чего ради она побудила миссис Макнамару наградить бедного младенца ни с чем не сообразным именем. Ее светлость, давно забывшая о происшедшем, при этом весьма оживилась и пожелала знать, действительно ли ребенок наречен на веки вечные именем Магнолия Макнамара, а затем залилась смехом, поцеловала его светлость (тот опечаленно покачивал головой), накинула капор, запечатлела на щеке супруга еще один поцелуй и, все еще продолжая хохотать, побежала проведать свою магнолию. В укор легкомысленной супруге и невзирая на ее протесты, его светлость с того дня окрестил растение «макнамарой». Так продолжалось, пока достойный лорд (к превеликому удовольствию жены) не попал наконец впросак: пригласил однажды кроткого великана Мака и его тогда еще не успевшую овдоветь супругу с младенцем Магнолией и нянькой, а также прочих гостей взглянуть на макнамару; семейство воззрилось на его светлость в недоумении, тот же, в силу привычки, не заметил оговорки; ее светлость внезапно прыснула («вспомнила, как в детстве споткнулась о клумбу и упала»), и эти приступы смеха, к огорчению изумленного супруга, повторялись неоднократно, пока осмотр редкостного куста не был завершен.

Преподнося этот небольшой семейный анекдот, доктор Тул постарался в меру возможности не задеть чувства ры-

царственного поклонника прекрасной Магнолии, для чего ему пришлось прибегнуть к некоторым существенным умолениям и поправкам. Когда история подошла к концу, доктор не дал слушателям опомниться и вставить слово, а поспешно задал неожиданный вопрос:

– А теперь, лейтенант, что вы думаете насчет гренок с сыром?

Лейтенант тупо кивнул.

– А *вы*, Наттер, присоединитесь?

– Нет.

– Отчего же?

– Я согласен с Томом Руком; в его песне, прославляющей устриц, говорится:

Съест гренок по-валлийски юнец не ко времени —
И седин уже ввек не почешет на темени.

Остается лишь удивляться: весь вечер, стоило Наттеру открыть рот (а, по уверению хорошо знавших Наттера джентльменов, в этот раз он разговорился сверх обычного), как он тут же будил в лейтенанте-фейерверкере самые злобные подозрения. Мне известно теперь, каких намеков более всего опасался неукротимый забияка, и меня поражает цепь фатальных случайностей, которые породили крайне опасное непонимание.

– Почешет юнец когда-нибудь свои седины или не поче-

шет, вам-то, в вашем возрасте, что за дело до этого, сэр? – проговорил молодой офицер с самой недвусмысленной угрозой в голосе. – Осмелюсь заметить, сэр: джентльмен, кто бы он там ни был, юнец или вовсе не юнец вроде вас, дважды подумает, прежде чем потешаться на чужой счет, если не хочет, чтобы ему крепко почесали – не темя, а совсем другое место, сэр.

Коротышка Наттер, несмотря на свою обычную степенность и молчаливость, был человек далеко не безропотный. Разумеется, он никак не мог взять в толк, с какой стати молодой джентльмен раз за разом обращает свою дерзость именно на него, но задавать по этому поводу вопросы не собирался. Его физиономия цвета красного дерева на мгновение еще больше побагровела, и он, яростно сверкая белками, произнес:

– Вспомните, сэр, что мы не в Коннахте. То, что там называется хорошим воспитанием, в наших краях именуется совсем по-другому. Мы все собрались здесь ради приятного общего... общения, говоря короче, извольте сменить тон, если не хотите сцепиться «парики в клочья».

Послышался хор умиротворяющих голосов.

– Тише, джентльмены, дайте мне сказать, а не то я на него накинусь! – взревел О'Флаэрти (надо отдать ему должное: на лице у него было написано, что он в эту минуту готов на все). – Я полагаю, – обратился он к Наттеру, который напыжился, как бойцовский петушок, – между джентльменами

принято если куражиться, то знать меру и не напрашиваться на оскорбление действием.

– А? – спросил Наттер, устрояюще кривя рот и сжимая в карманах кулаки.

– Оскорбление действием, – повторил О’Флаэрти, – то есть рукоприкладство, или же ногоприкладство, или же порка; на худой конец, чтобы не заходить чересчур далеко, можно просто оттащить за уши или прищемить нос. Между джентльменами принято, сэр, не цапаться как кошки, а чинно и благородно дать понять, что нанесенная обида превышает меру твоего терпения. Это я и беру на себя смелость заявить и надеюсь, что вы заручитесь содействием одного из ваших друзей. Я же, со своей стороны, намерен обратиться к лейтенанту Паддоку, квартирующему в одном со мной доме. Рассчитываю, что он не откажет в любезности своему полковому соратнику, человеку, которого судьба закинула в чужие края, а прежде всего – джентльмену с родословной не хуже, чем у него, – (почтительный поклон в сторону Паддока и его ответный поклон). – Просьба же моя такова: в качестве моего друга встретиться с другом мистера Наттера и обсудить во всех подробностях, каким образом возникшие разногласия могут быть разрешены.

За этим последовал новый поклон. Слово было за Паддоком, и он с достоинством произнес:

– Сэр, по многим причинам мне нелегко принять это поручение, но отвергнуть ваше доверие я все же не решусь.

Склонившись еще раз, О'Флаэрти пожал ему руку, молча торжественно кивнул собранию и исчез, сопровождаемый гулом голосов.

— Мистер Наттер, я... я надеюсь, дело может быть улажено ко всеобщему удовлетворению, — произнес Паддок, напыжившись и вытянувшись, насколько ему позволял рост. — Пока что я... я не вполне понимаю... — (какого дьявола эти двое не поделили — вот чего не понимал Паддок), — однако ваш друг сможет меня найти... Я жду вашего друга у себя, в случае надобности, вплоть до полуночи.

И Паддок согнулся в поклоне. Далее событиям надлежало развиваться в соответствии со строго определенным ритуалом, и все их участники повели себя сдержанно и сугубо официально. Как я уже сказал, Паддок отвесил Наттеру величаво-церемонный поклон, второй такой же — собравшимся и покинул помещение.

Ошеломленная публика на несколько секунд будто проглотила языки. Судя по всему, дело приняло нешуточный оборот. На двух-трех лицах изобразилась странная, не имеющая ничего общего с весельем улыбка удивления и некоторого испуга. Царила тишина, никто не менял позы, все глаза были обращены на дверь. Затем некоторые из присутствующих обернулись к Чарльзу Наттеру, и чары рассеялись.

Глава VIII

Как доктор Тул и капитан Деврё совершили лунной ночью вынужденную прогулку

Почти дюжина голосов загудела подобно потревоженному улью. Молчальник Наттер не произнес ни слова, но, судя по выражению лица, пребывал в бешенстве. Он стоял спиной к камину, широко расставив ноги и засунув руки в карманы, он выпячивал грудь, сопел, распаленный гневом, и, будучи респектабельным джентльменом невзрачного роста, умудрялся, однако, походить на великана, который, учуяв ирландский дух, вскричал: «Ам-ням-ням! Вот и ужин сам собой пожаловал!»

— Знаете ли, Наттер, никто из корпуса не возьмется представлять ваши интересы, — сказал капитан Клафф. — У Паддока и О’Флаэрти неприятностей будет невпроворот, а если к тому же кто-нибудь вздумает выступить на другой стороне, клянусь Юпитером, он от генерала пощады не дождется.

— Тул, а вы как? — спросил Деврё.

— И речи быть не может, — отозвался тот, хмурясь и мотая головой. — Наттеру известно, что я расположен к нему, как ни к кому другому, но не могу — слишком многим уже

отказывал. Кроме того, понадобятся мои профессиональные услуги: Стерк завтра будет весь день на исследованиях в Королевском госпитале. Но, черт возьми, в чем загвоздка? Разве... Да нет же, выбрать есть из кого. Дайте... Дайте минутку подумать.

– Мне не важно, кто это будет, – свирепо, но сдержанно промолвил Наттер, – лишь бы умел зарядить пистолет.

– Том Форсайт, вот кто нам нужен, если он дома, конечно, – сказал кто-то.

– Его *нет*, – заметил Клафф.

– Ну что ж, – елейным голосом предложил Тул, придвигаясь вплотную к Деврё, – остается попытать счастья у Лофтуса.

– Дэна Лофтуса? – вскричал Деврё.

– Дэна Лофтуса, – раздраженно повторил маленький доктор. – Не забудьте: уже пробило одиннадцать. Я понимаю, что это не совсем то, но ничего лучшего мы не найдем.

– Allons, donc!⁸

Деврё согнал с лица остатки ехидства, натянул треуголку и двинулся к выходу; вслед за ним засеменял доктор.

– Из какого захолустья занесло сюда этого О’Флаэрти? – потихоньку спросил Клафф старого майора О’Нейла.

– Из Коннахта, – резко ответил майор, который происходил из тех же краев и, не исключая, в какой-то мере гордился своим земляком.

⁸ Тогда пойдем! (*фр.*)

– Тул рассказывает, что у него большие родственные связи, – продолжал Клафф. – Может быть, но, клянусь Юпитером, он самый настоящий Тиг, к тому же злоющий, как дикая кошка.

– Я так и не понял, с чего он взъелся на мистера Наттера, – заметил майор с легкой усмешкой.

– Я с ним покончу, и город вздохнет спокойно, – выкрикнул Наттер, не поднимая глаз. Он выругался и ожесточенно топнул ногой.

– Если вы, джентльмены, задумали выяснять отношения, то будьте так любезны, не поминайте об этом при мне, – попросил майор, человек сдержанный и себе на уме, – вы ведь знаете, какого генерал мнения о делах подобного рода. Кроме того, мне давно пора в постель. Доброй ночи, джентльмены. – С этими словами майор удалился.

– Клянусь жизнью, если этому коннахтскому головорезу будет позволено в свое удовольствие учинять здесь смертоубийства, то он далеко зайдет! – Клафф в свои сорок восемь не потерял юношеского задора, но схлопотать пулю и ему не улыбалось. – Я вот что скажу: генералу следует вмешаться.

– Нет уж, дайте мне сделать свое дело, – проворчал Наттер.

– Вмешаться и отослать этого молодого джентльмена во свояси, в Коннахт, – договорил Клафф.

– Сперва я отошлю его в другое место. – Наттер намекал на всем известную альтернативу лорда-протектора.

А на улице, под старой обманщицей-луной, к розовому дремлющему окошку Лофтуса приближались раскрасневшийся доктор Тул в большом парике и Цыган Деврё: они искали оруженосца для доброго рыцаря, который изнывал в нетерпеливой жажде битвы посреди передней гостиной «Феникса».

– Он подает еще признаки жизни, – сказал Деврё, устремляясь к двери со свойственной военным бесшабашностью.

– Ш-ш! – шепнул доктор, удерживая его за ремень. – Не шумите, в доме все уже спят. Предоставьте это дело мне.

Тул набрал пригоршню гравия, но прицел оказался неверен, и камешки застучали об окно спальни старого Тома Дрота.

– Ах ты, дьявол, куда ни сунься, всюду этот старый мошенник! – вполголоса выругался Тул. – С кем мне меньше всего хочется связываться, это как раз с ним. Ну ладно. – И следующий камень полетел точнее – прямо в комнату Лофтуса. С приятным негромким звоном посыпалось битое стекло.

– Проклятье, Тул, вы поднимете на ноги весь город.

– Черт бы побрал это стекло, оно тоньше бумаги, – прошипел Тул.

В окне показалась всклокоченная голова книгочеха, удивительно напоминавшая птичье гнездо, и Тул шепотом заорал в рупор из ладоней:

– Лофтус, вы нам нужны!

– Цып-цып, Лофтус, сойдите вниз, слышите? – присоеди-

нился к нему Деврё.

– Доктор Тул и лейтенант Деврё, я... я... Бог мой, ну да. Готов вам служить, джентльмены, – растерянно забормотал Лофтус, вежливо наклоняя голову; выпрямляясь, он больно ударился об оконную раму. – Сию минуту я буду с вами. – Гнездо скрылось из виду.

Тул и Деврё подались немного назад, в тень противолежащего здания, – их испугнуло показавшееся в соседнем окне туманное видение, в котором они предположительно признали старого Дрота в ночной сорочке. Видение сурово грозило обоим посланцам шваброй. Едва оно пропало, как двери широко распахнулись и в них появился наш друг Лофтус. Он был в обтрепанном шелковом одеянии, выглядевшем в лунном свете просто неопишимо: с пол этого диковинного наряда, как бахромы с хоругви, свисали обрывки выцветшей подкладки, ворот рубашки отставал от шеи, короткие штаны под коленями были незастегнуты, гигантские бесформенные шлепанцы, болтаясь, хлопали о ступени. Чудное лицо Лофтуса сохраняло безмятежность, лишь кругленькие прозрачные глазки обшаривали темноту. В зажатый под мышкой закопченный богословский труд ученый заложил палец, дабы не потерять нужную страницу.

Завидев его приближение, Деврё вдруг с такой ясностью осознал нелепость всего происходящего, что разразился хохотом. Тул пытался утихомирить своего спутника: и указывал на окна мирно спящих горожан, для пущего эффекта

растопыбив пальцы, и строил страшные гримасы, и дергал плечами, и подмигивал – все бесполезно. Молодой джентльмен не привык отказывать себе в невинных развлечениях – он стряхнул с себя Тула и отошел в сторонку, чтобы посмеяться вдоволь. Временами он шептал себе под нос что-то неразборчивое, но подстегивающее веселье, и тогда прямо-таки стонал от хохота. Вести переговоры Тулу пришлось одному.

– Ну что, порядок? – просмеявшись, спросил Деврё маленького доктора, когда тот, побагровевший и угрюмый, шагнул с ним рядом по темной мостовой.

– *Порядок?*.. Порядочек полный, как же иначе. Хотел бы я знать, какого черта нам делать теперь, – проворчал Тул.

– Выходит, наш несравненный оруженосец ответил решительным отказом?

– Решительней некуда. Заметил, что *вы* отдаете Богу душу, и, главное, с чего бы? – негодовал Тул. – Так, *ни с чего*, взбрендило. Разрази меня гром, сэр, если вам не под силу хотя бы пять минут держаться серьезно, тогда зачем вас вообще со мной понесло? Впрочем, что мне до этого? Пусть Наттер беспокоится.

– Считайте, что ему-то как раз повезло. Хорош фрукт, этот О'Флаэрти! Как пить дать, прострелил бы голову либо себе, либо Наттеру. Впрочем, все еще можно устроить: мы забыли о членах клуба «Соловей», которые были в «Фениксе» и до сих пор не разошлись.

– Да бог с вами, сэр, это же сплошь портные и зеленщики, – возмущенно вскричал Тул.

– Двое-трое из них – весьма достойные люди, – отозвался Деврё, вступая на порог «Феникса». – Ларри, – подождал он прислужника, – клуб «Соловей» еще здесь? – И Деврё бросил взгляд на дверь большой задней гостиной.

– Клянусь Небом! Вы правы, капитан, – искрясь весельем, отозвался Ларри и подмигнул.

– Вот что, Ларри, – с важностью произнес Тул, – нам сейчас немного не до шуток. Скажи-ка: найдется среди джентльменов хоть один, кто – ну, ты понимаешь, – кто... еще ничего? Тебе ясно, что я имею в виду?

Слуга мигнул, на сей раз глубокомысленно, и уставился сначала в пол, потом на притолоку:

– Честно сказать, сэр, сейчас не то, что полчаса назад... Теперь не знаю, кого и порекомендовать, сэр, кроме мистера Макана с Петтикоут-Лайн; все другие не вполне трезвы, сэр.

– Кто он таков? Торговец?

– Держит лавку? – вмешался Деврё.

– Лавку? *Две* лавки – простому торговцу до него далеко.

– Хм! Это все же не совсем то, что нам нужно, – заметил Тул.

– Ну есть же среди них такие, кто не держит лавки? – нетерпеливо осведомился Деврё.

– Сколько угодно!

– Кто же это?

– На месте сегодня был только один – мистер Дулан из Стоннибэттера. Он бывший торговец, теперь на отдыхе.

– Сойдет, – прошептал Тул; Деврё ответил кивком. – Сделай так: осторожно тронь его за плечо и скажи, что доктор Тул, местный медик, приносит тысячу извинений и приглашает его на два слова.

– Куда там! – всплеснул руками Ларри. – Да он पहले всех свалился под стол, сэр, его отволокли в беспамятстве, еще когда мистер Крозьер из Крайст-Чёрча завел: «Приходи послушать, Роджер». Он уже часа с полтора как лежит в постели у себя дома, в Стоннибэттере.

– С бывшим торговцем все ясно, – сделал вывод Деврё. – Как по-вашему, что нам еще предпринять?

– Думаю, кому-нибудь из нас стоит попытать счастья в городе. Не бросать же беднягу Наттера на произвол судьбы, а кроме того, между нами будь сказано, этот О’Флаэрти, черт бы его побрал, просто взбесился; пора поставить его на место.

– Повидаем Наттера и отправляемся... вы или я... Пока эти «Соловьи» распевают, можно увести чей-нибудь нодди.

«Нодди» – дозвольте вам пояснить – называли в Дублине и его окрестностях одноконный экипаж, на смену которому позже пришел кабриолет, а теперь уже и его вытесняет кеб.

Деврё в сопровождении Тула вновь переступил порог передней гостиной. Однако дело начало улаживаться без их помощи; не ведали они и о том, что уже заваривалась посте-

пенно новая каша.

Глава IX

Как для Рыцаря печального образа был найден оруженосец

Сетуя на неудачу своей миссии, доктор Тул и не подозревал, что его встреча с Лофтусом едва не погубила всю затею. Предложение доктора повергло сию достойную особу в ужас. Тул этого не заметил, однако удалился в гневе, не пожелав Лофтусу доброй ночи, а напоследок бросил замечание, в котором явственно слышалось слово «баба». Лофтус же оставался во власти смятения и нравственных терзаний, свидетельницей которых стала одна лишь луна. Час был слишком поздний, чтобы беспокоить доктора Уолсингема или генерала Чэттесурта. Но тут из-за оконных ставней вблизи зеленой соседской двери слышалось песнопение, славящее не Бахуса, а нежные чувства Дафны и пастушка или что-то в этом роде, и Дэну тотчас пришел на ум отец Роуч. После сильного стука мелодия смолкла и ставень растворился. Могу предположить, что, выглянув наружу и узрев Дэна Лофтуса в дезабилье, священнослужитель принял его в первый момент за выходца с близлежащего кладбища.

Как бы то ни было, его преподобие, окутанный влекущим ароматом жарко́го, лимона и виски, вышел к гостю и сердечно приветствовал его на ступенях дружелюбно протяну-

той рукой – почтенный служитель церкви не отличался злопамятством, и певец поста не был встречен постной миной. Отец Роуч сделал попытку втащить Лофтуса в гостиную, где устроился уже с удобством, сказал Роуч, его «благородный друг Пат Мэхони, из-под Килларни, только-только прибывший сюда, – умница и рассказчик, каких мало, а уж певец – заслушаетесь».

Однако Дэн уперся и изложил свою историю в холле испуганным шепотом. Священник глубоко втянул в себя воздух через округленный рот и вытаращил глаза.

– Вот так та`к, дуэль! И ладно кто-нибудь другой, а то Наттер. Впрочем, мне приходилось слышать, что он был в юности недурным стрелком и фехтовальщиком, а сверх того – игроком, да вы и сами знаете – он и сейчас отпетый игрок и... впрочем, молчу. А второй-то кто?

– Лейтенант О'Флаэрти.

Его преподобие тихо присвистнул.

– Этот парень из графства Голуэй, а драчуны там знатные. Видели бы вы их во время выборов. Ну и потеха, скажу я вам, то есть занятно было их *разнимать*. – (Поправка последовала, когда Лофтус внезапно изменился в лице.) – А *вы*, конечно, задались целью их разнять? Разумеется, дражайший, я желаю того же. В таком случае повременим – разберемся прежде всего в обстановке. Не стоит пороть горячку, будем *кротки*, как змии, и *мудры*, как голуби. Вмешаться и предотвратить дуэль – поступок человекоблю... человеколюбивый,

но могу вам привести кучу примеров, когда таким манером из одной заварушки получалось целых полдюжины, и все в том же кругу, из-за той же ерунды, не стоящей и одной-единственной дуэли! А теперь представьте себе, что дуэль распадается сама по себе, – здесь Роуч чрезвычайно хитро подмигнул, – как будто так и надо, тихо-мирно – вот это дело, а вмешиваться – это только подзадоривать драчунов. Так-то, дорогой вы мой! Положитесь на меня и помните, что я вам скажу: не будет секунданта – не будет и дуэли. Офицеры отказались, Тул тоже, *вы* – тем паче, в городе искать бесполезно – поздно уже. Пустая затея – это я вам говорю. Послушайте меня, Дэн Лофтус: не будите вы спящих собак. Уж я-то стреляный воробей, знаю все ходы и выходы. Ступайте спать и не сомневайтесь: я все улажу так, что никто и не заметит.

Лофтус колебался.

– Да идите вы ложитесь, Лофтус, дорогуша. Двенадцатый час – никуда они не денутся; я сделаю все, что нужно, – не впервой.

– Ну что ж, сэр, всецело на вас полагаюсь. Понятно: по неопытности можно натворить бед.

Собеседники пожелали друг другу доброй ночи, Лофтус забрался по лестнице к себе в мансарду, снял нагар со свечи и вновь погрузился в события двухтысячелетней давности.

– Вот так история, – проговорил священник со значительной миной. Руки он простер вперед, а дверь захлопнул за собой при помощи ноги – «взбрыком», как он это называл. –

Дуэль, дражайший Пат, ни больше ни меньше. Похоже, дело пахнет жареным.

Мистер Мэхони, успевший за время отсутствия хозяина разжечь трубку, тотчас отвел сие орудие услаждения в сторону, широко распахнул рот и не без удовольствия приготовился внимать: многие джентльмены в те дни смотрели на организованное кровопролитие как на некий изощренный вид спорта – и среди них, надобно признаться, не один служитель нашей церкви, как и той, к коей принадлежал честнейший отец Роуч. Не скажу, однако, что его преподобие разделял такие взгляды; напротив, он неизменно возвышал голос в пользу спокойствия и согласия; редкая дуэль обходилась без его присутствия (на благоразумном отдалении); таковое он объяснял своей ролью «незваного, но радеющего за всеобщее благополучие миротворца, чьи усилия – приходится опасаться – могут пропасть втуне». Он заламывал руки при каждом очередном выстреле, сыпал призывами к терпимости и любви к ближнему, заклинал прощать и изгонять из памяти обиды. В интересах справедливости следует сказать, что по отношению к раненым отец Роуч вел себя как истинный самаритянин: за зеленой дверью его дома для них всегда текли в изобилии елей утешения и наилучшие вина из тех, которые имелись у Роуча в запасе.

– Пат, дитя мое, – говорил его преподобие, – этот Наттер – сущий дьявол, во всяком случае, был им – судя по рассказам. Даже если все пойдет гладко, боюсь, с ним трудно будет

сладить, а уж коли предоставить ему лелеять свою злобу в одиночестве, без друга, способного *удержать его от крайностей* и сделать попытку примирения, то он в своей жажде насилия затеет до наступления утра еще с полдюжины дуэлей.

– Ну да, без друга ему прямо-таки рез, – отозвался мистер Мэхони, с воинственным видом вскочил и отложил трубку мира в сторону, на каминную полку. – Не пойти ли мне туда, отец Денис, и не предложить ли свои услуги?

– Но единственно с целью *примирения*. – Его преподобие предостерегающе поднял палец, прикрыл глаза и выразительно покачал головой.

– А как же, что ж я, не понимаю? Конечно же примирения. – И мистер Мэхони принялся застегивать пуговицы, которые ранее ради удобства расстегнул (мистер Мэхони был мужчина высокого роста, а вдобавок, что называется, в теле). – *Где* сейчас эти джентльмены и кого мне спросить?

– Я посвечу вам, пока вы будете спускаться. Спросите доктора Тула, он уж *точно* на месте, а если его нет – тогда мистера Наттера. Скажете, до вас, мол, дошло, что некому... уладить это неприятное дело, были, мол, у меня и узнали... тьфу, слышали случайно от мистера Лофтуса.

Друзья уже выбрались на крыльцо, мистер Мэхони лихо заломил шляпу на сторону и с не предвещающей ничего доброго миной, повинувшись указующему персту священнослужителя, направился в сторону открытой двери «Феникса», от-

куда приветливо струился свет.

– Там вы их и найдете, в передней гостиной. Доктора Тула вы узнаете, а *он* узнает *вас*. И *не забудьте*, дорогуша, на вас возложена мирная миссия.

Мистер Мэхони зашагал вперед широко и нетерпеливо, а его преподобие, сложив ладони и возведя очи горé, добавил:

– Блаженны миротворцы; да пребудет с вами благословение небес.

Отец Роуч пристально взгляделся в звезды и сказал сам себе:

– Погода завтра будет как на заказ, так что для дуэли самое время, если *только*, к несчастью... – печально пожимая плечами, он взошел по ступенькам крыльца, – если *только*, *к несчастью*, Пата Мэхони постигнет неудача.

Когда мистеру Пату Мэхони выпадал случай покрасоваться в роли джентльмена, он бывал в ней на редкость убедителен. Он создавал образ благородный и яркий, опираясь при этом на идеал совершенства и утонченности, который лелеял в душе. Никогда еще не видывали посетители передней гостиной «Феникса» подобной грации поклонов, заостренных носков туфель, пышности нарядной треуголки, обаяния улыбки – короче говоря, законченной эlegantности во всем.

– Разрази меня гром, да это мистер Мэхони! – воскликнул Тул не просто обрадованно, а, можно сказать, восторженно.

Наттер также испытал видимое облегчение и вышел вперед, ожидая знакомства с джентльменом, которому (как под-

сказывал Наттеру инстинкт) назначено было оказать ему дружескую услугу. Клафф, в своей приверженности моде следовавший армейским традициям, оглядел диковинного незнакомца с нескрываемым отвращением, Деврё же, поскольку находил некоторый смак в нелепости, изобразил на лице кислую улыбку.

Мистер Мэхони, перекидывающийся парой слов со своим деревенским соседом во дворе гостиницы на полпути в Макэфабл, он же во время непринужденного тет-а-тет с отцом Роучем, а с другой стороны – Патрик Мэхони, эсквайр, дипломат и аристократ с ног до головы, поразивший воображение публики, которая собралась в передней гостиной «Феникса», – это были два разных человека, причем второй превосходил первого по всем статьям.

Мэхони оказался изобилен и цветист в речах, при этом слова выбирал не столько за смысловое соответствие предмету беседы, сколько за торжественность и красоту звучания. В результате его напыщенные и туманные разглагольствования с трудом поддавались переводу на удобопонятный язык.

После того как состоялось представление и была объявлена цель визита, Наттер удалился с новоприбывшим в каморку за буфетом. Там, поминутно возвращая поклоны, он выслушал собеседника раз, выслушал второй – но смысл слов оставался темен. Наттер понял, что пора брать дело в свои руки, и сказал:

– Дабы избавить вас, сэр, от бесполезных хлопот, предупреждаю сразу: на мировую не пойду – и не уговаривайте. Мне нанесено грубое оскорбление, повиниться мой противник не склонен; никакой иной выход, помимо поединка, меня не удовлетворит. Этот О’Флаэрти просто-напросто головорез. Понятия не имею, отчего он замыслил меня прикончить, но при данных обстоятельствах я обязан сделать все возможное, чтобы избавить город от этого опасного субъекта.

– Жму вашу руку, сэр, – вскричал Мэхони, под напором чувств забыв о риторике, – я восхищен, чтоб мне провалиться!

Глава X

Страшная тайна, или Как фейерверкер убеждал Паддока в том, что Наттер дознался, чем его вернее уязвить

Когда Паддок, предварительно совершив короткую прогулку ради восстановления ясности мыслей, взобрался по лестнице в свою квартиру, он застал в парадной гостиной ничуть не протрезвевшего лейтенанта О'Флаэрти; в воздухе стоял густой запах ромового пунша.

– А ну-ка, Паддок, выпейте это, – проговорил О'Флаэрти, наполняя большой стакан поровну ромом и водой, – выпейте, дружище, ей-богу, это вас подкрепит!

– Да, но... благодарю вас, сэр, но я желал бы узнать в точности... – начал Паддок и тут же осекся.

Оскалив зубы, О'Флаэрти вскричал «ха!», молниеносно рванулся к двери, набросился на своего слугу-француза, маленького высохшего человечка (тот как раз входил в комнату), и принялся таскать его за шиворот.

– Ну что, иуда, снова трепал языком, старая ты пьянь; ты это делаешь нарочно, гиена; в третий раз хозяин по твоей милости должен драться на дуэли; одно утешение: если меня

убьют, не видать тебе жалованья как своих ушей. В третий раз я омочу руки в крови, и все из-за тебя. Знать бы мне, – вскричал он, трепля свою жертву еще яростней, – что это не по глупости, а со зла, я бы насадил тебя на меч, как на вертел, и поджарил живьем. Я до этого еще докопаюсь, вот увидите, докопаюсь, Паддок, дружище. – Левой рукой О’Флаэрти по-прежнему удерживал лакея за воротник, а правую простер к Паддоку. – Всю жизнь мне не везет – что в малом, что в большом. Если среди дам есть хоть одна старуха, то ведет ее к столу не кто-нибудь, а О’Флаэрти; если кому-то выпадает быть убитым по ошибке, если кто-то должен пригласить на танец дурнушку – несчастный Гиацинт О’Флаэрти вечно тут как тут. – Фейерверкер прослезился, позабыл гневаться и ослабил хватку – пленник в мгновение ока исчез. – Знаете, Паддок, однажды мы стояли в Корке, и там среди детей гуляла корь, так я ее подхватил, единственный из всего полка, а ведь в детстве я уже однажды чуть не умер от кори. А когда мы стояли в Атлоне, все офицеры пошли на танцевальный конкурс, только я не пошел – притом предложи мне кто-нибудь сто фунтов, чтобы я остался дома, нипочем бы не взял. Первый менуэт и первый сельский танец я должен был танцевать с этой красоточкой, мисс Розой Кокс. Я был в своей комнате, нарядился и как раз приготовлял стакан пунша с бренди, чтобы привести себя в порядок, и тут прапорщик Хиггинз, молодой человек без царя в голове, возьми да ляпни что-то несообразное про хорошенькую мушку у мисс Ро-

зы на подбородке; он назвал ее бородавкой – хотите верьте, хотите нет! Понятное дело – я взвился и опрокинул кувшин кипятка себе на колени, знать бы вам, дорогой мой Паддок, что это такое! Я не успел оглянуться, как обварил себе ноги от бедра и до самых кончиков пальцев; ей-богу, я думал – окочурюсь от боли. Само собой, бал накрылся. Ну и горемыка же ты, Гиацинт О’Флаэрти! – И фейерверкер снова заплакал.

– Послушайте, лейтенант, – прошепелявил Паддок, теряя терпение, – друг мистера Наттера может заявиться в любую минуту, а я... должен признаться, мне не совсем понятно, в чем коренятся ваши разногласия, а потому...

– Куда, к дьяволу, подевался этот проклятый французский пролаза? – зарычал О’Флаэрти, только сейчас заметивший, что пленника и след простыл. – Кокан Модейт! Слышишь, Кокан Модейт?

– Но право же, сэр, мне нужно бы узнать в точности причину конфликта. Будьте добры сказать, в чем заключалось оскорбление, в противном случае...

– Причину? Причин сколько угодно. О’Флаэрти ни разу не дрался без причины, а нынешняя дуэль, друг мой Паддок, будет уже девятой. В Корке меня звали скандалистом, но это ложь, я не скандалист, просто я люблю мир, покой и справедливость, терпеть не могу скандальных людей. Уверяю вас, Паддок, пусть мне только укажут какого-нибудь скандалиста, не поленюсь сделать крюк в полсотни миль, чтобы най-

ти его и вздуть. Так что это ложь, Паддок, дружище, *подлая* ложь. Отдал бы двадцать фунтов, чтобы высказать это клеветникам в лицо!

– Вне сомнения, сэр, но все же окажите любезность, объясните...

– Пошел вон, мосье, – загремел О'Флаэрти и оглушительно топнул ногой, когда на порог робко вступил откликнувшийся на его зов «Кокан Модейт», а иначе говоря – *coquin maudit*⁹ (О'Флаэрти был не силен во французском), – а не то я всю мебель о твою башку пер-р-реломаю. – Мосье исчез, а О'Флаэрти продолжал: – Ей-богу, знать бы мне, что это точно он, лететь бы ему сейчас кувырком через окошко. А ну-ка, позову его назад да всыплю по первое число! И почему мне вечно не везет, Паддок, старина? Вот дуэль затеял. И что-то со мной будет! – Фейерверкер вновь прослезился и опрокинул себе в глотку львиную долю напитка, который приготовил для Паддока.

– Уже в шестой, если не ошибаюсь, раз, сэр, беру на себя смелость просить: я желал бы услышать из ваших уст ясное и недвусмысленное изложение причин возникших между вами и мистером Наттером разногласий, поскольку, должен признаться, я не знаю, что и подумать.

– Все дело, дружище, в проклятом французишке, от него, как от обезьяны, просто спасу нет. Черт возьми, знали бы вы, Паддок, сколько бед на меня из-за него свалилось, – за

⁹ Проклятый мошенник (*фр.*).

половину, и то стоило бы его убить. Это он стравил меня с моим двоюродным братом Артом Консидайном, причем на пустом месте. Арт тогда, после двух лет во Франции, прибыл в Атлон, и я написал ему самую что ни на есть любезную записку с приглашением на обед: наговоримся, мол, вволю за трапезой из пяти блюд, душа общенья жаждет. И черт меня дернул – хотел доставить Арту удовольствие – ввернуть пару слов по-французски. Как пишутся «блюда», я знал – «plats». Спрашиваю этого недомерка Жерома, как пишется «душа», и этот старый полудурок пишет: «de chat». Написал я: «5 plats, de chat»¹⁰, спрашиваю, все ли правильно написано, – «да, милорд», а сам выпялился на меня, будто я теле-нок о двух головах. И только через месяц после того, как я продырявил бедняге Арту обе лодыжки, я понял, из-за чего мы с ним стрелялись. У него до этого были уже две дуэли из-за котов: в первый раз он обвинил во лжи одного французского джентльмена. Тот сболтнул: французские, мол, кухарки умеют так приготовить кота, что его не отличишь от зайца. Немедля затем он дрался с лейтенантом Раггом из Королевских военно-морских сил, который и в самом деле для потехи угостил его кошатиной. Кузен Арт чинно-благородно отобедал, а лейтенант после этого предъявил ему хвост и когти. Кузен чуть богу душу не отдал, неудивительно, что он на меня взъелся за мое приглашение, но, клянусь честью джентльмена, Паддок, старина, пусть меня самого подадут

¹⁰ 5 блюд, из кота (фр.).

на обед, если я думал причинить ему хоть малейшую обиду.

– Сэр, я близок к отчаянию, – взмолился Паддок. – Я до сих пор не имею тех сведений, которые необходимы мне для защиты ваших интересов. Заклинаю еще раз: скажите, в чем вы усмотрели обиду?

– А вы не знаете, в самом деле не знаете? – О’Флаэрти вперил в него хмельной взгляд.

– Да нет же, сэр.

– Думаете, я поверю, что вы не слышали мерзких шуток этой собаки Наттера?

– Шуток? – растерялся Паддок. – Я прожил здесь, в Чейплизоде, пять лет, и за все это время Наттер при мне ни разу не пошутил. Клянусь жизнью, не верю, что у него получится, даже если он сделает попытку. Бог свидетель, даже представить себе этого не могу!

– Но черт возьми, что же я могу поделывать, сэр? – В голосе О’Флаэрти зазвучала трагическая нота.

– Поделывать? С чем поделывать?

Фейерверкер с пьяной ласковостью взял Паддока за руку и, заглядывая ему в глаза, плаксиво произнес:

– Авессалом повис, зацепившись волосами; у него была, Паддок, длинная шевелюра, а может, короткая, а может – ик! – и вовсе никакой, это уж как природа распорядилась, ведь так, Паддок, дорогуша вы мой? – По щекам О’Флаэрти в изобилии заструились слезы. – У Цицерона и у Юлия Цезаря головы были гладки, вроде этого сосуда. – И фейер-

веркер сунул Паддоку под нос сверкающую сахарницу, дном вверх. – У меня голова не лысая, ничего подобного, я не лыс, Паддок, дорогуша, несчастный Гиацинт О’Флаэрти не лыс, – повторял фейерверкер, для пущей убедительности поминутно встряхивая Паддока за обе руки.

– Это, сэр, самоочевидно; но я не пойму, к чему вы клоните.

– Сию минуту услышите, Паддок, дружище, имейте только терпение. Эту чертову дверь никак плотно не закрыть, поговорим в соседней комнате.

Слегка пошатываясь, О’Флаэрти сопровождал Паддока в прилегающую спальню и запер дверь, отчего Паддок, который успел заподозрить его в умственном расстройстве, слегка обеспокоился. Здесь Паддок узнал, что Наттер, оказывається, весь вечер осаждал фейерверкера намеками, нацеленными в одну и ту же точку, – тем, кто знаком с соответствующими обстоятельствами, и в голову бы не пришло в этом усомниться. Затем секунданту пришлось принести торжественный обет молчания, последовали бессвязные рассуждения о коренном различии между лысиной во всю голову и небольшой лысиной, и наконец открылась страшная тайна фейерверкера: с его макушки был снят миниатюрный парик, а точнее, «нашлепка» – такое название, как я полагаю, было принято в те дни, – и глазам Паддока предстало блестящее белое пятно размером с кружок масла.

– Клянусь жизнью, сэр, отличная работа. – Паддок, как че-

ловек, имеющий отношение к театру, принялся изучать паричок с интересом знатока, для чего поднял его за вихор и поднес к свече. — Ни разу не видел ничего подобного. У нас такого делать не умеют — это из Франции. Клянусь Юпитером, сэр, вот кому бы заказать парик для Катона!

— Не иначе как продал, подлюга, — не унимался О'Флаэрти, — кроме этой макаки Жерома, в городе ни единая душа ни о чем не догадывалась. Он меня по утрам причесывает — в запертой спальне, за кроватьным пологом. Наттер ни за что сам бы не дознался, а разболтать некому, кроме окаянного француза, дело ясное.

Фейерверкер засунул руки в карманы и принялся тяжелыми шагами мерить комнату; непрестанно злобно бормоча, он качал головой и поворачивался подчеркнуто резко, как человек, дошедший до белого каления.

— Ага, мосье, — взревел О'Флаэрти, слышав стук и отпирая дверь, но вместо «окаянного француза» на пороге показался высокий и упитанный незнакомец, в наряде броском, но несколько запылившемся. На розовом лице вошедшего, которое состояло по преимуществу из челюстей и подбородка, выражалась бесшабашная удаль.

Фейерверкер проделал наивеличественнейший поклон, не подумав при этом, что выставляет напоказ голую макушку. Потрясенный Паддок сжимал в одной руке свечу, а в другой — скальп О'Флаэрти.

— Полагаю, сэр, вы явились от мистера Наттера, — цере-

монно произнес фейерверкер. – Позвольте представить вам моего друга лейтенанта Паддока из Королевской ирландской артиллерии; он любезно помогает мне советом и...

О’Флаэрти широким жестом указал на Паддока, заметил болтавшийся у того в руке парик и внезапно онемел. Он хлопнул себя по голому черепу, сделал неловкую попытку выхватить у Паддока парик, промахнулся, выругался по-ирландски и нырнул за кроватьный полог.

– Извольте, сэр, пройти в соседнюю комнату, а я буду иметь честь последовать за вами, – напыщенно произнес Паддок и легким взмахом руки, державшей скальп О’Флаэрти, указал путь. Будучи истинным джентльменом, честным и бесхитростным, Паддок не имел обыкновения скрывать от окружающих что бы то ни было.

– Дайте мне *это*, – послышался из-за полога яростный шепот. Паддок понял и возвратил фейерверкеру его сокровище.

Переговоры, проведенные за закрытыми дверьми гостиной, не оказались ни длительными, ни особо конфиденциальными: всякому, кто мало-мальски разбирается в принятом в подобных случаях дипломатическом языке, достаточно было бы послушать мощный голос посетителя в коридоре, даже в холле, чтобы убедиться: мировая невозможна. Встреча была назначена на предстоящий полдень, местом были избраны Пятнадцать Акров.

Глава XI

Кое-что о доме с привидениями, а именно бабьи сплетни, как я полагаю

Старая Салли обыкновенно прислуживала юной госпоже перед отходом ко сну. Нельзя сказать, что Лилиас действительно нуждалась в ее помощи, поскольку обладала врожденной аккуратностью и справлялась со всем необходимым весело и проворно, однако не следовало показывать доброй старушке, что она одряхлела и никому уже не нужна.

Салли была женщина спокойная, но притом говорливая и знала множество старинных историй о чудесах и приключениях. Мисс Лилиас любила слушать их на сон грядущий, когда все в доме говорило о безопасности, любви и уюте: старая Салли сидела у камина с вязаньем; снизу, из батюшкиного кабинета, доносился приглушенный скрип стульев, на которые достойный священнослужитель имел обыкновение взгромождаться, чтобы порыться на книжных полках.

Вот и сейчас струилась мирная болтовня, которую юная госпожа временами слушала с улыбкой, а временами на несколько минут отвлекалась и пропускала мимо ушей; речь шла о том, что мистер Мервин взял в аренду старый Дом с

Черепичной Крышей за Баллифермотом, обиталище мрачное, заброшенное и полное привидений. Салли поражалась тому, что никто не предостерег молодого джентльмена, собиравшегося поселиться в столь опасном месте.

Дом располагался уединенно на повороте узкой дороги. Лилиас нередко случалось с боязливым любопытством бросать взгляд в конец короткой заросшей аллеи, ибо она знала с детства, что виднеющееся там старое обиталище издавна служит приютом призрачным жильцам и таит в себе мистическую угрозу.

– В наши дни, Салли, появились люди, которые называют себя вольнодумцами и ни во что не верят, даже в духов, – заметила Лилиас.

– Ах, мисс Лили, если хотя бы половина того, что рассказывают об этом доме, правда, то мистер Мервин очень скоро отучится от своего вольнодумства.

– Я не говорю, что он вольнодумец, – об этом мне ничего не известно. Но кто на такое решился, тот, наверное, либо вольнодумец, либо очень храбрый человек, а может, очень хороший. Сама я, Салли, страшно бы перетрусилась, если бы пришлось проспать ночь в этом доме, – отвечала Лилиас, поеживаясь, потому что в ее воображении на миг возникло странное, никем не посещаемое здание, которое с пристыженным и виноватым видом затаилось под печальными старыми вязами, среди зарослей болиголова и крапивы.

– Ну вот, Салли, я и улеглась. Пошевели огонь, душечка. –

(Шла первая неделя мая, но ночь была холодная.) – Расскажи-ка снова все, что знаешь о Доме с Черепичной Крышей, да так, чтобы меня пробрала дрожь.

Добрая старушка Салли, свято верившая в то, о чем поведала рассказ, двинулась по наезженной дороге неспешной иноходью, изредка (в самых страшных местах) переходя на шаг, а то и вовсе приостанавливаясь, – в таких случаях она переставала вязать и с таинственным видом кивала своей юной госпоже, лежавшей в широкой кровати с пологом, или же снижала голос до шепота.

Салли поведала о том, как однажды соседи взяли внаем фруктовый сад, граничивший с задним фасадом проклятого строения. Для охраны они выпустили в сад собак, и те всю ночь были волком среди деревьев и трусливо жались к стенам хозяйского дома, отчего пришлось в конце концов впустить их внутрь, да и что за нужда была охранять такое место, к которому ни стар, ни млад не решался после захода солнца даже приблизиться. Ничто не грозило глянцеви-тым золотистым пепинам, когда они проглядывали в закатных лучах сквозь листву, отчего у детворы, расходившейся по домам из баллифермотской школы, текли слюнки. Как на утреннем солнышке, так и под таинственным покровом ночи они отвечали на алчные взоры застенчивой улыбкой. Не простые причуды воображения мешали лакомкам нарушить границы сада. Мик Дейли, будучи его временным владельцем, взял за обыкновение ночевать на чердаке над кухней

и клялся неоднократно, что за те месяц-полтора дважды наблюдал одну и ту же сцену: меж искривленных стволов молча, приложив к губам палец, брела леди в капюшоне и свободном одеянии, за руку она вела ребенка, а тот улыбался и весело подскакивал на ходу. Однажды к ночи эти двое встретились вдове Крессвел на тропинке, которая вела через сад к задней двери; вдова упоминала об этой встрече, не подозревая дурного, пока не заметила, как переглядываются между собой слушатели.

– Вдова рассказывала мне много раз, – продолжала Салли, – как наткнулась на них при повороте тропы, там, где куцей растет ольха; как она остановилась, думая, что эта леди имеет право здесь ходить; но оба скрылись с глаз быстрее, чем тень от облака, – а ведь леди не то чтобы сильно торопилась, да и ребеночек все тянул ее за руку то туда, то сюда; а вдову эта леди будто и не заметила, даже головы не подняла, даром что та встала как вкопанная и почтительно с ней поздоровалась. А старик Далтон – помните старика Далтона, мисс Лили?

– Думаю, что да, – он хромал и носил выдавший виды черный парик?

– И вправду хромал, ну и память у вас! Это его лягнула одна из графских лошадей – он тогда служил на конюшне. Ему временами слышался шум, совсем как бывало, когда хозяин припозднится и зовет его или старого Оливера отпереть дверь. Случалось это в самые темные, безлюдные ночи.

Внезапно у передней двери начинали как будто повизгивать и скрестись собаки, раздавался свист и кто-то легонько хлестал в окно плеткой – в точности как делал в свое время сам граф, упокой Господи его душу. Сперва разом уляжется ветер – будто затаит дыхание, после поднимется та самая возня, но в доме никто не откликается, и шум за окном стихает, и тогда ветер опять завоет: у-у-у, словно разом и смеется, и плачет, и ухает совой.

Слова замерли на устах у Салли, руки с вязаньем застыли в воздухе, миг старая служанка прислушивалась к воображаемым завываниям ветра, а затем возобновила рассказ:

– В ту самую ночь, когда графа настигла в Англии смерть, Далтон читал старому дворецкому Оливеру – а Далтон владел грамотой – письмо, которое днем пришло по почте. Там говорилось, чтобы Оливер привел дом в порядок, потому как хозяин заканчивает свои хлопоты и со дня на день возвращается – того и гляди, опередит письмо. Не дойдя еще до конца, они слышали за окном страшный грохот, будто кто-то впопыхах трясет и старается открыть раму, и им обоим почудился снаружи громкий крик графа: «Впустите меня, впустите, впустите!» – «Это он», – говорит дворецкий. «Точно он, как Бог свят», – поддакнул ему Далтон, и оба поглядели в окошко. Они и зарадовались и перепугались – сами не знали отчего. У старого Оливера в ту пору ломило кости, так что открывать переднюю дверь пошел Далтон, крикнув: «Кто там?» Но в ответ – молчок. «Должно быть, хозяин

подъехал к задней двери», – подумал Далтон, поспешил туда и снова спрашивает: «Кто там?» А снаружи опять ни звука. Тут Далтону стало не по себе; он не мешкая вернулся к передней двери, спрашивает: «Кто там, кто там?» Но все так же без толку. «Все равно открою-ка я дверь, – говорит себе Далтон, – не иначе как хозяину пришлось спастись бегством». Ведь Далтон вместе с Оливером знали, за какими хлопотами граф ездил в Англию, и не удивлялись, что он решил схорониться. Далтон чуял притом что-то неладное и не переставая читал молитвы, но все же отодвинул засовы и отпер дверь. На улице не оказалось ни единой души – даже лошади, не говоря уж о человеке, – только мимо ног Далтона в дом проскочило неведомо что – размером эдак с собаку; оно юркнуло в дом так шустро, будто знало дорогу, – только это Далтон краем глаза и разглядел. Куда оно побежало – вверх ли, вниз, – он так и не узнал, однако в доме с той поры навсегда забыли о счастье и покое. У Далтона все нутро перевернуло – запирает дверь, а сам дрожит как осиновый лист. Вернулся он к дворецкому белый, как то письмо, что Оливер сжимал в руке. «Что это? Что это там?» – кричит дворецкий, хватая свой костыль, будто собирается отбиваться, и, глядя на Далтона, сам бледнеет не меньше его. «Хозяин приказал долго жить», – отвечает Далтон, и это была истинная правда.

Понятно, каково пришлось бедной Джинни Крессвел, когда она узнала, на кого наткнулась в саду. Можете не сомневаться, после этого она и часу лишнего там не провела. А

в последние дни стала замечать всякие такие вещи, каких раньше не брала в голову: к примеру сказать, стоило ей войти в большую хозяйскую спальню над холлом, как другую дверь словно бы кто-то быстро притворял – можно было подумать, боялся попасться Джинни на глаза. Но хуже всего ее пугало вот что: на своей кровати она иной раз находила ровную вмятину, вытянутую от изножья к подушке, как будто там лежало что-то тяжелое, а место это было еще теплое.

Но хуже всех пришлось Китти Хэплин – бедная девушка с перепугу отдала Богу душу. Мать ее рассказывала, что Китти как-то целую ночь не сомкнула глаз: в соседней комнате все время кто-то бродил, спотыкался о сундуки, выдвигал ящики комода, приговаривал, вздыхал. Бедняжке хотелось спать, и она не могла взять в толк, кто же это там никак не уgomонится, и вдруг входит красивый мужчина – надето на нем что-то вроде широкого шелкового шлафрока, на голове вместо парика бархатный колпак – и как ни в чем не бывало прямиком к окну. Китти заворочалась в постели, думает – незнакомый джентльмен увидит, что он не один, и уйдет, но не тут-то было: он повернул к кровати – а лицо у него такое, словно ему неmoжетcя, – и что-то Китти говорит, но эдак хрипло и глухо, не живым, а каким-то кукольным голосом. Китти струхнула и отвечает: «Покорно прошу прощения, ваша честь, но никак не разберу, что вы изволили сказать». И тут он вытягивает шею, запрокидывает лицо к потолку, а горло у него – Господи, спаси нас и помилуй – перерезано

от уха до уха. Больше Китти ничего не видела, потому что повалилась на постель, как мертвая. Наутро мать привела ее в чувство, и с тех пор бедная девушка не ела, не пила, а все сидела у огня, держала мать за руку, тряслась и обливалась слезами; она то и дело оглядывалась через плечо и вздрагивала от малейшего шума, а под конец схватила лихорадку. Прошло чуть больше месяца, и горемычной не стало.

Речь старой Салли все текла и текла, а Лилиас погрузилась в глубокий, без сновидений, сон; тогда рассказчица потихоньку выскользнула из комнаты и вскоре сама забылась безмятежным сном в своей опрятной спальне.

Глава XII

Кое-что необычное о Доме с Черепичной Крышей, а именно истинный рассказ о призрачной руке

У меня нет сомнения в том, что старая Салли, будучи женщиной правдивой, сама верила каждому своему слову. При всем том повествование ее стоило не больше, чем любая другая небылица или «зимняя сказка», как говорили наши предки, – подобного рода истории обрастают новыми подробностями при каждом пересказе. И все же разговоры о том, что в доме нечисто, возникли не совсем на пустом месте. Не бывает дыма без огня, и тлеющим угольком истины являлась в данном случае подлинно существовавшая тайна, разгадку которой попытается, возможно, найти кто-нибудь из читателей, мне же, признаюсь, это не по силам.

В письме, датированном поздней осенью 1753 года, мисс Ребекка Чэттесурт пространно и любопытно описывает происшествия, случившиеся, как утверждали, в пресловутом доме. Для начала она называет эти толки глупыми, однако же ее переполненное подробностями письмо выдает особый к ним интерес.

Я настроен был поместить здесь это послание целиком, ибо оно весьма необычно, а равно и показательно, но издатель наложил на мое намерение вето, и, вероятно, не без оснований. Письмо достойной леди и в самом деле чересчур длинно, придется ограничиться немногими скудными выдержками.

В тот год, кажется 24 октября, разгорелся странный спор между мистером Харпером, олдерменом, Хай-стрит, Дублин, и милордом Каслмэллардом. Последний принял в свое управление крошечное поместье при Доме с Черепичной Крышей, поскольку приходился кузеном матери юного наследника.

Олдермен Харпер договорился о найме Дома с Черепичной Крышей для своей дочери, жены некоего Проссера. Он сменил в доме обстановку, повесил новые портьеры и внес прочие усовершенствования, потребовавшие значительных издержек. Мистер и миссис Проссер поселились там в июне, но вскоре миссис Проссер пришла к выводу, что оставаться в этом месте долее нет никакой возможности: слуг приходилось отпускать одного за другим, вслед за тем ее отец посетил лорда Каслмэлларда и объявил напрямик, что отказывается от аренды, так как, по непонятной для него причине, в доме беспокойно. Упомянув в своей речи слово «привидения» и сославшись на то, что дольше двух-трех недель в этом доме прислуга не выдерживает, и на неприятности, перенесенные семейством зятя, он счел себя вправе не только рас-

торгнуть соглашение об аренде, но и дать совет: снести злополучное жилище, где обитают враждебные существа, чье могущество намного превосходит человеческое.

Лорд Каслмэллард подал иск в Суд справедливости при суде канцлера, с тем чтобы обязать олдермена Харпера выполнить контракт. Олдермен подготовил возражение, которое подкрепил развернутыми письменными показаниями ни много ни мало семи свидетелей, копии были предоставлены лорду Каслмэлларду, и затем – на что и рассчитывал олдермен – его светлость решился отказаться от своих претензий, дабы документы эти не попали в суд.

Я бы предпочел, чтобы процесс не прервался на ранней стадии и среди судебных бумаг нашелся достоверный и в то же время поразительный отчет о событиях, описанных в послании мисс Ребекки.

Вплоть до августа спокойствия обитателей Дома с Черепичной Крышей ничто не нарушало, но однажды на исходе месяца, когда миссис Проссер встречала вечерние сумерки в полном одиночестве у окна задней гостиной, она отчетливо увидела, как на наружный каменный подоконник справа от нее потихоньку легла чья-то рука, словно кто-то пытался забраться в комнату с улицы. Рука показалась только до запястья – короткая, но красивой формы, белая и пухлая; это была кисть не очень молодого человека – лет сорока, предположила дочь олдермена. Со дня жуткого ограбления в Клондалкине не прошло еще и месяца, и миссис Проссер решила,

что в дом вот-вот проникнет кто-то из той же шайки. Потрясенная леди громко вскрикнула, и тут же рука потихоньку соскользнула с подоконника.

Обыскали сад, но никаких следов постороннего под окном не обнаружили, да и подойти вплотную к стене, где были выстроены в ряд цветочные горшки, не представлялось возможным.

Тем же вечером в кухне несколько раз слышались быстрые постукивания в окно, напугавшие женщин. Один из лакеев, прихватив ружье, распахнул заднюю дверь, но ничего за ней не обнаружил. Закрывая ее, он ощутил, однако, что кто-то «колотится» и налегает на дверь снаружи. Оробевший лакей при повторном стуке в окно уже не двинулся с места.

На следующий день, в субботу, около шести, кухарка, «женщина честная и трезвая, на исходе шестого десятка», оставалась вечером в кухне одна. Случайно подняв глаза, она увидела в окне все ту же, надо полагать, руку: полную, но изящную и аристократичную; ладонь была прижата к краю стекла и медленно скользила вверх-вниз, словно что-то нащупывая. Кухарка вскрикнула и забормотала молитву. Рука исчезла не сразу, а несколькими секундами позже.

Вслед за тем звуки стали возобновляться каждый вечер; это был стук, словно бы костяшками пальцев, в заднюю дверь, вначале осторожный, а затем все более ожесточенный. Лакей не отворял дверь, а лишь спрашивал: «Кто там?» Никто не откликнулся, но слышно было, как на дверь ложится

ладонь и осторожно шарит по ней.

Все это время в задней комнате (она в ту пору служила гостиной) мистера и миссис Проссер то и дело беспокоили постукивания – то легкие, словно кто-то пытался потихоньку привлечь их внимание, а то и громкие, резкие, так что казалось – стекло вот-вот разобьется.

Все вышеописанное случилось в задней части дома, которая, как вам уже известно, выходила в сад. Однако во вторник, около половины десятого, те же звуки слышались у двери холла и продолжались почти два часа, к раздражению хозяина дома и ужасу его жены.

После этого несколько дней все было спокойно, и обитатели дома начали надеяться, что неприятностям пришел конец. Поздним вечером 13 сентября горничная-англичанка Джейн Истербрук отправилась в буфетную за серебряной чашей, в которой хозяйке подавали поссет; случайно остановив взгляд на крохотном, всего лишь в четыре стекла, окошке, она заметила, как в дырочке для болта, на котором крепилась ставень, забелел сначала кончик пальца, а потом короткий и толстый палец просунулся почти целиком. Он согнулся и стал поворачиваться туда-сюда – очевидно, в поисках задвижки, чтобы открыть ее. Горничная выскочила в кухню и там, как потом пересказывалось, «сомлела и свалилась без памяти, а на завтра весь день была чуть живая».

Мистер Проссер, человек трезвомыслящий и самонадеянный, как я понимаю, о привидениях и слышать не хотел и по-

тешался над страхами домашних. Происходящее он считал чьей-то шуткой или мошеннической проделкой и ждал случая, чтобы поймать плута *flagrante delicto*¹¹. Мистер Проссер недолго хранил свои соображения в тайне, а постепенно посвятил в них домочадцев, суля при этом самые суровые кары предателю, ибо полагал, что таковой в доме завелся.

И в самом деле, пора было что-нибудь предпринимать: паника охватила не только прислугу – сама любезная миссис Проссер не находила себе места от тревоги. После заката солнца все обычно сидели дома, а если выходили на улицу, то ни в коем случае не в одиночку.

Неделю все было спокойно, а затем однажды вечером, когда миссис Проссер находилась в детской, а ее муж – в гостиной, в дверь холла негромко постучали. Мистер Проссер слышал это отчетливо, потому что погода в тот день стояла как никогда тихая. Ранее загадочные звуки ни разу не раздавались в передней части дома, кроме того, по сравнению с прежними они несколько изменились.

Мистер Проссер, не закрывая двери гостиной, осторожно вышел в холл. Судя по звукам, можно было предположить, что в тяжелую входную дверь легко и размеренно ударяли «раскрытой ладонью». Мистер Проссер намеревался внезапно распахнуть дверь, но затем передумал, повернул назад и стал неслышно взбираться по кухонной лестнице: там наверху, над буфетной, располагался чулан, где хранилось огне-

¹¹ На месте преступления (*лат.*).

стрельное и холодное оружие, а также трости.

Здесь мистер Проссер подозвал доверенного слугу, сунул себе в карманы пару заряженных пистолетов, пару дал слуге, вооружился еще и тяжелой прогулочной тростью, и оба на цыпочках двинулись к парадной двери.

События развивались в точности так, как хотелось мистеру Проссеру. Он не спугнул нарушителя спокойствия – тот колотил в дверь все настойчивей, на сей раз ритмичными двойными ударами.

Мистер Проссер распахнул дверь и правой рукой перегородил проем, держа наготове трость. За дверью он ничего не обнаружил, но странным образом его руку словно бы кто-то подтолкнул, а затем протиснулся под нею в дом. Слуга ничего особенного не заметил и не мог взять в толк, отчего хозяин с такой быстротой обернулся, взмахнул тростью, а затем рывком захлопнул дверь.

С этого времени мистер Проссер раз и навсегда перестал поносить неведомого шутника и, как и семейство, предпочитал по этому поводу помалкивать. Он не мог отделаться от неприятной мысли, что, отворив в ответ на стук дверь, впустил в дом некое враждебное существо.

В тот вечер он не сказал ничего миссис Проссер, но удалился в спальню раньше обычного и «некоторое время листал Библию и читал молитвы», что, надеюсь, не вызовет у читателя недоумения. Мистер Проссер долго, видимо, лежал без сна, пока около четверти первого не услышал, как чья-то

рука постучала, а затем попыталась открыть снаружи дверь спальни.

Мистер Проссер в ужасе вскочил и, запирая дверь, крикнул: «Кто там?» — но в ответ слышал лишь знакомые звуки: рука осторожно ощупывала дверь.

На следующее утро на столе в малой гостиной, где накануне распаковывали фаянсовую посуду и прочую домашнюю утварь, горничная обнаружила в пыли отпечаток руки. Испуг Робинзона Крузо при виде следа нагой стопы на морском песке не идет ни в какое сравнение с ее ужасом. К тому времени домашние уже вздрагивали при одном слове «рука».

Мистер Проссер счел необходимым осмотреть этот отпечаток и выяснить, в чем дело, чтобы (как он впоследствии уверял) успокоить прислугу, — сам он не ждал уже от своих исследований никакого ободряющего результата. Как бы то ни было, он призвал в малую гостиную одного за другим всех домочадцев и велел каждому положить ладонь на тот же стол; таким образом оставили свои отпечатки все, кто жил в доме, включая самого мистера Проссера и его супругу; в данных под присягой письменных показаниях мистер Проссер утверждал, что таинственный отпечаток не имел ничего общего ни с одним из прочих, но во всем соответствовал описанию призрачной руки, данному миссис Проссер и кухаркой.

Всем стало понятно, что обладатель загадочной руки, кто бы он ни был, дает таким образом знать: отныне он водво-

рился внутри дома.

Миссис Проссер стали мучить по ночам странные, жуткие сны, некоторые из них подробно пересказала в длинном письме тетя Ребекка – иначе как кошмарами их не назовешь. А однажды ночью, когда мистер Проссер запер дверь спальни, его поразила царившая в помещении полнейшая тишина – не слышно было даже дыхания. Мистера Проссера это насторожило, поскольку он знал, что жена уже в постели, а на слабость слуха он никогда не жаловался.

У изножья кровати на столике горела свеча, мистер Проссер держал в руке еще одну, а под мышкой сжимал гробсбук своего тестя. Проссер раздернул полог и на несколько секунд застыл, пораженный ужасом, поскольку принял свою жену за мертвую: ее лицо было недвижимо, бледно и покрыто испариной; на подушке, за пологом, рядом с ее головой супруг заметил – как ему показалось в первое мгновение – жабу; взглядевшись, он узнал все ту же пухлую кисть руки; запястье лежало на подушке, а пальцы тянулись к виску спящей.

Ошеломленный мистер Проссер запустил тяжелой книгой в полог, туда, где должен был прятаться обладатель руки. Рука быстро, но плавно отдернулась, полог всколыхнулся. Мистер Проссер обогнул кровать и успел заметить, как та же полная белая рука (так ему показалось) закрывает изнутри дверь туалетной комнаты.

Мистер Проссер резко распахнул дверь и взгляделся: ес-

ли не считать одежды, развешенной вдоль стены, туалетного столика и зеркала напротив окна, комната была пуста. Проссер захлопнул и запер дверь, чувствуя (по его собственным словам), что «вот-вот рехнется»; затем с помощью колокольчика вызвал слуг; немало труда им стоило пробудить от «забытья» миссис Проссер; судя по выражению ее лица, супруг решил, что во время «транса» она пережила «смертные муки». Тетя Ребекка добавляет: «Не просто смертные – адские; я могу это утверждать, поскольку слышала из ее собственных уст, какое видение ее посетило».

Но кульминацией описываемых событий стала странная болезнь старшего сына хозяев дома, которому шел в ту пору третий год. Мальчик оставался в сознании и при этом проявлял все признаки крайнего испуга. Доктора распознали ранние симптомы водянки головного мозга. Миссис Проссер подолгу просиживала вместе с няней у камина в детской, чрезвычайно удрученная состоянием ребенка.

Кровать мальчика стояла у стены, изголовьем к шкафу, дверца которого была чуть приоткрыта. Изголовье окружала занавеска, длиной приблизительно в фут, она скрывала из виду часть подушки – десять-двенадцать дюймов.

Женщины обратили внимание, что малыш ведет себя значительно спокойнее, когда его держат на коленях. Ребенка убаюкали и уложили обратно в постель, но не прошло и пяти минут, как мальчик забился в новом припадке, и тут только нянька в первый раз обнаружила причину его испуга, а

вслед за ней – и миссис Проссер, проследившая направление ее взгляда.

Обе женщины ясно увидели, что из-за дверцы просовывается ладонью вниз толстая белая рука и, в тени занавески, тянется к головке малыша. Мать вскрикнула, выхватила ребенка из кровати и бросилась бежать вниз по лестнице, нянька за ней. Едва успели они влететь в спальню, где лежал в кровати мистер Проссер, и закрыть за собой дверь, как снаружи донесся негромкий стук.

Рассказанным дело далеко не ограничивается, однако здесь пора остановиться. Станным представляется мне то, что, кроме призрачной руки, в повествовании более ничто не фигурирует. Владелец руки не показался ни разу, тело при руке, судя по всему, имелось, но каждый раз ловко пряталось от глаз наблюдателей.

В 1819 году я встретил джентльмена по фамилии Проссер на завтраке в колледже – это был высокий старик с косичкой из седых волос, степенный, но общительный. Без лишних подробностей, но достаточно обстоятельно он поведал нам историю своего кузена, Джеймса Проссера. Тот жил в детстве в старом доме вблизи Чейплизода и спал в детской, о которой его мать впоследствии говорила, что там нечисто. С тех пор всякий раз, когда случалось захворать или просто переутомиться, его преследовало видение, знакомое с самого раннего детства: толстый и бледный джентльмен – каждый завиток парика, каждая пуговица, складка украшенного

кружевами наряда, мельчайшие черты его доброго болезненного лица запечатлелись в памяти Джеймса Проссера яснее, чем портрет его собственного дедушки, которого он трижды в день наблюдал за трапезой.

Обо всем этом мистер Проссер рассказывал как о примере удивительно навязчивого и принявшего устойчивую форму кошмара и намекнул, что «бедный Джемми» (о котором он говорил в прошедшем времени) при его упоминании неизменно начинал сильно волноваться.

Надеюсь, читатель простит меня за то, что я уделил столько внимания Дому с Черепичной Крышей, но подобного рода легенды всегда обладали в моих глазах непреодолимым очарованием, а люди эгоистичны, старики в особенности – вечно болтают о том, что только им одним и интересно.

Глава XIII

Приходский пастор посещает Дом с Черепичной Крышей, а доктор Тул наблюдает за Медным Замком

На следующее утро Тул совершал прогулку по нижней дороге в направлении мельниц, поминутно покрикивая, по своему обыкновению, на собак, которые то разбредались, то совали нос куда попало. Он приблизился к Медному Замку, высокому старинному дому, стоявшему на берегу реки в окружении крохотного сада, полудюжины тополей и скудных остатков живой изгороди из бирючины, и заметил у крыльца два наемных экипажа и нодди. Поскольку доктору было известно, что днем ранее этот дом был нанят для мистера Дейнджерфилда, появилась надежда узреть сию прославленную личность за осмотром ее временных владений – и Тул замедлил шаги. Однако доктора ждало разочарование: самого великого человека еще не было, прибыли только хлопотливая старая экономка с кислым лицом, миссис Джукс, молоденькая служанка, и множество сундуков и коробок. Оставив кучера переругиваться с домоправительницей, неумолчный резкий голос которой свидетельствовал об ее умении постоять за себя, доктор повернул обратно в «Феникс». Там

на глаза ему попался еще один представитель дейнджерфилдовской свиты – конюх-англичанин; он с помощью своего гостиничного собрата заводил во внутренний двор гостиницы трех лошадей.

Были здесь и прочие обитатели Чейплизода, радостно взволнованные, и среди них, к примеру, прекрасная мисс Магнолия в сопровождении своей предприимчивой родительницы. Милейшей миссис Макнамаре в то утро не сиделось спокойно за завтраком: вместе с дочерью она то и дело вскакивала и выглядывала в окна (тихий маленький майор О'Нейл сносил это неудобство с трудом, однако же молчал), а затем принималась мысленно вышивать по канве своих упований всевозможные ласкающие взгляд портреты, пейзажи и восхитительные воздушные замки.

Доктор Уолсингем отправился верхом в Дом с Черепичной Крышей, где уже трудились рабочие, которым было поручено сделать его пригодным для жилья. Через полуоткрытую дверь холла видно было, как по широкой лестнице спускалась высокая тонкая тень с ниспадавшими до плеч локонами цвета воронова крыла – на фоне вестибюльного окна она казалась совершенно черной, – это вышел навстречу священнику Мервин, бледный и большеглазый гений здешнего призрачного обиталища. Хозяин провел гостя в отделанную кедром гостиную, пыльные окна которой смотрели в тот заросший мхом сад, где, согласно молве, блуждали ночами среди мощных стволов странные фигуры, подобные кающимся

или плакальщикам меж рядов церковных колонн.

Обстановка, при всем ее величии мрачная, даже убогая, заставляла вспомнить о приеме у хозяина Рейвнсвуда. В кедровой гостиной нашлось всего лишь два ветхих стула: один на трех ножках, другой – с продавленным сиденьем. Однако, не будучи признаком подлинной бедности, окружающее запустение не слишком уязвляло хозяина дома. Мервин улыбнулся без горечи, попросил у гостя прощения и выразил надежду, что в следующий раз тот застанет здесь отрадные перемены.

Краткая беседа протекала непринужденно: Мервину было приятно, даже радостно в обществе пастора, который внушал ему симпатию и доверие. Звучный голос доктора был жизнерадостен, речь – исполнена доброты и серьезности, голубые глаза смотрели бесхитростно, в покрытом морщинами доброжелательном лице угадывалась прежняя красота – в свое время на молодого Уолсингема, тогдашнего помощника приходского священника, можно было заглядеться. Доктор сочетал учтивость с честностью, его любезность ценили дамы, пусть даже временами ему случалось забыть, что они не сильны в латыни.

Потому неудивительно, что Мервин ощутил к доктору расположение и впервые за долгое время вел беседу в какой-то мере откровенно (хотя далеко не во всем). Можно было предположить, что молодой человек не имеет ясного представления о том, как устроить свою жизнь. То ему при-

ходило в голову отправиться на военную службу в Америку, то – избрать какую-нибудь гражданскую должность за границей, однако, как мне кажется, все эти планы были начертаны in nubibus¹². В одном не приходилось сомневаться: душа его не знала покоя и жаждала перемен – неизвестно каких.

Визит, надо полагать, не затянулся, и как раз в то время, когда доктор Уолсингем выезжал из ведущей к дому аллеи, лорд Каслмэллард, в сопровождении своего кучера, не спеша следовал мимо верхом в направлении Чейплизода.

Его светлость хотя и походил частенько на сонную муху, все же почитался человеком деловым и энергичным; боюсь, однако, что все усилия сводились к пустой суете и дела его шли бы лучше, если бы он доверил их другим.

Его светлость направлялся в город, чтобы узнать, не при-был ли Дейнджерфилд; завидев доктора, он замедлил шаг, чтобы тот мог к нему присоединиться. Немногие священники заслуживали такой чести, но доктор по рождению принадлежал к знати, да и жена его происходила из хорошей семьи. Старый дом лорд Каслмэллард смерил ленивым недовольным взглядом. О затее Мервина он уже слышал и не склонен был ее одобрить.

– Да, сэр, этот молодой человек весьма хорош собой и прекрасно одет, – брюзгливо заявил его светлость, – но его общество не доставляет мне, знаете ли, удовольствия. Его вины тут нет, но нельзя же заставить себя не думать о том...

¹² В облаках (лат.).

о чем думается! И хорошо бы доброжелатели надоумили его не носить, знаете ли, бархат, в особенности черный бархат – ну, вы понимаете. Волей-неволей приходит на ум погребальный покров. Мне... я не... мне рядом с ним не по себе. Смотришь на это бледное-пребледное лицо и... ничего не остается... видишь другое, еще бледнее... Не мне вам объяснять, сэр... Да что там, даже духи его отдают... отдают... знаете ли, кровью. – Наступило краткое молчание; его светлость раздраженно похлестывал себя плеткой по сапогу. – Разумеется, нужно проявлять снисходительность. Не всё в моей власти – мне не сделать его приятнее, чем он есть, но я его жалею и старался быть снисходительным – *вам* это известно, доктор Уолсингем: уже десять лет я ему почти что опекун – хлопоты несую, а власти не имею. О да, мы стараемся как можем, но, клянусь Богом, сэр, где ему не следовало бы торчать – это как раз здесь, а тем более слоняться совершенно без дела у всех на виду. Могу вас заверить: так думаю не я один. А он еще и взялся приводить в порядок этот мерзкий старый дом – мерзейший старый дом, сэр. Вот-вот обрушится, ей-богу, все это твердят: и Наттер, и Стерк – доктор Стерк из местных артиллерийских войск, на редкость разумный человек. Мерзкий дом, еле стоит, а сколько у меня из-за него было хлопот с этим – не помню, как его звали, – из муниципалитета. Он пытался найти арендатора, но бесполезно; от жильцов уходили слуги – бродят всякие толки, знаете ли, так мне говорили. И что ему здесь понадобилось – вы не зна-

ете? Двух недель не пройдет, как здешние его раскусят, попомните мои слова – пусть называет себя Мервином, Фицджералдом, Томпсоном – да кем угодно, сэр, – кого он надеется обмануть? Не стоит и пытаться. В здешней деревушке народ ушлый, до того ушлый – даже Наттеру, сдастся мне, не по зубам.

Следует иметь в виду, что Стерк настоятельно убеждал его светлость присоединить к своим владениям упомянутый дом с прилегающим клочком земли, что сулило некоторые выгоды, и лорд Каслмэллард вознамерился последовать его совету. Посему не приходится удивляться, что водворение там Мервина его светлость расценил как вопиющее посягательство на свои права.

Глава XIV

Как Паддок прочищал голову О'Флаэрти (автор надеется, что люди сугубо утонченные пропустят эту главу не читая)

Ром решительно не шел О'Флаэрти на пользу, но, будучи сангвиником, а к тому же и упрямым, тот не расположен был сдаваться; напиток этот был ему по вкусу, и, полагаясь на свою молодость, фейерверкер вопреки всему употреблял его в изобилии всякий раз, когда предоставлялась возможность. Утром О'Флаэрти объявил своему приятелю Паддоку, что голова у него «прямо-таки раскалывается». С теми же основаниями наш доблестный бражник мог бы пожаловаться и на желудок. Упоминание о завтраке вызвало у него приступ тошноты. Паддок не пожелал слушать возражений, и кое-как одетому фейерверкеру пришлось принять в себя некоторое количество ненавистного ему питья – чая. При этом О'Флаэрти жалобно стонал и клял на чем свет стоит «никудышный кларет», поскольку предпочел переложить вину за свое теперешнее недомогание именно на него.

– Вот что я скажу вам, сэр, – начал Паддок, видя, что состояние его подопечного по-прежнему далеко от боевого, –

я знаю одно средство – очень простое; с моим дядей Ниглом оно делало чудеса. Бедняга без памяти любил ром с соком, даром что наутро его *каждый раз* одолевала головная боль, а то и подагра.

Паддок вызвал наверх миссис Хогг, хозяйку дома, и поручил ей изготовить два муслиновых мешочка, каждый размером с пистолетный патрон. Получив заверение, что мешочки будут у него через пять минут, Паддок склонился над страницами тетради в четверть листа, заполненной его собственноручными записями. Чего там только не было: и сонеты в честь прекрасных глаз некой Селии, и заложенные меж страниц локоны и анютины глазки, и стихи по случаю дня рождения некой Сакариссы, помимо того – рецепты «паптонов», «фаршей» и так далее, а также и туалетных снадобий: «воды Анжелики», «воды венгерской королевы»; лечебных вод, употребляемых после обильного застолья. Нашлось наконец и то, что требовалось: «Рецепт моей двоюродной бабушки Белл для прочищения головы (хорош при меланхолии, равно и при головной боли)». Представив себе неряшливую тетрадку, недостойную тогдашнего джентльмена и офицера, вы окажетесь не правы: альбом, в красном с золотом переплете, с красным обрезом, был снабжен двумя красивыми посеребренными застёжками и исписан ровным и разборчивым – можно сказать, каллиграфическим – почерком, не говоря уже о полном отсутствии клякс.

– Ингредиенты все на месте, не хватает лишь двух – нет,

трех, – задумчиво бормотал Паддок, читая рецепт.

Все, чего недоставало, нашлось, однако, у Тула, благо жил он поблизости, а затем Паддок вооружился миниатюрной серебряной теркой, красивым агатовым пестиком и ступкой (наследство двоюродной бабушки Белл) и изготовил чудодейственный порошок; в состав вошли, совсем как поется в песне, «мускатный орех и имбирь, корица, гвоздика», а также всевозможные прочие жгучие продукты природы и химии, какие только пришли на ум автору знаменитого семейного «снадобья для прочищения головы», а в том, что порошок получился забористым, можно не сомневаться. Зелем наполнили мешочки, концы их завязали, на стол был водружен таз, к нему подсел О’Флаэрти и, следуя указаниям Паддока, поместил себе за щеки по мешочку; далее фейерверкер должен был, под честное слово, оставаться в том же положении, пока Паддок не завершит свой утренний тет-а-тет с парикмахером.

Любопытствующим советую обратиться к старинной книге домашних рецептов, изданной в прошлом веке; там они обнаружат весьма точное описание вышеупомянутой процедуры.

– Черт возьми, бьет наповал, сэр, – говорил впоследствии О’Флаэрти, отчаянно тряся головой, – я и охнуть не успел, как во рту вспыхнул пожар.

Мука была адская, однако требовалось, причем настоятельно, привести себя в порядок, а по истечении пяти минут

голове и в самом деле полегчало. Жером тем временем чистил в заднем дворе полковую форму и занимался прочими приготовлениями, все складывалось не так уж плохо, но внезапно у двери послышались голоса, и, боже праведный, один из них определенно принадлежал Магнолии.

— Эта окаянная Джуди Кэррол возьми и распахни настежь дверь. — Рассказывая об этом, О’Флаэрти вскипал. — Поделом мне, нужно было запереться в спальне, но кто же знал, что этой набитой дурехе — черт ее дери — вздумается провести леди прямо в комнату, где джентльмен сидит полураздетый и, можно сказать, принимает лечение.

По счастью, туалетный стол, за которым восседал О’Флаэрти, был устроен на старинный манер: сзади имелась перегородка, которая заслонила от взоров посетителей спущенные чулки и изношенные домашние туфли фейерверкера. Но и без того выдавший виды шелковый роклер и заколотое булавкой на затылке полотенце, которое прикрывало грудь бедняги, выглядели достаточно непрезентабельно. В распоряжении фейерверкера было не более секунды, чтобы запихнуть под стул таз, яростно сдернуть с себя полотенце и немилосердно, с ожесточением утереть лицо. Вслед за тем Джуди Кэррол, во время отсутствия Жерома бравшая в свои руки бразды правления домом, ввела на порог обвожирительную Магнолию, которую сопровождал ее дядюшка, кроткий маленький майор О’Нейл. Джуди Кэррол добродушно-лукаво улыбалась, явно довольная своей ролью посред-

ницы между любящими сердцами.

Визитеры, пребывавшие в приподнятом настроении, явились, как выяснилось, чтобы пригласить галантного (в иных обстоятельствах) фейерверкера принять участие в увеселительной поездке в Лейкслип. О'Флаэрти бессилён был даже предложить леди стул, а уж о том, чтобы привстать из-за стола или предпринять попытку отступления, не стоило и думать. Последовало несколько любезных фраз, но ответ фейерверкера был неразборчив: сказалось действие фамильного снадобья Паддока. Когда же незадачливый хозяин попытался одарить гостей улыбкой, то, по той же причине, ему пришлось поспешно прикрыть рот полотенцем – к полному своему отчаянию.

От фейерверкера не укрылось, что посетители несколько озадачены: майор не сводил взгляда с его губ и бессознательно повторял его гримасы, а на лице прекрасной Магнолии отразились явственные признаки оживления и любопытства. Думаю – и искренне убежден, – что если бы у О'Флаэрти имелся под рукой пистолет, несчастный прибег бы к его помощи, чтобы разом покончить со своим щекотливым положением.

– Судя по всему, лейтенант, вы страдаете зубной болью, – произнесла мисс Мэг со своей обычной милой простотой.

О'Флаэрти лихорадочно попытался ее разуверить, при этом один из мешочков проскочил ему в горло. Лицо бедняги налилось кровью, глаза полезли из орбит, пришлось по-

спешно сделать несколько глотков воды. Дошло до того, что на прощальные слова майора фейерверкер отозвался невольным стоном, а развеселившаяся мисс Мэг, злобредно хихикая, воскликнула:

– Не иначе, дядя, как у бедного карапуза режутся зубки или он запихнул себе в ротик горячую картофелину и теперь ему бо-бо.

Движимый вежливостью, несчастный лейтенант ответил безмолвной душераздирающей улыбкой. Майор предпочел не слышать слов Мэг и проделал формальный заключительный поклон – правда, несколько веселее, чем полагается. Лейтенант поклонился в свою очередь, отчего с оглушительным грохотом на голый пол свалились треклятая ступка и фарфоровая тарелка, на которой Паддок приготавливал смесь. О’Флаэрти, выругавшись про себя, подумал, что ни одна тарелка и ни одна ступка никогда не производили такого шума.

– Нишего, бог ш ним, шэр, – с трудом выговорил О’Флаэрти, опасаясь одного – как бы майор не задержался.

И вот майор удалился вниз по лестнице, а за ним – племянница, со своими розами и лилиями на щечках, бойкой прямоотой в речах и озорным блеском глаз. О’Флаэрти, созерцая в зеркале свое неприглядное отражение, слышал под окном удаляющийся залиvistый смех этой милейшей молодой леди.

Нам остается порадоваться за Джуди: принадлежность к

слабому полу спасла ее от крайних проявлений фейерверкорова гнева. Тщетно надеясь, что вид его окажется не столь уж плох, всматривался О'Флаэрти в висящее между окон зеркало и все больше впадал в отчаяние. Безобразный старый халат, красные глаза, всклокоченные волосы – чтоб он пропал, этот проклятый кларет! Утешало одно: парик был на месте. А рот – до ушей, хоть завязочки пришей, впрочем, фейерверкеру было вовсе не до шуток.

– Через неделю либо меня, либо этой мужички Джуди Кэррол здесь не будет, так и скажу хозяйке, – выкрикнул бедняга, скалясь в зеркало.

Затем, в намерении вызвать хозяйку к себе наверх для объяснения, О'Флаэрти заковылял к лестнице, но по пути передумал и вернулся к зеркалу. Он с присвистом втягивал в себя воздух, чтобы охладить обожженные перцем губы, вглядывался в пугало, которое таращилось на него из овальной рамы, и – как ни печально говорить об этом – обращал к своему отражению речи настолько нелицеприятные, что и вспомнить неловко.

Глава XV

На помощь приходит Эскулап

Лишь возвращение Паддока внезапно навело доблестного фейерверкера на мысль о проглоченном мешочке.

– Проглотил? Вы его проглотили? – бледнея и меняясь в лице, произнес Паддок. – Но как же, сэр, я ведь предупреждал: необходима *крайняя* осторожность.

– Но, проклятье, там же *нет* ничего... ничего...

Пауза затянулась, О’Флаэрти сверлил владельца красного альбома диким, испуганным взглядом.

– *Чего* нет, сэр? – Паддок произнес этот вопрос быстро, но в явном замешательстве.

– Нет ничего... ничего *плохого*... или... или... что толку скрывать, Паддок? – О’Флаэрти пожелтел. – Я вижу, сэр, о чем вы думаете: я отравлен!

– Нет... *Нет*, сэр, этого я не думаю, – негодование в голосе Паддока мешалось со смущением, – состав ничуть не опасен... по большей части... разве что в одном ингредиенте – ну в трех, но не больше – нет полной уверенности, однако не сомневайтесь, страшного ничего... ничего... Но с какой стати, дорогой сэр, вам вздумалось глотать то, что не положено, нарушая тем самым мои ясные указания?

– Спросите лучше, с какой стати я вообще согласился

взять эту чертову штуку в рот! – вскричал в ответ бедняга О’Флаэрти. – Надо же быть таким идиотом, совать в рот что ни попадя, не иначе как нечистый меня попутал.

– Надеюсь, с головой у вас полегчало? – важно осведомился Паддок, дабы напомнить о целительных свойствах своего снадобья.

– Да на что она мне теперь! – взвился О’Флаэрти. – Вы, Паддок, со своими адскими зельями как старая ведьма, – кончится тем, что вы еще кого-нибудь отравите.

– Мой двоюродный дед, сэр, генерал Нигл, – возразил Паддок по-прежнему с достоинством, – прибегал к этому снадобью неоднократно и с немалой для себя пользой.

– И притом вы не можете даже сказать, отравился я или нет, – бушевал О’Флаэрти.

В то же мгновение он заметил на улице доктора Стерка и отчаянно забарабанил по стеклу. Доктор не мог не внять этому призыву: фейерверкер производил странное впечатление, но все же явно нуждался в помощи.

– Позвольте взглянуть на рецепт, – сухо сказал Стерк, – вы ведь считаете, что отравились, не отпирайтесь. – Бедный О’Флаэрти не решался назвать вещи своими именами. – Если это так, то ставлю полсотни, что *мне* вас не спасти, да и никому из дублинских докторов тоже, а потому давайте рецепт.

Паддок положил перед ним свои записи. Стерк лениво-пренебрежительно взглянул на обложку альбома, не на-

шел заглавия и вернулся к рецепту. Паддок и О'Флаэрти следили за ним затаив дыхание. Дойдя до середины, Стерк при-свиистнул, а дочитав запись, нахмурился и закусил губы, так что они совсем спрятались, затем вновь осмотрел обложку, раскрыл альбом на той же странице и мрачно перечитал последнюю строку рецепта.

– И вы действительно проглотили эту... эту дьявольскую смесь, сэр? – спросил Стерк.

– Мне... мне кажется, сколько-то проглотил, но я предупредил его, клянусь вам. Скажите ему, дражайший лейтенант, я ведь говорил: не глотать, – вмешался маленький Паддок, от волнения не находивший себе места.

Но Стерк, будучи любителем сгущать краски и всячески свирепствовать, дабы усладить себя испугом пациентов, остановил его словами:

– Мне жаль вас, сэр. – Это «жаль» прозвучало как выстрел. – С какой стати вам вздумалось совать нос в вопросы медицины? Неужели вы думаете, что можно стать врачом, изучая вечерами старую кулинарную книгу?

– «Кулинарную книгу»! – возмутился Паддок. – Простите меня, сэр, но мне дали понять, что этот рецепт взят из Култрава.

– Култрава? Скажите уж – Кулотравы, так будет точнее. Сэр, – обернулся он к О'Флаэрти, – много ли порошка попало вам в желудок?

– Скажите ему, Паддок, – беспомощно произнес О'Флаэр-

ти.

– Самая малость, уверяю вас, – залепетал Паддок (не стану воспроизводить его выговор), – в муслиновом мешочке с кончик дамского мизинца.

– Окаянского мизинца! – взвился О’Флаэрти. – Мешочек был с мой большой палец, хорошо еще, что я не задохся.

– Погодите радоваться, сэр, – брезгливо усмехнулся доктор. – Осмелюсь предположить, в этом месте печет изрядно? – И доктор ткнул себя в живот.

– И что... что... *что* это, по-вашему, значит? Это не очень... или очень опасно? – запинаясь, взмолился бедняга О’Флаэрти.

– Опасно? – Стерк злобно хихикнул. Он не выносил, когда посторонние посягали на таинства его ремесла. – Ну как же, есть немножко, самую малость. Всего лишь *отрава*, сэр, смертельная отрава. И больше ничего.

Сардоническая усмешка сменилась свирепой миной, и Стерк стукнул кулаком по столу, как аукционист, объявляющий: «Продано!»

– В порошке содержится смертельный яд, и не один, а два, три... даже пять, – сурово объявил доктор. – Вы с мистером Паддоком согласитесь: случай тяжелый.

О’Флаэрти рухнул на стул и некоторое время не спускал глаз со Стерка, потом вытер взмокшее лицо и подбородок и встал, явно сам не зная зачем. Паддок застыл, заложив руки в карманы, с видом пристыженным и – надобно признать

– самым дурацким; несколько секунд молча сверлил доктора своими круглыми глазками, а потом положил на его руку свою непритворно трясущуюся ладонь и заплетающимся языком произнес:

– Да, сэр, вы правы: вина на мне, я его отравил. Это я – о благие Небеса! – я, я...

Слова Паддока тронули О'Флаэрти; бледный, на негнущихся ногах, подобный сомнамбуле, он приблизился к Паддоку и зажал его пальцы в своей ледяной пятерне.

– Скажу как на духу, Паддок, у вас золотое сердце; настоящий джентльмен, сэр, он таков! Вина моя, доктор, он меня предупредил: глотать нельзя ни капли. Не забудьте мои слова, доктор: я *сам* виноват. Дурак я, Паддок, и *вечно* у меня все наперекосяк, и... и... прощайте, джентльмены.

– Неужели... *неужели* ничего... доктор, ради бога... Заклинаю вас, доктор, придумайте, ну придумайте хоть что-нибудь... Должно же быть какое-нибудь средство, – взмолился Паддок.

– Вот так и бывает, сэр: напичкают себя или других шарлатанским зельем, а потом (как же иначе!) подожмут хвост и к нам: совершите чудо, доктор! Ну что ж, доза далеко не лошадиная, яд не из самых опасных – пусть примет лекарство, которое я пришлю, и – не исключая – с Божьей помощью выкарабкается.

А Паддок уже стоял у края кровати, тряс как одержимый руку фейерверкера и лихорадочно твердил:

– Вы спасены, дорогой друг, – *dum thpiro thpero*¹³, – он... доктор Стерк... он говорит, что может вас спасти, дорогой лейтенант... дражайший мой О’Флаэрти... он может вас спасти... вы будете живы и здоровы, дорогой сэр.

О’Флаэрти в полном отчаянии отвернулся уже было к стене; он, как это бывает с иными, безумно боялся умереть на своем покойном ложе; другое дело, если смерть застигнет врасплох, славная и бурная, – тогда ее встречают криком «ура!» и салютуют рапирой. Фейерверкер рывком привстал и несколько секунд растерянно созерцал Паддока, затем с долгим вздохом облегчения возвел глаза к небесам и невнятно забормотал. «Слава тебе, Господи» (произнесенное с трудом), «больше никогда» и «бес попутал» – вот все, что удалось расслышать Паддоку. Из-под одеяла высунулась сперва длинная голень фейерверкера, затем он потребовал, чтобы ему дали одеться, побриться и заняться прочими приготовлениями, дабы, как подобает джентльмену и офицеру, с ликованием в душе отправиться на Пятнадцать Акров, где должна была решиться его участь.

В должный час прибыло противоядие. Лекарство, помещенное в аптечную банку, представляло собой электуарий (так это, кажется, называется). Не знаю, быть может, ныне эта пакость вышла из употребления, но она была похожа на патоку с кирпичной пылью, а о составе даже Паддок не имел ни малейшего понятия. О’Флаэрти, этот истинный ирланд-

¹³ *Искаж. лат. dum spiro spero* – пока дышу, надеюсь.

ский богатырь, при виде склянки невольно вздрогнул и затрясся всем телом, как испуганный ребенок. Паддок помещал снадобье кончиком ложки, брезгливо заглянул в банку и осторожно втянул носом воздух; с минуту он молча размышлял, а затем с легким поклоном церемонно переставил банку поближе к своему собрату по оружию.

– Мне стало лучше – ничего уже не болит, – робко произнес О’Флаэрти, искоса поглядывая на лекарство, а затем поднял глаза на Паддока.

Усмотрев в этом взгляде намерение уклониться от долга, Паддок покачал своей напудренной головой и не допускающим возражений тоном яростно зашепелявил:

– Лейтенант О’Флаэрти, сэр! Я настаиваю, чтобы вы незамедлительно приняли лекарство. Ваше самочувствие, сэр, тут ни при чем. Если вы будете медлить, я откажусь сопровождать вас на поле брани. Вашей постыдной нерешительности, сэр, нет и не может быть оправданий... лекарство предназначено не для того, чтобы усладить нёбо, а чтобы спасти вашу *жизнь*, сэр... вспомните, сэр, вы *нуждаетесь*... вы проглотили – я не побоюсь это сказать, сэр! – то, что глотать ни в коем случае не полагается, и теперь – ради нас *обоих*... ради Бога, наконец, – я умоляю... я требую: ведите себя как серьезный человек, сэр.

О’Флаэрти ощутил, как его вновь коснулась леденящая тень смерти, – так действовало красноречие Паддока на его впечатлительную натуру – и внял настояниям своего се-

кунданта. «Жизнь сладка» – и ложка за ложкой тошнотворная смесь начала исчезать во рту фейерверкера; при этом не обошлось без многочисленных пауз, призывов к милосердию и приступов ужаса, но Паддок тревожился зря: в конце концов в склянке благополучно завиднелось донышко и Паддок счел за лучшее поставить на этом точку.

Услышав стук копыт, Паддок выглянул в окно. Стерк, который направлялся на своем мощном скакуне в город, крикнул:

– Ну как, принял?

Младший лейтенант с любезной улыбкой кивнул.

– Выведите его прогуляться эдак на часок, и все будет в порядке.

– Спасибо, сэр, – радостно отозвался Паддок.

– Да вы не *меня* благодарите, сэр, а лучше запомните *оба* этот урок, – резко бросил доктор, пришпорил коня и исчез в облаке пыли.

Паддок проводил этого малоприятного человека признательным, почти что благоговейным взглядом. Тревога миновала, пора было подумать о том, чтобы снова обеспечить медицинское сословие работой – на сей раз настоящей.

Глава XVI

Суд Божий на поле битвы

Хроники шпаги и пистолета изобилуют примерами, которые, будучи иной раз страшными, а иной раз – смешными и нелепыми, иллюстрируют некие великие нравственные истины. Но мы о них умолчим. Дуэль, как нам всем известно, – это действие, задуманное в духе «Панча и Джуди» – фарс об убийстве. Доблестный воин, отец Стерна, испустил (или едва не испустил) дух с торчащим из спины двухфутовым концом шпаги – и все из-за пирога с гусятиной. Я часто задумывался над тем, каковы были на самом деле подробности той роковой ссоры. Однако такого рода трагедии – все до одной – неизменно отдают гусиным пирогом. О храбрый капитан Стерн, ну почему же, почему, когда ты нацелил на этот фатальный объект сверкающие нож и вилку, рядом с тобой не оказалось авгура; он потрянул бы снежно-белой бородой, и ты бы сразу понял, что под радующей глаз оболочкой-корочкой ждут случая вырваться на волю вещие птицы судьбы – твоей судьбы! Остерегись, перед тобой пирог Пандоры! Останови свою руку, безумец! Не в пирог целит твой нож, а в твое собственное горло! Но не иначе как по наущению Мефистофеля пирующие пускают в ход столовые приборы, пирог разрезан, птицы запели! Итак, поспешим к Пятнадцати Акрам и

посмотрим, чем там все закончится.

Полубастион на углу склада боеприпасов с амбразурами для стрельбы прекрасно подходит для тайного наблюдения (при помощи полевого бинокля) за полем боя, где вот-вот должны скрестить оружие грозный О'Флаэрти и беспощадный Наттер. Приблизительно в тот же час у генерала Чэт-тесуорта была назначена в городе встреча (об этом он сказал сестре за завтраком). Однако стоило генералу достигнуть склада, как он забыл о предполагаемой цели поездки, бросил повод конюху и вступил в крепость, — там, в своей маленькой гостиной, его ожидал комендант, и, подкрепившись галетами и стаканчиком хереса, закадычные друзья вдвоем предприняли загадочную вылазку. Комендант, полковник Блай, очень высокий, сухопарый, с суровым темно-красным лицом, и генерал, малорослый улыбчивый крепыш с двойным подбородком, страдающий одышкой, бок о бок отправились в то самое укрытие, которое я только что описал.

Полагаю, нет надобности подробно объяснять моим читателям, рожденным и воспитанным в Англии, что представляет собой парк «Феникс» под Дублином. Ирландия в наши дни так же легко доступна, как Уэльс. Ее следует изучать не по «Синим книгам», снятым с полки, а по зеленым и коричневым книгам наших полей, гор и вересковых пустошей. От прекрасных ирландских ландшафтов, которые видны в голубой дымке с оконечностей английских мысов, вас отделяют неполных четыре часа морского путешествия плюс де-

сять шиллингов за проезд. Даже если бы Ирландия, помимо больших неиспользованных возможностей и природных красот, не привлекала более ничем, то и в этом случае позор падет на ваши – а не наши – головы, коль скоро нация дерзких мыслителей и неутомимых путешественников оставит эти земли неисследованными.

Так вот, на запад от упомянутого наблюдательного пункта простиралась широкая зеленая равнина, вдали вился над чейплизодскими трубами дымок, а на переднем плане, в уютной ложине у реки, ясно виднелись знаменитые Пятнадцать Акров, где часто скрещивали шпаги доблестные воины и демонстрировали свою удаль забияки. Всем известно, что представляет собой артиллерийское стрельбище. Мишень располагалась в центре огороженного круга, площадь его равнялась пятнадцати акрам, на востоке и западе в изгороди имелись широкие проходы.

Оба старых приятеля отлично знали, куда им смотреть.

Отец Роуч оказался – по чистой случайности – на месте событий; когда на поле прибыли враждующие стороны, он читал требник – почему бы и нет: в промежутках между войсковыми учениями, а также случаями, подобными тому, о котором идет речь, место это было вполне уединенным. Святой отец, как обычно, незамедлительно присоединился к пришедшим, дабы прекратить роковой раздор.

Доводы его, однако, оказались не вполне в ладу со здравым смыслом (так мне почему-то кажется).

– Не хочу знать подробностей вашей размолвки – мне противно само слово «ссора», но, лейтенант О’Флаэрти, дорогуша, даже если допустить на минуту самое худшее: что он вас отхлестал...

– А кто осмелится такое допустить? – свирепо осведомился О’Флаэрти.

– Ну тогда предположим, мой любезный, что он плюнул вам в лицо. – Его преподобие предпочел пропустить мимо ушей вырвавшееся у лейтенанта возмущенное восклицание и продолжал: – Пусть так, но неужели это настолько важно, дорогой вы мой? Вспомните, какое бесчестие и унижение претерпел блаженный святой Мартин – и что же? Он кротко улыбался, а с уст его не сорвалось ни единого поносного слова, лишь «Ave, Maria».

– Распорядитесь, сэр, чтобы священник оставил место поединка, – сердито сказал О’Флаэрти Паддоку, но тот, поглощенный переговорами с мистером Мэхони, его не услышал.

Роуч же переместился поближе к Наттеру, чтобы обратить свои благочестивые усилия на него. Наттер тут же вспыхнул и, судя по всему, разгневался не меньше О’Флаэрти.

– Лейтенант О’Флаэрти, обращаюсь к вам, – вновь занудил елеинным голосом отец Роуч, – вы человек молодой, и лейтенант Паддок, выступающий на вашей стороне, молод тоже. Мне, любезные друзья, столько лет, сколько вам обоим вместе, и вот мой совет: не проливайте крови, даже шпаг из ножен не извлекайте; не слушайте военных: они всегда стоят за

драку, потому что дамам нравится, когда мужчины дерутся. Пусть обвиняют вас в малодушии, называют трусами, дезертирами – не обращайтесь внимания.

– Нет, это уж слишком, Паддок. – Обидные слова, перечисленные его преподобием в качестве гипотетических характеристик, не на шутку задели О’Флаэрти. – Отец Роуч, если вам хочется посмотреть поединок...

– *Apage, Sathanas!*¹⁴ – обиженно забормотал его преподобие, затряс круглым, отливающим синевой подбородком и кротко отмахнулся от говорящего толстенькой розовой ручкой.

– Тогда оставайтесь и смотрите сколько влезет, мне не жалко, но только без шума; ведите себя как примерный христианин и держите язык за зубами, если же поединки вам и вправду противны...

О’Флаэрти высказал еще далеко не все, что намеревался, но внезапно его речь прервалась, лицо покраснело и перекосилось. Согнувшись в три погибели, он минуты две не сводил с Роуча взгляда, горевшего неземным огнем, затем своей костлявой ручищей сжал предплечье Паддока так немилосердно, что маленький джентльмен от внезапной боли даже взвизгнул:

– О... О... О’Флаэрти, шэр, отпустите, шэр, мою руку.

О’Флаэрти глубоко втянул в себя воздух, издал короткий стон, отер взмокший красный лоб и выпрямился; судя по

¹⁴ Отыди, Сатана! (*лат.*)

всему, он пытался поймать упущенную нить беседы.

– Сэр, определенно, с вами что-то неладно? – обеспокоенно спросил Паддок *sotto voce*¹⁵, растирая пострадавшую руку.

– Так оно и есть, – ответил фейерверкер уныло, даже с горечью.

– И... и... и что... как же... вы ведь... а? – выдавил из себя Паддок.

– Вот что, Паддок... притворяться ни к чему... это яд, Паддок, все дело *в нем*, – отозвался О’Флаэрти свистящим шепотом (любимое выражение романистов).

– Господи... Боже милосердный, сэр! – в панике воскликнул смертельно побледневший Паддок и, вздернув подбородок, как прикованный уставился на своего могучего визави – вид этих двоих ни в малой мере не отвечал общепринятым представлениям о том, как полагается выглядеть героям перед битвой.

– Но... этого не может быть, а как же доктор Стерк и... бог мой... противоядие. Не может этого *быть*, сэр, – торопливо проговорил Паддок.

– Ложки две-три я выплюнул, да и на дне банки немного осталось, только что теперь об этом говорить, – робко и печально отозвался великан.

Из уст Паддока вырвалось проклятие – едва ли не впервые на памяти окружающих; он резко отвернулся от своего

¹⁵ Вполголоса (*um.*).

собрата по оружию и сделал несколько шагов прочь, словно махнул на все рукой. Такой поступок был бы, однако, совершенно немыслим.

– О’Флаэрти, лейтенант... не буду вас упрекать, – начал Паддок.

– *Упрекать* меня? А кто же, по-вашему, меня *отравил*, дружочек? – огрызнулся фейерверкер.

Паддок лишь вскинул на него глаза, а затем с кротостью и смирением ответил:

– Ладно, дорогой сэр, и как же нам поступить теперь?

– А что мы можем поделаться? Пусть будет что будет.

Мне следует пояснить, дабы успокоить сердобольных читателей, сочувствующих доблестному фейерверкеру: причиной его недомогания был не столько яд, сколько противоядие. Циничный и злобный Стерк изобрел адскую смесь. Впоследствии фейерверкер взволнованно недоумевал вслух, как Паддок умудрился состряпать такую отраву (взять под подозрение эликсир Стерка он не догадался): «От боли я позабыл, мадам, на каком я свете».

Наттер успел уже сбросить сюртук и жилет и остался в аккуратной рубашке из черного люстрина – подобные наряды старшие по возрасту офицеры Королевской ирландской артиллерии видывали в свое время на фехтовальных поединках.

– Положение *плачевное*, – заявил Паддок тоскливо.

– Бог с ним, – простонал О’Флаэрти и, не дрогнув, снял

сюртук, – будут у вас вместо одного *два* покойника. Не выдавайте себя, и вам не придется за меня краснеть, *если* я вдруг уцелею.

Приготовления были завершены; легкий и жилистый Наттер выступил вперед со своей грозной шпагой, – распростившись с молодостью, он не потерял мастерства. Белки глаз недвижно сияли на его смуглом лице. Он бросил несколько слов своему оруженосцу и быстрым жестом указал на толпу по обе стороны; великолепный Мэхони пошептался со стоявшими по соседству офицерами; они энергично осадили публику и стали следить за тем, чтобы никто из посторонних не прорвался внутрь намеченного ими кольца. О’Флаэрти крепко ухватил рукоятку шпаги и вздел вверх клинок, встряхнулся, сделал один-два ложных приема и, подобный Голиафу, стал наступать на коротенького Наттера.

– Ну что ж вы, Паддок, подзадорьте своего подопечного, – заметил Деврё, в любви к шуткам не знавший меры, – скажите, пусть выпотрошит его, разделает и подаст к столу.

В полку вошло в обычай подтрунивать над кулинарными увлечениями Паддока; сомневаюсь, однако, чтобы лейтенант слышал эту выдержку из своего вчерашнего «рецепта»; все внимание он сосредоточил на О’Флаэрти, который уже был близок к тому, чтобы войти в соприкосновение с противником. Но в этот критический момент, к ужасу Паддока, фейерверкер застыл на месте и вновь, как совсем недавно, скрючился пополам, а лицо его исказила жуткая гримаса, словно

он силился проглотить свою нижнюю губу, а заодно и подбородок. С прерывистым стоном О'Флаэрти клонился все ниже, пока не сел на землю, затем он подтянул колени к груди и стал раскачиваться из стороны в сторону; он задержал дыхание, и лицо его побагровело.

Зрелище это повергло в недоумение всех, кроме Паддока, непосредственно причастного к происходящему; побледнев, он в тревоге подскочил к О'Флаэрти:

– Боже... Боже мой... О'Флаэрти, дорогой друг... он очень болен... Как вы, сэр?

– Не давал ли ты ему попробовать свое любимое постное блюдо? – участливо осведомился Деврё.

Представляю себе выпученные глаза и испуганное лицо Паддока, в упор вглядывающегося в искаженные черты своего доблестного соратника, – и вспоминаю один из рисунков Тони Жоанно, где изображено, как верный Санчо Панса склоняется над распростертым телом Рыцаря печального образа.

– Лучше бы уж я сам проглотил это зелье... Благие небеса, что же будет?... Вам не полегчало? Может, все-таки полегчало?

Вряд ли О'Флаэрти его слышал. Он плотнее обхватил колени, обращая к небу собравшееся в тысячу складок лицо; глаза его были зажмурены, а сквозь стиснутые зубы вырвался сдавленный крик; почерневший, он выглядел просто ужасающе.

Кое-кто из зрителей в задних рядах решил, что О'Флаэрти насквозь пронзен шпагой своего грозного соперника. Раздался хор восклицаний и советов, были упомянуты такие средства, как паутина, бумажная затычка, священник, бренди и прочие в том же роде, однако ничего этого под рукой не оказалось, и никто не двинулся с места, чтобы сходить за помощью, потому оставалось полагаться разве что на природу.

В порыве отчаяния Паддок сдернул с себя треуголку и стал топтать ее ногами.

— Он умирает... Деврё... Клафф... *говорю* же вам, он умирает. — Паддок уже готов был объявить себя убийцей О'Флаэрти и отдаться в руки первому, кто вызовется взять его под стражу, но внезапно вспомнил о своих обязанностях секунданта и, сделав над собой усилие, вернулся к их исполнению. — Джентльмены, мне представляется совершенно невозможным, учитывая тяжелое положение моего друга... — заговорил Паддок с церемонным поклоном. — У меня... у меня есть основания опасаться... собственно, я знаю... его осмотрел доктор Стерк... он стал жертвой отравления... так что продолжить наше дело чести в настоящее время нет никакой возможности.

Паддок завершил свою речь не допускающим возражений тоном и решительно водрузил на свою круглую напудренную голову треуголку, которую кто-то поднял и сунул ему в руку.

Мистеру Мэхони, при всем его великолепии, недоставало понятливости, волнение Паддока он ошибочно принял за

наступательный пыл. Посему его слова прозвучали не только подчеркнуто изящно, но и сурово:

– Если я правильно понял вашу *артикуляцию*, сэр, вы упомянули «отравление». Полагаю, вы причисляете себя к джентльменам, блюдущим законы рыцарства, и вам небезызвестно, что в подобных случаях, во имя собственной чести и уважения к достойному сопернику, следует изъяснить с точностью, что вы имеете в виду. Мистер Наттер, сэр, вращается в кругах и пользуется высочайшей репутацией – не моей скромной особе произносить панегирики в его честь. Оба джентльмена бок о бок выпивали прошлой ночью и не сошлись во мнениях – с этим я не спору, однако с той поры истекло добрых четырнадцать часов, а отравы, как вы изволили выразиться...

– Бог ты мой! Шэр! – зашепелявил Паддок, вне себя от возмущения. – Неужто вы могли хотя бы на миг предположить, что мне или кому бы то ни было еще придет в голову высказать подобное обвинение в адрес мистера Наттера, моего глубокоуважаемого друга, пусть волей судьбы мы оказались в противостоящих лагерях! – Низкий поклон в сторону Наттера, и его ответный поклон. – Всем известно, сэр, что мистер Наттер неспособен – именно неспособен – подсыпать отраву кому бы то ни было: мужчине ли, женщине или ребенку. Чтобы покончить с этим недоразумением незамедлительно, скажу вам, сэр, что это я – я сам, сэр, – отравил – разумеется, случайно – своего друга лейтенанта О’Флаэрти не

далее как сегодня утром; виной всему некое снадобье, само по себе целительное, но неправильно употребленное. И вот, мистер Наттер, вы видите сами, что из этого получилось!

Мистер Наттер, убедившийся, что о получении сатисфакции в настоящую минуту не может быть и речи, растерянно и несколько глуповато переводил глаза то на Паддока, то на О'Флаэрти.

– А теперь, сэр, – Паддок обратился к мистеру Мэхони, – если мистер Наттер желает отложить поединок, я согласен; если же нет, то вместо своего товарища предоставляю в его распоряжение себя.

Он вновь глубоко склонился и застыл, сжимая в левой руке шляпу, а в правой – рукоятку шпаги.

– Клянусь честью, капитан Паддок, именно это я и сам хотел предложить, сэр, – с большой живостью подхватил Мэхони, – не вижу иного выхода из той ситуации, в которую нас поставила преждевременная агония вашего друга; видно, он *bona fide in articulo mortis*¹⁶ – иначе его поведение ничем не извинишь.

– Паддок, дружище, – зашептал Деврё в ухо маленькому лейтенанту, – надеюсь, вы не убьете Наттера в угоду этим двум скотам?

И Деврё указал глазами сначала на блестящего секунданта Наттера, а затем на великого духом О'Флаэрти, который по-прежнему неподвижно сидел на земле.

¹⁶ И в самом деле на пороге смерти (*лат.*).

– Капитан Паддок, – послышался голос зеркала куртуазности, Пата Мэхони из Макэфаббла (между прочим, Мэхони упорно присваивал Паддоку капитанский чин), – поскольку дело приняло неожиданный оборот, могу я осведомиться, кто выступит в роли *вашего* друга?

– В этом нет нужды, сэр, – сухо и решительно вмешался Наттер. – Лейтенант Паддок, я не коснусь и волоска у вас на голове.

– Вы слышали? – выдохнул О’Флаэрти, к которому вернулся дар речи; нечаянная фраза Наттера задела его за живое – так уж распорядилась судьба, что Наттер в последнее время через слово поминал волосы. – Вы слышали его, Паддок? Мистер Наттер, – О’Флаэрти говорил отрывисто, с трудом, – сэр... мистер Наттер... вы должны... ух... я призыву вас к о-о-ответу-у-у!

Эти звуки вырвались у О’Флаэрти через стиснутые зубы, лицо его исказилось чудовищной судорогой и побагровело. Паддок на мгновение решил, что О’Флаэрти кончается, и едва не пожелал, чтобы он отмучился побыстрее.

– Молчите... прошу вас, сэр, не напрягайте себя, – взмолился Паддок, однако обращение его оказалось излишним.

– Мистер Наттер, – сердито проговорил Мэхони, – вы можете сколько угодно смотреть, как этот джентльмен сидит на земле и корчит рожи, но ваша запятнанная честь от этого чище не станет. Полагаю, сэр, мы явились сюда не играть в бирюльки, а покончить с нашим делом.

– Скажите лучше, покончить с этим злополучным джентльменом, что, как я вижу, вполне удалось. – Коротышка доктор Тул поспешил склониться над фейерверкером; он прибыл в карете, где оставались инструменты, корпия, пластыри. – Ну, что стряслось?.. Ага, он имел дело с доктором *Стерком*? О-хо-хо! – Тул потихоньку саркастически хихикнул, дернул плечами и стиснул пальцами запястье О’Флаэрти.

– Вот что я скажу вам, мистер... э-э-э... сэр, – произнес Наттер с угрожающим видом. – Я имею честь знать лейтенанта Паддока с августа тысяча семьсот пятьдесят шестого года и ни за что на свете не причиню ему вреда, поскольку люблю его и уважаю, но, если мне непременно нужно драться, я буду драться с *вами*, сэр!

– С августа тысяча семьсот пятьдесят шестого года? – поспешил изумиться мистер Мэхони. – Ого! Почему же вы молчали об этом раньше? Ну как же, сэр, не предлагать же старинным знакомым идти друг на друга с обнаженными клинками! Нет, сэр, рыцарская доблесть склоняет голову перед милосердием христианина, а честь идет рука об руку с человеческим сердцем!

Заклучив эту исполненную благородства сентенцию, мистер Мэхони согнулся в поклоне и пожал сначала холодную жесткую руку Наттера, а затем пухленькую белую лапку Паддока.

Не следует думать, что мистер Пат Мэхони из Макэфабб-

ла был трусоват, напротив, на своем веку ему довелось стать участником нескольких, и весьма громких, дуэлей, где он выказал себя свирепым и хладнокровным бойцом, – нет, он просто играл свою роль до конца, пока не пришла пора поставить точку. Есть любители толковать о дуэлях забавы ради, выказывать к ним пристрастие, доходящее до восторга, – не верьте ни единому слову. Дуэлей не любит никто, просто некоторые ненавидят их не так сильно, как все прочие, – таких людей и именуют героями.

– Ух, мочи нет. Кто-нибудь, заберите меня отсюда, – взмолился О’Флаэрти, вытирая испарину с багрового лица. – Еще минут десять – и мне конец.

– *De profundis conclamavi*¹⁷, – забормотал отец Роуч, – обопритесь на меня, сэр.

– И на меня, – добавил маленький Тул.

– Дорогой друг, во имя спасения своей души, прежде чем удалиться, скажите только, что вы прощаете мистера Наттера, – попросил священник вполне искренне.

– Все что угодно, отец Роуч, – отозвался страдалец, – только оставьте меня в покое.

– Так, значит, вы его прощаете?

– О, мука мученическая! Да прощаю же, прощаю. Но *только* на смертном одре, потому что если я *не умру*...

– Тише, тише, сын мой, – елеинным голоском произнес отец Роуч и похлопал фейерверкера по руке. Именно с этой

¹⁷ Из глубины взываем (*лат.*).

фразой обращался достойный пастырь к своему скакуну, по кличке Брайан О'Линн, когда тот, объевшись овса, становился чересчур игрив, — все пустяки... только потише, поспокойнее, сын мой... вот так, тихо... тихо.

Оба сопровождающих в обществе секунданта подвели за немогшего великана к карете и погрузили на сиденье; вслед за тем все трое также сели в карету, в их числе священнослужитель, побуждаемый любопытством: он желал быть с О'Флаэрти в его последние мгновения. Кучер, оказавшийся навеселе, погнал лошадей к Чейплизоду бешеным галопом, сначала по лужайке, а затем вниз по склону холма. Перепуганный Тул напрасно дергал за шнурок, пока не оборвал его, — карета не опрокинулась благодаря одному лишь везению. Но вот пассажиры достигли наконец жилища О'Флаэрти — отнюдь не в радужном расположении духа, но, во всяком случае, целые и невредимые.

Доро́гой больной перенес новый приступ, поэтому друзья, томимые страхом и любопытством, бережно помогли ему выбраться из кареты. На пороге дома О'Флаэрти вначале испустил стон, затем громогласное проклятие в адрес Джуди Кэррол и, наконец, страшным воплем: «Кокан Модейт!» — призвал Жерома. Под приглушенные увещания святого отца, Тула и Паддока О'Флаэрти добрался до верхней площадки лестницы и воспользовался ею как трибуной, чтобы, перегнувшись через перила, во всеуслышание оповестить всех домашних о своем тяжком недуге и неминуемом

близком конце.

Глава XVII

Лейтенант Паддок получает приглашение, а также нагоняй

Два пожилых джентльмена, устроившиеся у амбразур в башне армейского склада, нацелили бинокли и с грехом пополам сквозь толпу зрителей наблюдали за тем, что происходило на поле боя.

– Клянусь Юпитером, сэр, он пронзил его насквозь! – сказал полковник Блай, когда О’Флаэрти упал.

– Так и есть, клянусь святым Георгием! – отозвался генерал Чэттесуорт. – Но только кого?

– *Длинного*, – пояснил Блай.

– О’Флаэрти?.. Нет, видит Бог... хотя да; шустрый малый этот Чарльз Наттер, клянусь Юпитером. – Генерал вытянул шею.

– Управился в мгновение ока!

– Вот чертяка!

Оба достойных джентльмена застыли с биноклями в руках, их лица напряглись, а кривившие губы усмешки говорили о том, что удаль молодого поколения вызывает у старых вояк воспоминания о собственных былых проделках.

– Куда уж вашему новому фейерверкеру до хладнокровного, опытного бойца, – ехидно заметил Блай.

– Да будет вам, сэр, этот О’Флаэрти и трех недель у нас не пробыл, – ревниво вступился за честь полка генерал. – Среди наших фейерверкеров есть такие мастаки, против которых Наттер и десяти секунд не продержится!

– Похоже, несут... несут... – (Долгая пауза.) – *Тело?* Нет, клянусь святым Георгием, он сам идет, хотя и *ранен*.

– Слава тебе господи, что этим обошлось, – искренне обрадовался генерал.

– Сажает в карету... Ну и длиннющие же у него ноги...

– Дела... такого рода, сэр... весьма... весьма прискорбны, – с расстановкой произнес генерал, фокусируя бинокль.

Не верьте – упоение, которое испытывает испанец, наблюдающий за боем быков, не идет ни в какое сравнение с тем, что испытал Чэттесуорт. Вдвоем со старым Блаем они следили из своего уютного укрытия уже за шестым поединком, в котором принимали участие офицеры Королевской ирландской артиллерии. Предполагалось, разумеется, что «дела подобного рода» противны убеждениям генерала и совершаются без его ведома. Однако же в назначенный час генералу неизменно приходил каприз навестить полковника, и закадычные приятели вместе следовали на полубастион, где старались не упустить из виду ни единой детали. Виновницей того, что бедный генерал сделался лицемером, была его сестра, мисс Бекки Чэттесуорт. Она подчинила себе податливого и безобидного старика не силой денег – секрет ее власти заключался в железной воле и невиданной дерзости.

– Да, прискоробны... чертовски прискоробны... ранение, я полагаю, в корпус?... Вот они снова наклоняются... наклоняются... а?... *Дьявольски* прискоробны, сэр. – Генерал подумал о том, что скажет, а самое главное – что *сделает* мисс Бекки, если О’Флаэрти умрет. – Ха! Снова зашевелились... Паддок садится в карету... и Тул тоже. Рана не слишком серьезная, так ведь? Он в сознании и передвигается сам, вы заметили? – Собравшись с духом, генерал добавил: – Что бы ни говорили, сэр, я считаю: если уж случилась ссора, нужно выпустить пар... выпад-другой... или пистолетный выстрел... Кто это садится вместе с ними?... Патер?... Ей-богу!

– Неловко будет, если О’Флаэрти умрет папистом, – цинично заметил старый Блай, – по уставу в Королевской ирландской артиллерии должны служить протестанты.

– В нашем полку такого произойти не может, сэр, – высокомерно отозвался генерал. – Но я вот о чем говорил: если уж ссора приключится... наконец отъехали... если приключится, говорю я... ого! Ну и галоп, аж земля трясется, разрази меня гром! Добром это не кончится... – И, после паузы: – И... и... насчет того, что вы сказали, знайте: в нашем полку никто *не умрет* папистом... Так не бывает... и никогда не бывало... Это была бы *низость*, сэр, а О’Флаэрти – джентльмен; нет, это *невозможно*. – Генералу вновь вспомнилась мисс Бекки, которая не могла спокойно говорить о Пороховом заговоре, восстании 1642 года и вообще об иезуитах; слегка возбужденный, он продолжил: – Так я о поедин-

ках, сэр, пусть они и вошли в обычай...

— Что бы стало с обществом, если бы их не было, хотел бы я знать, — с ухмылкой прервал его Блай.

— Пусть они и вошли в обычай, сэр, но не можем же мы сидеть и говорить спокойно: *так и должно быть*, в самом деле, *не можем*.

— Ваша сестра, мисс Бекки, сэр, также высказывается по этому поводу с большой решительностью.

— А! Ну разумеется, — заметил Чэттесуорт невинным тоном и слегка закашлялся. Блай, это мрачное пугало, улыбнулся, глядя в подзорную трубу, он знал, чем вернее уязвить старого вояку. — Вот я и говорю... ну да!.. Они разобьются, не иначе... и... и, знаете... похоже, все кончилось... так что, дорогой полковник, мне пора, и...

Еще один долгий взгляд, и генерал спрятал бинокль, оба в задумчивости зашагали обратно. Внезапно генерал проговорил:

— Я все думаю... не может *такого* быть... понимаете, если бы у патера были такие намерения, как вы говорите, Паддок не допустил бы его в карету... Паддок хороший офицер и знает свой долг.

Прошло несколько часов, и, спешиваясь у артиллерийских казарм, генерал Чэттесуорт, к немалому своему удивлению, завидел Паддока и О'Флаэрти, которые медленно прогуливались по улице. О'Флаэрти ступал нетвердо и был явно не в своей тарелке. Генерал ответил на приветствие и недо-

уменно устоялся на фейерверкера: он никак не мог понять, куда же, в какую часть тела пришлось ранение и как доктора умудрились поставить пострадавшего на ноги так быстро.

— А, лейтенант Паддок. — Улыбка генерала показалась Паддоку многозначительной. — Доброго вам вечера, сэр. Доктор Тул где-нибудь поблизости или, может быть, вы встречали Стерка?

— Тула нет, сэр.

В надежде, что хотя бы по случайности у Паддока сорвется с языка что-нибудь интересное, генерал вовлек его в беседу и пригласил следовать за собой.

— Не окажете ли вы мне честь, лейтенант, отобедать сегодня вечером у меня? Придут Стерк, капитан Клафф и тот самый изумительный мистер Дейнджерфилд, о котором мы так много слышали на приеме в офицерской столовой. Пять часов не слишком для вас поздно?

Паддок зарделся, уверил, что нет, и с глубоким поклоном принял приглашение своего командира. Надобно сказать, что чувство, которое влекло его в Белмонт, правильней всего обозначить эпитетом *tendre*¹⁸; в альбоме Паддока имелось немало очаровательных стансов всевозможных размеров и форм, где то и дело встречалось имя Гертруда.

— И... вот что, Паддок... лейтенант О'Флаэрти... мне... мне показалось... а вы как думаете? — На испытующий взгляд генерала ответа не последовало. — Мне показалось,

¹⁸ Нежный (*фр.*).

что вид у него какой-то не такой, — он *не болен*?

— Он *был* болен, и *не на шутку*, еще сегодня днем, генерал: внезапная атака...

Генерал взгляделся в пухлое, полное важности лицо Паддока, но взгляд этот не сказал ему ничего любопытного. «Он *был* все же ранен, так я и знал, — подумал Чэттесуорт, — но кто его лечит, и почему он уже на ногах, рана была серьезная или пустяк, царапина, и где же она, где?» Эти вопросы так и рвались наружу, и последний из них генерал задал-таки вслух, как бы невзначай:

— Говорите — атака? Где же, скажите, Паддок, где?

— В парке, генерал, — не кривя душой ответил Паддок.

— Ах, в парке, вот как? Но я имел в виду часть тела — плечо, к примеру, или...

— Двенадцатиперстная кишка — так объяснил доктор Тул; это вот где, генерал. — И лейтенант ткнул себя под ложечку.

— Да что вы, сэр, — под ложечкой, вы хотите сказать? — В голосе генерала слышались необычные для него нотки ужаса и возмущения.

— Точно так, генерал, боль была просто адская, — ответил Паддок, с недоумением уставясь на помертвевшее лицо своего командира. «Бывает, и у офицеров прихватывает живот, есть из чего делать трагедию, — подумал он. — А что, если генерал прослышал об отравлении и к тому же, быть может, разбирается в этом лучше докторов?»

— Так какого же черта, сэр, этот полоумный расхаживает

как ни в чем не бывало по городу с дыркой в этой самой... как, бишь, вы ее назвали? Будь я проклят, если сию же минуту не посажу его под арест, – загремел генерал, и выпученные глазки его забегали из стороны в сторону в поисках легкомысленного фейерверкера. – Где старший адъютант, сэр? – Побагровевший генерал сердито топнул ногой на ни в чем не повинного караульного. – Если иначе его не заставишь лежать в постели, пока не поправится...

Паддок пустился в объяснения, и раскаты грозы стихли, но не сразу, а постепенно. Не единожды еще генерал уверял раздраженно, что явственно слышал из уст Паддока слово «ранен», проклинал свою докучливую должность, фыркал и разражался неудержимыми приступами кашля. Как бы то ни было, тайное стало явным, и генералу пришлось, смущенно, но с достоинством, пуститься в объяснения: он, дескать, слышал краем уха, что О'Флаэрти самым нелепым образом ввязался в дурацкую ссору и этим утром имел встречу с Наттером, почему у генерала на минуту и возникло опасение, что фейерверкер ранен; осталось справиться о Наттере, и выяснилось, что целы оба; на поле боя они побывали – схватки не было – не было и примирения. Поставленный в тупик этой головоломкой, Чэттесуорт сгорал от любопытства; простившись с Паддоком на мосту, он едва не окликнул собеседника снова, чтобы вытянуть из него всю историю целиком.

А Паддок, в чьем мозгу роились сладостные видения, беспрепятственно поспешил к себе домой – снаряжаться для

пира богов, назначенного на пять: пудриться, душиться и прочее. Паддок свернул за угол «Феникса» на Дублинскую дорогу, и кто же выплыл ему навстречу из Королевского Дома в сопровождении высокого пудренного лакея, который нес жезл и большой букет? Не кто иной, как великолепная и устрашающая тетя Бекки; она вместе с племянницей только что нанесла визит старой полковнице Страффорд и знала теперь все о недавней дуэли. При виде мисс Гертруды пухлые щеки Паддока порозовели, а тетя Бекки, которая зорким взглядом различила ни о чем не подозревающего лейтенанта еще издалека, ярко зарделась. Высоко вздернутый подбородок, закушенный уголок рта, лихорадочные пятна румянца – все говорило о близкой грозе. Предвестием беды служили также свирепые взмахи веера и отрывистое «хм!», два-три раза исторгшееся из уст Ребекки, – в нетерпеливом желании скорее начать атаку она ускорила шаги, оставив племянницу далеко позади. Лучшие эпические поэты любят без околичностей посвящать слушателей *in medias res*¹⁹, пламенные души вроде тети Бекки им в этом подобны. Однажды Наттер, после того как раз или два в свой черед испытал на себе «нрав Ребекки Чэттесуорт», заметил своей жене: «Клянусь Юпитером, эту женщину за ее язык надо бы посадить в кузку». Мисс Ребекка, и на сей раз не изменяя себе, прежде чем успела приблизиться, резко произнесла:

– Вас следует выпороть, сэр; да-да, – кивнула она, встре-

¹⁹ В ход событий (*лат.*).

тив изумленный взгляд Паддока, – привязать к алебардам и выпороть.

За тетей Ребеккой семенило не менее полудюжины собачонок, и эти проницательные твари, мгновенно уловив, что Паддок впал в немилость, с яростным таяканьем стали осаждать ноги лейтенанта.

У Паддока вспыхнули уши, и он с глубоким поклоном отозвался:

– Мадам, офицера, который произведен в чин приказом короля, пороть нельзя.

– Тем хуже для армии, сэр. Подобные необоснованные привилегии нужно отменить немедленно. Я бы начала с вас, сэр, и с вашего сообщника по убийству, лейтенанта О’Флаэрти.

– Мадам, ваш покорнейший слуга, – проговорил Паддок с еще более церемонным поклоном и ярко вспыхнул до самых корней густо напудренных волос, чувствуя потрясенным сердцем, что ни одному из генералов лучших армий Европы он не позволил бы говорить с собой подобным образом.

– Доброго вечера, сэр, – добавила тетя Бекки, после того как главное было сказано, и энергично тряхнула головой; затем она презрительно отвратила лицо и величаво возобновила свой путь. Забытая ею племянница на ходу проговорила несколько любезных слов и приветливо улыбнулась Паддоку, словно и не была свидетельницей его унижения. Это утешило беднягу совершенно, он поспешил домой, к своим ду-

хам и примочкам, исполненный радужных надежд; для полного счастья ему не доставало лишь малой толики душевного спокойствия.

В самом деле, человека, хорошо знавшего мягкосердечие этой мегеры, тети Бекки, ее недавняя яростная атака не могла надолго выбить из колеи. Около года назад, когда маленького Паддока свалил жестокий и упорный плеврит, тетя Ребекка отнеслась к страдальцу как к родному: стараясь взбодрить его угасший аппетит, каких только она не посылала ему желе, супов на крепком бульоне, изысканных легких вин; затем пришел черед книг, и лейтенант, будучи человеком чести, прочел их от корки до корки. В данном же случае негодование тети Бекки было легко объяснимо: именно о дуэлях она особенно часто беседовала с Паддоком и успела, как ей казалось, склонить лейтенанта к своей точке зрения, так что в последний месяц, разговаривая с генералом, она то и дело ссылалась на Паддока. И вот это публичное отступничество – обидное, как пощечина.

Между тем Паддок, приятно взволнованный, облачился в халат и подсел к зеркалу. Парикмахер Мур, вооружившись щипцами, пудрой и помадой, начал восполнять ущерб, какой претерпела за день внешность клиента, а Паддок, в сладостном предвкушении увлекательного вечера, не без удовольствия изучал в зеркальном стекле свое собственное пухлое лицо.

Глава XVIII

Как джентльмены сидели за кларетом, а доктор Стерк наблюдал

Паддок проехал меж рядами старых, похожих на ольдерменов тополей, через мостик и углубился в сплошной сводчатый коридор из вязов и вечнозеленых кустов, который привел его во двор Белмонта. Старый белый дом представлял собой длинную сторону прямоугольника, с боков виднелись службы – их ухоженные белые стены густо заросли плющом, с противоположной стороны при каждом служебном здании имелся собственный дворик, парадный двор замыкал ров наподобие голландского, вдоль рва – от сада до моста – тянулась каменная балюстрада, ее рисунок оживляли расположенные на одинаковых расстояниях большие каменные цветочные вазы – росшие там цветочные кустики напоминали Паддоку о прекрасной Гертруде Чэттесуорт, а следовательно, отличались особой яркостью и ароматом. По воде скользила пара лебедей, во дворе кичливо расхаживали несколько павлинов, а на ступенях крыльца дремал под закатным солнышком старый ирландский пес в большом ошейнике с кельтской надписью.

Обеды в Белмонте бывали неизменно приятны. Старый генерал Чэттесуорт встречал гостей с открытой душой, искренне радовался каждому и веселился как ребенок. Мудрец или, к примеру, книжник не считал бы его особенно занимательным собеседником. Истории, которые рассказывал генерал, многие уже слышали, а то и (как я подозреваю) читали. Однако генерал никогда не злоупотреблял терпением слушателей и имел в запасе для каждого доброе слово и сердечную улыбку. Чэттесуорт держал искусную кухарку и делился с соседями по столу секретами приготовленных ею блюд; имел обыкновение временами самолично спускаться в погреб, чтобы порадовать гостей бутылочкой чего-нибудь особенного; о содержимом едва ли не каждой имевшейся там корзины он знал кое-что любопытное. То и дело звучал его непринужденный смех, в присутствии генерала комната преображалась и гости ощущали особый уют, словно в камине ярко, весело, с треском горело рождественское пламя.

Мисс Бекки Чэттесуорт, в царственном наряде из парчи с изобилием кружев, приняла Паддока с подчеркнутым высокомерием и едва коснулась его руки кончиками пальцев. Стало ясно, что в фаворитах ему в ближайшее время не ходить. В гостиной лейтенант обнаружил вчерашнего прекрасного незнакомца – большеглазого мистера Мервина; тот был облачен в элегантный красно-коричневый бархатный костюм и держался весьма непринужденно; откинувшись на высокую спинку стула, он вел беседу – приятную, судя по

всему, – с мисс Гертрудой. Паддока встретил рукопожатием и изысканным приветствием щегольски одетый, но далеко не такой юный, каким хотел казаться, капитан Клафф. Его лицо хранило следы изрядных гримерских стараний, а середина объемистого туловища (капитан именовал ее талией) была так туго затянута, что, несмотря на улыбку и самодовольство, Клафф выглядел полузадушенным. Стерк, прислонившийся к стене у окна, коротко кивнул Паддоку и вполголоса спросил, как дела у О’Флаэрти. Разумеется, о дуэли он был наслышан, однако сослуживцы знали, что в деле чести офицерам Королевской ирландской артиллерии на профессиональные услуги доктора Стерка рассчитывать не приходится и они вольны, соответственно, обращаться к любому другому представителю медицинской профессии.

Выслушав Паддока, Стерк ухмыльнулся и заключил разговор словами:

– Вот что, старина, на этот раз вы дешево отделались – вы и ваш *пациент*, но на счастливый случай второй раз полагаться не приходится, так что послушайтесь моего совета: вырвите-ка тот листочек из своей... из кулинарной книги вашей бабушки и разожгите им трубку.

Не скажу, что уничижительный тон, каким был помянут его альбом, а затем и семейство, не задел Паддока, – маленький лейтенант никогда не позволял себе ничего подобного по отношению к другим и, соответственно, рассчитывал на их ответное уважение, – однако, зная давно, что Стерк – су-

щая скотина и иначе вести себя не может, Паддок предпочел отдать величественный поклон и перейти в другой угол комнаты, дабы засвидетельствовать свое почтение маленькой миссис Стерк, особе робкой, незлобивой и склонной к нытью. С ней вел оживленную беседу какой-то пожилой бледный джентльмен с высоким лбом и насупленным взглядом. Едва заметив незнакомца, Паддок почуял в нем что-то необычное. При детальном осмотре, однако, ничего примечательного в госте не обнаружилось. Он был одет настолько просто, насколько допускала тогдашняя мода, но все же в его туалете замечалась непринужденность и даже светскость. Парика незнакомец не носил; немного пудры виднелось на волосах и на воротнике кафтана, но голова его и без того сияла совершенной белизной; с боков волосы были подвиты, а сзади собраны в узелок. Когда Паддок приблизился к даме, незнакомец встал и поклонился, и лейтенанту представился случай поближе рассмотреть его большой белый лоб – единственную черту лица, которой гость мог гордиться, – серебряные очки, блестящие ниже, мелкий крючковатый нос и суровый рот.

– Лицо заурядное, – заметил генерал позже, когда гости разошлись.

– С таким лбом, – решительно возразила мисс Бекки, – лицо *не может* быть заурядным.

Если бы генерал с сестрой захотели проанализировать свои впечатления, они пришли бы к выводу, что черты лица

их гостей, взятые в отдельности, за исключением этой единственной, ничего примечательного в себе не содержали, но все же странная бледность, отпечаток умственного превосходства, сарказма и решительности делали его внешность необычной.

Генерал, исправляя свою оплошность (церемонии знакомства придавалось в те дни немалое значение), выступил вперед, дабы представить гостей друг другу:

– Мистер Дейнджерфилд, разрешите представить вам моего доброго друга и сослуживца, лейтенанта Паддока. Лейтенант Паддок – мистер Дейнджерфилд, мистер Дейнджерфилд – лейтенант Паддок.

И за поклоном следовал поклон, за «покорнейшим» – «всепокорнейший», и каждый был польщен сверх меры. Но вот светский церемониал наконец завершился, и разговор вновь потек своим чередом.

Паддок узнал только, что речь шла о жителях Чейплизода: миссис Стерк рассказывала понемногу о каждом, а мистер Дейнджерфилд – надо отдать ему должное – выслушивал ее со вниманием. Собственно говоря, эту тему миссис Стерк избрала не сама – поток ее красноречия все время искусно направлял собеседник. Не такой человек был мистер Дейнджерфилд, чтобы пускаться на маневр без рекогносцировки, его острый ум никогда не дремал, а брал на заметку все, что могло пригодиться.

И миссис Стерк, к полному своему и собеседника удовле-

творению, продолжала неумолчный щебет; так она поступала всегда, если поблизости не было ее супруга и повелителя. Речи миссис Стерк не содержали в себе ни крупицы злобы, однако же бывали переполнены жалобами, благо те или иные поводы для них неизменно находились. Это был неистощимый фонтан безобидных городских сплетен – ни одной скандальной. Будучи незлобивым и, можно сказать, милым маленьким существом, разве что чересчур склонным к меланхолии, миссис Стерк без памяти любила детей, в особенности своих собственных, что обернулось бы для нее бедой, когда бы не умение Стерка внушить трепет всему семейству, а не одной лишь жене; в глазах последней он являлся умнейшим и самым грозным из смертных; если бы кто-нибудь сказал миссис Стерк, что мир не разделяет ее мнения, она была бы крайне удивлена. Что до всего остального, то к своему гардеробу – вполне приличному – миссис Стерк относилась с крайней бережливостью, и служил он ей долгие годы: постельное белье было неизменно хорошо проветрено; горничные то и дело позволяли себе дерзости, а сама миссис Стерк нередко бывала в слезах, однако это не мешало ей содержать кружевное белье мистера Стерка в безупречном порядке. Миссис Стерк учила детей катехизису, от души любила доктора Уолсингема, а малиновое варенье заготавливала в таких количествах, что из всех чейплизодских дам соперничать с нею в этом отношении могла одна лишь миссис Наттер. Эти во многом схожие натуры разделяла, однако,

вражда – впрочем, слово «вражда» предполагает ожесточенность, ни той ни другой даме не свойственную. Каждая видела в супруге своей соперницы дерзкого злоумышленника; не вполне понимая, что именно он злоумышляет, она знала одно: происки эти направлены против ее собственного, не знающего себе равных повелителя. Стоило дамам завидеть друг друга, как они мысленно выражали надежду, что небеса защитят праведного и обратят сердца его гонителей или, на худой конец, разрушат их козни. Едва миссис Стерк (а равно и миссис Наттер) замечала свою соперницу по ту сторону улицы, как в ней пробуждался мрачный дар второго зрения и в его свете та представляла окутанной в грозовую тучу, а вместо трепещущего веера в руках ее оказывался пучок бледных молний.

Когда гости спустились к обеденному столу, галантный капитан Клафф ухитрился устроиться по соседству с тетей Бекки и прибег затем к помощи разнообразных знаков внимания и прочих хитрых приемов, дабы расположить ее к себе, – к примеру, усадил на краешек своего стула, рядом с мисс Ребеккой, ее противного и прожорливого маленького любимца Фэнси. Подобно всем давним жителям Чейплизода, капитан прекрасно знал маленькие слабости своей собеседницы, и потому ему не составило труда повести разговор об интересных ей предметах и в нужном ключе. Результат не замедлил сказаться: еще долго после того вечера тетя Бекки к случайным упоминаниям капитана Клаффа неизменно

присовокупляла: «Весьма достойный молодой (!) человек и занимательный собеседник».

Многим из гостей показалось, что обед промелькнул как один восхитительный миг. По обе стороны от Гертруды Чэттесуорт разместились влюбленный Паддок и загадочный большеглазый Мервин. Для пылкого воздыхателя обеденное время летело на розовых крыльях. Маленький Паддок был в ударе, без устали сыпал театральными и прочими занятыми байками, чего не могла не оценить соседка, улыбавшаяся ему чаще обычного; и пусть особа куда более могущественная мерила его далеко не столь приветливыми взглядами, у лейтенанта все же голова шла кругом от успеха и он был счастлив, как принц, и горд, как павлин.

Трудно иной раз бывает отгадать, о чем думают молодые леди, что им по вкусу, а что нет, но Клафф, сидевший у противоположного конца стола, наблюдал старания Паддока и признавал его человеком на редкость приятным (Клафф, подобно многим, кто далек от *literae humaniores*²⁰, питал почтение к «книжной учености», а обрывки знаний о театре, которыми был напичкан Паддок, Клафф относил именно к этой категории и, соответственно, смотрел на своего сослуживца как на сущий кладезь премудрости, а стихами его восхищался безмерно, мало что в них при этом понимая). Так вот, Клаффу почудилось, что при всех светских талантах, в изобилии продемонстрированных сегодня Паддоком, мисс

²⁰ Литературной образованности (*лат.*).

Гертруда ничуть не была бы разочарована, если бы кто-нибудь облачил в униформу и усадил на место Паддока деревянный манекен, на который Гертруда набрасывала драпировки, когда рисовала, — имеющий глаза, но не видящий, имеющий уши, но не слышащий.

Короче говоря, догадливый капитан по многим мелким признакам заключил, что мисс Гертруда отдает предпочтение своему новому знакомцу — красивому и, вероятно, не лишнему красноречия, невзирая на сведавшую его печаль. Догадки, однако, не всегда совпадают с истиной. Впрочем, Клафф ли заблуждался или сам Паддок, это не мешало маленькому лейтенанту пребывать в те минуты на седьмом небе от счастья.

Когда наконец дамы удалились в гостиную, где их ждал чай, Паддок умолк и погрузился в приятные размышления; однако, будучи великодушным и уверенным в своем превосходстве соперником, он постарался вовлечь Мервина в разговор и нашел его сведущим во многих вещах, самому лейтенанту знакомых недостаточно; в особенности это относилось к театру и драматургии континента — Паддок слушал о них с жадностью. Тем временем генерал не давал компании скучать: за оживленной беседой он раскупорил бутылочку белого испанского вина, из которого в свое время был приготовлен свадебный поссет для его отца! Дейнджерфилд, несмотря на не совсем приятный голос, также сумел увлечь слушателей: он поведал две-три любопытные истории о ста-

рых винах и их ценителях. Затем Клафф и Паддок по просьбе генерала порадовали гостей своим искусством, – не будучи обладателями изрядных голосов, они нередко пели дуэтом, и вместе у них получалось неплохо. А когда Дейнджерфилд упомянул, что ему довелось попробовать китовое мясо, неисправимый Паддок, по своему обыкновению, поделился замечательным рецептом – блюдо называлось «ошарашенный ткач». «Ткач» оказался рыбой, а «ошарашить» значило вынуть его из льда и погрузить прямо в кипяток; от дальнейших подробностей рецепта старый генерал так смеялся, что щеки его оросились слезами. А Мервин и Дейнджерфилд, ошарашенные не меньше «ткача», не без любопытства разглядывали молодого воина, обладателя столь замечательных познаний.

Кларет, как и все прочие вина из генеральского погреба, способен был удовлетворить самый взыскательный вкус, о чем Дейнджерфилд убежденно и заявил в краткой похвальной речи, а затем, к восторгу хозяина, безошибочно угадал год розлива. Таким образом, генерал убедился, что мнение лорда Каслмэлларда, называвшего Дейнджерфилда человеком удивительным, недалеко от истины.

Один лишь доктор Стерк потягивал кларет в молчании, нередко бросая на сидевшего напротив Дейнджерфилда задумчивые взгляды; когда к нему обращались, он словно пробуждался от сна и вскоре замолкал вновь. Это было странно – ведь Стерк намеревался дать Дейнджерфилду несколь-

ко советов касательно имений лорда Каслмэлларда и попутно намекнуть, что Наттер ведет дела никуда не годно.

Перед обедом, когда доктор Стерк явился в гостиную, Дейнджерфилд рылся в своем портфеле перед окном, и вечернее солнце било подошедшему Стерку прямо в глаза, отчего во время знакомства он с трудом различал своего визави; затем ему пришлось удалиться в другой конец комнаты, чтобы засвидетельствовать свое почтение дамам, собравшимся возле оконной ниши.

За обеденным столом, однако, Стерк помещался прямо напротив Дейнджерфилда, и ничто уже не мешало разглядеть его лицо во всех подробностях, благо оно рельефно выделялось на фоне темной стенной обивки из тисненой кожи и походило на тщательно выписанный портрет. Зрелище это произвело на Стерка странное и неприятное впечатление, и доктор тут же и надолго погрузился в бесплодные раздумья о новом знакомом.

Самого же Дейнджерфилда, казалось, Стерк не занимал нисколько. Мрачноватый, бледный, он ел энергично, беседу вел немногословно, но дружелюбно. Стерк дал бы ему сорок восемь, а может быть, пятьдесят шесть или пятьдесят семь, — это был человек без возраста. Стерк перебрал в уме все свои впечатления: невыразительные черты лица, высокий лоб, суровая наружность, манера умолкать и заговаривать внезапно, очки, резкий голос, еще более резкий, пожалуй даже зловещий, смех, который сопровождал чаще всего шутки и ис-

тории, имевшие оттенок сарказма, дьявольской насмешки. Этот образ, показалось Стерку, походил в общих чертах на какой-то другой, всплывший в памяти, — хотя нет, все же не всплывший. Стерку не удавалось его ухватить, доктор чувствовал лишь — и ощущение это было ему неприятно, — что видел этого человека раньше, только вот где? «Не иначе как он мне когда-то здорово напакостил, — мучительно размышлял Стерк, — глядеть на него — мне как нож острый. Что, если он замещал шерифа в Честере, когда на меня принес жалобу этот чертов еврей-портной? Дейнджерфилд... Дейнджерфилд... Дейнджерфилд... Нет. Потасовка в Тонтоне? Или таможенный офицер в тысяча семьсот пятьдесят первом году? Нет, тот был выше — того я помню, это *не он*. А дуэль Дика Ласкома?» И Стерк полночи пролежал без сна, теряясь в догадках. Его мучило не только неудовлетворенное любопытство — всякий раз, когда его память заклинала это непроницаемое, белое, глядящее с глумливой усмешкой лицо, доктор содрогался от предчувствия неведомой опасности.

Глава XIX

Джентльмены присоединяются к дамам

Вдоволь ублажив себя кларетом, джентльмены весело перепорхнули в гостиную. Здесь Паддок принялся было вновь обхаживать мисс Гертруду, причем на сей раз намеревался направить разговор в более сентиментальное русло, но тут испытал внезапное потрясение: он услышал, как генерал, обращаясь прежде всего к своей дочери, пересказывает рецепт «ошарашивания ткача» – самым легкомысленным тоном и с шутливыми добавлениями от себя. Паддок смутился, вспыхнул и не решился возвысить голос протеста. Из присутствующих одна лишь тетя Ребекка демонстративно сохранила серьезность: слегка дернув плечами и вскинув ресницы, она изрекла: «Какое изуверство». Паддок трясущимися руками полез в карман за платком.

– Сам я этого никогда не делал... собственно, даже и не видел, как это делается, – вспыхнув до корней волос, торопливо залепетал Паддок (в дни, когда умами властвовал Ховард и прекрасный пол поголовно ударился в филантропию, прослыть жестокосердным никому не улыбалось). – Этот рецепт... я просто, знаете, набрел на него... вычитал как-то... в какой-то книге... и я...

Тетя Бекки, всем видом выражавшая благородное негодование, с брезгливым «довольно, довольно» покинула общество лейтенанта. Вдоволь позабавившись этой сценой, как и всеми предыдущими наскоками на ни в чем не повинного Паддока, генерал предпочел в дальнейшем взять огонь на себя.

Зная, что к неуместному шутовству, даже вполне невинному, мисс Ребекка всегда относилась непримиримо, генерал тем не менее весь остаток вечера возвращался к любимейшей теме то легким намеком, то озорным каламбуром. К примеру, за ужином, когда тетя Ребекка сокрушалась по поводу упадка шелкоткачества и плачевного положения ремесленников-протестантов, генерал торжественно кивнул Паддоку и (к ужасу последнего) произнес:

– Знаете, Паддок, указом, таким, что издал Английский банк в прошлом году, можно и ошарашить бедняг-ткачей.

Услышав это, тетя Ребекка лишь вздернула брови, еле заметно тряхнула головой и сурово поглядела на блюдо с холодной дичью в другом конце стола. Однако ее враждебность по отношению к Паддоку с течением времени все усиливалась – быть может, в ответ на бунт мисс Гертруды, которая сочла нужным обращаться со злосчастливым изгоем подчеркнуто любезно. Несмотря ни на что, Паддок не расположен был унывать. Напротив, он был счастлив и не досадовал на второго собеседника мисс Гертруды, Мервина, даже когда тот попросил у своей соседки по столу позволения прислать

ей портфель с зарисовками, которые он сделал в Венеции, и это предложение было с благосклонной улыбкой принято. Во время ужина по просьбе генерала лейтенант с большим успехом спел соло, а позже, когда гости собрались вокруг камина, симитировал игру Барри в «Отелло», что заставило мисс Бекки вновь переместиться в дальний конец комнаты, поскольку она дарила свои симпатии (причем с большой горячностью) отнюдь не Барри, Вудворду и театру Кроу-Стрит, а, напротив, – театру Смок-Элли и Моссопу. Все дублинские дамы, а также все прочие приверженцы театра по всей стране, разделились в то время на два яростно враждовавших лагеря.

– Те, кто учредил Кроу-Стрит, – заявила тетя Ребекка, – имели целью погубить старый театр, руководствуясь алчностью или охотой до чужого добра, как вы говорите, – (Паддок по этому поводу не произнес ни звука), – но алчность, принято считать, есть не что иное, как *идолопоклонство*. И нечего на меня тарашиться. – (Паддок и вправду тарашился.) – Я полагаю, вам случалось *хоть раз в жизни* взять в руки Библию, сэр. Так вот, любой разумный человек в королевстве, будь то мужчина, женщина или ребенок, скажет вам, что это есть зложелательство, а зложелательство, как говорит Священное Писание, равносильно *убийству*. Впрочем, припоминаю, что лейтенанта Паддока этим, скорее всего, не остановишь.

Пока мисс Бекки не умолкла, щеки Паддока заливала

краска, а кругленькие глазки округлялись все более; он не находил возражений, поскольку раньше ему ни разу не приходило в голову применить к заведению господ Барри и Вудворда такие понятия, как «идолопоклонство» и «убийство». Пораженный немотой, он смог лишь воспользоваться советом, который давал людям в его положении лорд Честерфилд, да и то частично: забыв изобразить улыбку, он отвесил очень глубокий поклон. Вслед за указанным жестом смирения враждебной стороне оставалось лишь также сложить оружие – *si rixa est*²¹.

Дейнджерфилд тем временем успел откланяться, за ним Мервин, потом Стерк с супругой, под конец пришел черед Клаффа и Паддока, которые медлили с уходом, сколько позволяли приличия. Две-три небольшие коллизии не испортили маленькому лейтенанту настроения, он был счастлив и влюблен как никогда. На обратном пути оба сослуживца предпочли разговору приятные размышления.

В голове Клаффа зрели планы, касавшиеся двадцатитысячного состояния мисс Ребекки, к которому добавлялись еще и сбережения. Клаффу было известно, что в юности сестра генерала отвергла ряд блестящих предложений, но что было, то прошло, с сединой приходит мудрость, – чем старше невеста, тем она покладистей, – а мисс Бекки из тех женщин, что способны зажечься, и ради своего каприза пойдет если не на все, то на многое. Клафф знал также, что со-

²¹ Если сражение окончено (*лат.*).

перников у него нет, а сам он строен, недурен собой, приятен в обращении, достаточно молод, чтобы внушить женщины соответствующие чувства, но и не слишком юн для брачного союза с особой в возрасте мисс Бекки. Разумеется, на такое дело нельзя было решаться очертя голову. Мисс Бекки... чего греха таить, с чужинкой. Раздражительность, эксцентричные вкусы... возраст, своенравие... вот и все, пожалуй. Но с другой стороны – такая непоколебимая и приятная реальность, как солидная денежная сумма; помимо того, при желании мисс Бекки умеет блеснуть благородными манерами и принять вид настоящей леди, которая не идет, а плывет, невозмутима, обходительна, умеет обращаться с веером, вести беседу, принимать гостей, словом, – мечталось Клаффу – в качестве миссис Клафф своими *haut ton*²² поразит сослуживцев супруга в самое сердце.

Оба воина рука об руку вступили на залитый лунным светом мост и, не сговариваясь, свернули к зубчатому ограждению. Паддок, устремив взгляд выше по реке, где лежал Белмонт, потихоньку нежно вздохнул. Клаффа занимали все те же мысли, и чем дальше, тем больше они ему нравились.

Оба мечтателя стояли, обратясь к Белмонту, слушали приглушенный рокот реки и не видели ничего, кроме темной синевы, звезд и черных контуров нависших над мостом деревьев. Потом потянуло холодом, и влюбленный Клафф, который ценил уют и был знаком с подагрой, внезапно вспом-

²² Благородными манерами (*фр.*).

нил, что ему следует пребывать не здесь, а в постели. Он встряхнул Паддока, и они зашагали вперед, к «Фениксу», где на прощанье обменялись сердечным рукопожатием, словно партнеры, поздравляющие друг друга с удачной сделкой.

Глава XX

Мистер Дейнджерфилд посещает чейплизодскую церковь, а Зикиел Айронз идет на рыбалку

На следующий день рано утром лорд Каслмэллард, Дейнджерфилд и Наттер, совершив обход той части владений его светлости, что лежала к западу от города, в облаке пыли въехали в Чейплизод. Они успели уже досконально осмотреть новые мельницы, каменоломни и печи для обжига извести, обсудить с Дойлом его хозяйство, пройтись по двум пустовавшим фермам и уж не знаю где еще. Его светлость поспешил в город к завтраку. Дейнджерфилд, увидев открытую дверь церкви, спешил и зашел внутрь, Наттер последовал его примеру.

Боб Мартин находился наверху, на хорах, и был занят, надо полагать, каким-то полезным делом; меж рядами стульев раздавался медленный скрип его туфель и временами громкий стук. Зикиел Айронз, клерк, тощий, тонкогубый, с отливающими синевой щеками, хлопотал внизу, в дальнем конце, у главного престола; с видом чинным, но недобрым он то склонялся над молитвенником, то бесшумно скользил вокруг. Скамья лорда Каслмэлларда располагалась поблизо-

сти, туда и направился Дейнджерфилд вслед за Наттером. Скоро, подумал мистер Дейнджерфилд, под скамьей придется перестелить пол, а герб Каслмэллардов на стене над главным сиденьем чересчур обшарпан, чтобы им тщеславиться, – немного свежей краски и позолоты ему не помешает.

– На восточный край скамьи – один фут девять дюймов – заявляло права семейство... семейство из Инчикора – так, кажется, их называли, – сказал Дейнджерфилд, для наглядности кладя поперек крышки свой хлыст. – Это... это нежелательно: скамья будет испорчена.

– Все уже улажено: мистер Лангли переместится в противоположную сторону придела, – отозвался Наттер, кивая подошедшему Айронзу. Тот с полупоклоном оперся длинными, цвета глины пальцами на дверцу скамьи, худосочную ногу поставил на первую ступеньку и в такой позе, с прикрытыми глазами, ждал, пока к нему обратятся.

– Семейство Лангли сидело *здесь*, – сказал Дейнджерфилд, кивком указывая на соседнюю скамью.

– Да, сэр, – отозвался Айронз, не поднимая ни глаз, ни головы, с застывшим подобием улыбки.

– И чья же теперь эта скамья?

– Его преподобия доктора Уолсингема.

Выяснилось, что, поскольку между прихожанами назревала настоящая битва за территорию, священник, когда продал Лососевый Водопад, уступил старому хрычу Лангли приписанную к этому дому большую и ровную скамью по ту сто-

рону прохода и получил взамен маленькую покосившуюся скамейку, где ранее восседали обитатели Инчикора, и таким образом в церкви воцарилась если не благодать, то, во всяком случае, мир.

– Вот как? Ну-ка, посмотрим.

Даже с тем, что имело к нему лишь самое отдаленное касательство, Дейнджерфилд предпочитал знакомиться самолично. Он пересек проход, за ним по пятам последовал Айронз.

– Как раз под тем местом, где вы стоите, – тихим мрачным голосом произнес Айронз, когда Дейнджерфилд остановился, – мы похоронили в ночь на вторник лорда... – Имя прозвучало неразборчиво.

При этих словах Дейнджерфилда от крепко стоящих подошв до самого мозга пронизал как бы слабый электрический ток, заструившийся из пола, – словно бы кто-то хотел сказать: «Я здесь».

– В самом деле? – сухо отозвался Дейнджерфилд, слегка кивнул, поднял брови и отступил чуть в сторону.

– Скверная была история.

Дейнджерфилд, не вынимая рук из карманов панталон, поднял голову и стал читать табличку на стене; при этом он чуть слышно насвистывал – не помешало бы вести себя более благопристойно, но с джентльмена другой спрос. Клерк оставался позади него в той же скромной позе и с той же улыбкой, которая, если присмотреться, оказывалась вовсе не

улыбкой, а, похоже, отблеском света. Что за этим стояло – терпение или скрытая насмешка, – сказать трудно, но в его неподвижности чудилось что-то вызывающее.

– И кое-кому, я полагаю, пришлось скрепя сердце исполнять здесь свой долг, – не закончив мелодии, внезапно проговорил Дейнджерфилд и строго уставился на мистера Айронза.

Клерк еще ниже склонил голову, глаза его почти совсем закрылись, был замечен лишь слабый проблеск меж ресниц.

– А церковь недурна... и городок тоже... и кое-кто из достойных людей живет по соседству, – оживился Дейнджерфилд. – А в реке, если не ошибаюсь, водится форель? Течение как будто быстрое.

– Крупной нет – так, серая форелька, сэр. Кроме меня, ее никто и не ловит.

– Вы ведь здешний клерк?

– К вашим услугам, сэр.

– Из Дублина?.. Или...

– Родился и вырос в Дублине, ваша честь.

– Ага, хорошо! Айронз... вы слышали, верно, о мистере Дейнджерфилде – управляющем лорда Каслмэлларда. Так вот, мистер Дейнджерфилд – это я. Доброго вам утра, Айронз. – И Дейнджерфилд сунул в ладонь клерку полкроны.

Обойдя церковь еще раз, Дейнджерфилд вышел на улицу вместе с Наттером. Вскоре они расстались. Наттер вскочил на свою низкорослую лошадку и поскакал к Мельницам. А

Дейнджерфилд ненадолго заглянул в лавку Клири, застал ее владельца восседающим среди мешков с мукой и кусков бекона и, как обычно, жестко и отрывисто задал ему менее чем за пять минут около полусотни вопросов: и «тот дом с прохудившейся крышей и навозной кучей за углом раньше принадлежал лорду Каслмэлларду?», и «а где та пивная, которую называют „Дом Лосося“? Дела там идут неплохо?», и, наконец, «мне сказали, что в реке водится форель. С кем можно сходить на рыбалку, кто знает места? Ах, клерк! А сам он какого поля ягода? О, честный и достойный человек? Прекрасно, сэр. А теперь, мистер... а теперь, сэр, быть может, вы не откажете мне в услуге: распорядитесь, чтобы кто-нибудь из ваших людей сбегал к мистеру Айронзу домой, кланялся от мистера Дейнджерфилда, управляющего лорда Каслмэлларда, который остановился в Медном Замке, и спросил, не будет ли мистер Айронз так любезен в десять часов, с удочкой и прочей снастью, отправиться с мистером Дейнджерфилдом на небольшую рыбалку?».

Весельчак Фил Клири в присутствии посетителя, можно сказать, робел как школьник. Все в мистере Дейнджерфилде внушало трепет: и седые волосы, и репутация кудесника в денежных делах, и волевые, решительные манеры, и внезапные циничные смешки. Поэтому стоило Дейнджерфилду высказать какое-нибудь пожелание с оттенком настоятельности, как все вокруг спешили его исполнить. Вот и Айронз, разумеется, явился в назначенный час с удочкой, и оба ры-

болова, подобные Пискатору и «его верному ученику» у Айзека Уолтона, которых их мирное занятие сковало тесными узами братства, бок о бок побрели к реке.

С огорчением должен сказать, что жена у клерка была самая настоящая мегера, визгливая и несдержанная на язык. «Мошенник», «старый скупердяй», «старый подлюга» – это еще не самые худшие клички из тех, которыми она награждала своего супруга. Любезная миссис Айронз была стара, толста, уродлива и сама на свой счет не обольщалась, а потому тем сильнее ревновала мужа. Благодаря долгому опыту мистер Айронз нашел наилучшую тактику защиты: он либо немел как рыба, либо говорил коротко и загадками; иногда он отделялся пословицей, иногда библейским изречением, а будучи доведен до крайности, тоном самым смиренным изрекал что-нибудь ехидное.

Айронз любил свою удочку и извилистые берега Лиффи, где он, мрачный и одинокий, наполнял рыбой свою корзинку. Его спутница жизни, не зная в точности, чем занят ее супруг, не нуждалась в доказательствах, чтобы объявить: чем-нибудь непотребным. В таких случаях она обращалась за поддержкой к своему жильцу, капитану Деврё; подобно буре, она врвалась в его комнату, и молодой шалопай, готовясь получить удовольствие, откладывал в сторону роман, оставлял стакан с разбавленным водой хересом (боюсь, иной раз от этого сосуда явственно пахло бренди). Если бы речи миссис Айронз послушал человек, никогда не видевший

ее прилизанного угрюмого супруга, он решил бы, что в Дублинском графстве не найдется юноши красивей мистера Айронза и все хорошенькие девушки Чейплизода и окрестностей вздыхают о нем и напропалую строят ему глазки. Деврё питал слабость к сатире, даже к фарсу, и потому забывал обо всем, смакуя сетования этой неряшливой старой толстухи.

– Капитан, золотко, что мне делать? – Миссис Айронз влетела в комнату с пылающим лицом, жестикулируя правой рукой, а в левой сжимая краешек передника, которым только что утирала распухшие глаза. – Снова он утащился к Айленд-Бридж, бесстыдный мошенник. Ясное дело – всё из-за той грязной девки. Пусть не думает, что меня так легко обдурить, уж я умею все разложить по полочкам. А до тебя, Мэг Партлет, потаскушка ты эдакая, я еще доберусь...

За истерическими выкриками последовали новые потоки слез, и миссис Айронз принялась размахивать толстым красным кулаком перед представившимся ее воображению хорошеньким носиком Мэг.

– Нет-нет, мадам, – отозвался насмешник, – умоляю вас, не проливайте слезы; вспомните, вы ведь читали: подобное случалось ранее в Риме, в Саламанке, в Баллипорине, в Венеции и в полусотне других знаменитых городов.

Во время подобных разговоров Деврё всегда казалось, что они с квартирохозяйкой, импровизируя на ходу, разыгрывают бурлеск: она – крымско-татарская царица, он – придворный архиепископ. Капитан перешел бы на стихи, если бы не

опасался спугнуть этим собеседницу.

– Ну и что мне от этого проку? И я вам то же самое скажу: они всюду, во всем мире одинаковы – скоты, да и только.

– Но подумайте, мадам, ваш супруг всего лишь отправился к реке и взял с собой удочку...

– Как же, удочку! Знаю я, что он собрался удить, бесстыдник.

– Но послушайте, мадам, – не унимался капитан, – вы в корне не правы. После двадцати лет брака вы обнаруживаете, что супруг ваш – мужчина, и гневаетесь из-за этого. Но кем же, по-вашему, он должен быть?

– Все вы твердите одно и то же, – отчаянно рыдала миссис Айронз, – правды ни от кого не дождешься, никто не пожалеет, не поддержит бедную обманутую женщину. Ладно же, справлюсь сама. Пойду-ка я к его преподобию – только молчите, не отговаривайте – Хью Уолсингему, доктору богословия, пастору чейплизодского прихода. – Миссис Айронз привыкла, грозя вмешательством священника, именовать последнего полным титулом – для вящего устрашения Зикиела Айронза. – Я пойду к нему прямо сейчас – и не вздумайте меня удерживать, – посмотрим, что он скажет. – И миссис Айронз направилась к двери.

– Ну что ж, мадам, повидайте ученого доктора, спросите его – он не я, ему-то вы поверите, – пусть расскажет, что с тех пор, как у мадам Сарры вышла размолвка с дерзкой мисс Агарью, нравы не изменились; те же нравы царили повсе-

местно и в древнем мире – справьтесь у Плиния, Страбона и самых известных писателей античности; Юнона, Дидона, Элинора – королева Англии, миссис Партридж, о которой я сейчас читаю, – Деврё указал на раскрытую страницу «Тома Джонса», – каждая – справедливо ли, нет ли – питала те же подозрения.

Капитан произнес все это неспешно, с задумчивым видом, хмурая брови, – в подражание простодушному книжнику.

– Хороши же ваши Партриджи, нечего сказать, самый подходящий пример для приходского клерка! – воскликнула хозяйка дома, отходя от двери. – Гляжу я на него, думаю про его штучки и одного не могу понять: как хватает у него наглости слушать проповедь и смотреть в лицо прихожанам, да еще и петь святые псалмы?

– Не следует этому удивляться, мадам, поверьте мудрецу, изрекшему: «*Omnibus hoc vitium est cantoribus*»²³.

Деврё было давно известно, что латинские цитаты действуют на разъяренную миссис Айронз как масло на огонь, – почтенная матрона разразилась речью, в которой бесчисленные обвинения то и дело перемежались крепкими эпитетами. Мудрые служители правосудия пользуются подобным же приемом: свои жалобы и обвинительные акты они любят уснащать поговорками и пряными словечками вроде «вероломно», «постыдно», «злонамеренно» и «*suadente diabolo*»²⁴,

²³ Все певцы порочны (*лат.*).

²⁴ Призывая дьявола (*лат.*).

рассчитывая, что с помощью этих приправ желудки судьи и присяжных легче переварят предложенное им блюдо.

Горестные вопли миссис Айронз соседям были не в диковинку; даже когда звуки достигали большой дороги или садов за домом, окрестные жители сохраняли невозмутимость. Всякий имеющий уши уже наслушался о мистере Айронзе всевозможных мыслимых и немыслимых историй и давно потерял к ним интерес, голос любезной леди мог грохотать и гудеть сколько угодно – на него обращали не больше внимания, чем на оружейные раскаты и завывания труб в день военного смотра.

Все это служит лишним доказательством истины, и без того известной каждому, кому довелось хоть немного пожить в деревне. На земле не отыщешь уголков, где, как в древности, царил бы золотой век, – он покинул нашу юдоль окончательно и бесследно; мир и *prisca fides*²⁵ не удалились в лоно глубоких долин и тенистых ручьев, а вознеслись в свою прежнюю горную обитель, оставив земной шар во власти тяготеющего над ним проклятия. Посетите любую прелестную старую деревню, утопающую в зелени, где в палисадниках растут штокрозы и жасмин, по улице, как в старину, бродят петухи и куры, скромная, покрытая рябью речушка простовато улыбается меж ив и яблонь, а вблизи высятся поросшие плющом древние стены, – и ваш слух уловит не только коровье мычание, пение птишек и рокот ручьев: временами, тревожа

²⁵ Старинная добродетель (лат.).

дремоту старого речного бога, ароматный воздух пронзают многоглаголивые речи, полные обличительной риторики.

Что касается Айронза, то, если он был во всем таков, как утверждала его супруга, остается лишь поражаться, как он ухитрялся сохранять добропорядочность в глазах общества. Правда, клерк любил изрядно приложиться к чаше с пуншем, под хмельком бывал молчалив или злобно-насмешлив. Иной раз лунной ночью высокий, сухощавый Айронз возвращался к себе из «Дома Лосося» несколько странной, неустойчивой походкой, а затем дольше обычного возился с дверным запором; короткие фразы (на длинные он в таких случаях не отваживался), вроде «з-зпри дверь, Марджери» или «п-дай св-чу», Айронз произносил неуклюже, заплетаящимся языком. Кроме того, обратило на себя внимание нечестивое любопытство, которое побуждало его совать нос в церковные дела, не имевшие к нему касательства. Кто знает, не подзадоривало ли сплетников как раз его безупречное поведение вкупе со скрытностью. А может быть, объяснение состояло в том, что мистер Айронз, при всей своей сдержанности, иногда проговаривался. Или же всему виной было ревнивое воображение миссис Айронз и ее громкие истерики – так или иначе, когда речь заходила о мистере Айронзе, собеседники обычно подмигивали, ухмылялись, качали головами и обменивались замечаниями наподобие: «Вы ведь знаете, чем ближе к церкви...», «Седина в бороду – бес в ребро» и проч.

В тот самый миг, когда миссис Айронз в очередной, седьмой, раз направилась к двери, чтобы принести жалобу доктору Уолсингему, капитан Деврё взглянул случайно в сторону «Феникса» и обнаружил, что пренебрегший своими обязанностями клерк в компании мистера Дейнджерфилда огИБает угол дома.

– Стоп, мадам, вот он идет, ваш изменник. Клянусь честью, он еще подлее, чем мы думали: солидного человека, управляющего лорда Каслмэлларда, втянул в тот же омут, так что у Мэг Партлет сегодня было два ухажера. Смотрите-ка, обманщики несут в корзинке форель и удочки через плечо – ни дать ни взять на рыбалке побывали, – ну и прохвосты!

– Что ж, все едино, – проговорила миссис Айронз, глядя в другое окно и трезвея на глазах, – не сегодня, так завтра; и потом, это стыд и срам – утащиться незнамо куда, чтобы домашние изводились и гадали, утонул ты или еще чего похуже; небось не надорвался бы, если бы объяснил жене, что джентльмену понадобились его услуги, – ради путёвого дела неужто я бы его не отпустила?

Мысли миссис Айронз обратились к Дейнджерфилду и «подарочку», который он, вероятно, вручил Айронзу при расставании. Минутой-двумя позже Деврё увидел, как она, накинув на голову капюшон, тащится в «Дом Лосося» – навести справки относительно доставшейся мистеру Айронзу мзды.

Глава XXI

Как доктор Тул отправился в Дом с Черепичной Крышей, а также о его приятной беседе с мистером Мервином

Ни расположение духа, ни нрав доктора Стерка за последнее время не изменились к лучшему. Доктор более обыкновенно предавался мрачным раздумьям, дома бывал несдержан, даже груб. Он стал чаще уходить в город и позднее возвращаться; не будучи стеснен ничьим присутствием, за исключением смиренной миссис Стерк, доктор честил Тула и Наттера с еще большим, чем прежде, ожесточением. Из слов Стерка следовало, что эти двое замыслили – ни много ни мало – сжить его со свету и ради собственного спасения нужно не давать им спуска. Однако дело не ограничивается их злобными происками, эти «олухи» и «придурки» к тому же не умеют работать и своими грубыми промахами ставят под удар – можно сказать, губят – нанимателей; ни один порядочный человек не потерпит, чтобы у него на глазах безнаказанно творилось подобное безобразие. Ларчик открывался просто: Стерк зарился на практику одного из своих супостатов и на должность другого, ибо был наделен (по собствен-

ному мнению) многосторонним, применимым в любой сфере талантом. Всякий, кто попадал в поле зрения Стерка, становился предметом его едкой насмешки как «щенок», «бес-толочь», «осел», ничего не смыслящий в своем деле. Своей маленькой супруге Стерк внушал почтение и трепет. Когда доктор усаживался перед очагом, водружал ноги на каминную решетку, засовывал руки в карманы и принимался скалиться, брюзжать и злобно фыркать, миссис Стерк твердила обычно: «Чего же ты хочешь, Барни, ведь таких умных, как ты, больше нет». Доктор отваживался временами на мелкие, не слишком рискованные спекуляции. После выигрыша он имел обыкновение, чередуя похвальбу с бранью, извлекать и демонстрировать жене пачки банкнот и уверять, что, если бы не бесплодная потеря времени в госпитале и на смотрах и прочие дурацкие служебные обязанности, ему бы ничего не стоило сколотить себе состояние – никто бы и оглянуться не успел. Еще немного, и Стерк сам бы в это поверил. Не приходится сомневаться, что голова у доктора на плечах имела – хотя пользовался он ею не всегда удачно, – имела и энергия, однако его усилия сводились к одному: вытеснить ближнего и занять его место.

При всем том у Стерка силен был животный инстинкт, заставлявший его усердно заботиться о пропитании выводка и самки. При всей своей грубоватости, доктор втайне гордился туалетами жены, испытывал к ней сильную привязанность и в душе благодарил за хорошее ведение дома, не забывал о

своих мальчишках и неусыпно надзирал за их учебой, хозяйством управлял твердой, умелой рукой, избегал пороков и дорогостоящих привычек, в делах проявлял себя несговорчивым, но в достаточной мере обязательным партнером.

Все это время Стерка не оставляло беспокойство по поводу Дейнджерфилда; связанная с ним загадка, а также некоторые другие заботы нередко допоздна не давали ему уснуть. Миссис Стерк он ничего об этом не рассказывал. Собственно говоря, Стерк нередко бывал с женой чистосердечен и во всех подробностях знакомил ее со своим мнением, но это не значит, что он доверялся ей полностью и во всем.

Дейнджерфилд также строил кое-какие планы. У кого их нет? Домашний уклад Дейнджерфилда был предельно прост. Хозяйство вели экономка и две служанки (на вид немногим младше ее); наличествовали также лакей и конюх, который ночевал в «Фениксе»; там же, в конюшне, стояли принадлежащие Дейнджерфилду две красивые лошадки. Имелась и содержалась в опрятном виде вся необходимая домашняя обстановка. Слуги, все до одного, трепетали перед хозяином: не стоило и пытаться втереть очки этому строгому джентльмену, такому сметливому и наблюдательному. Конюх Дейнджерфилда, беседуя в «Доме Лосося» с кучерами и прочими знатоками, не уставал расхваливать охотничьих собак, оставленных хозяином в Англии, а слуга, в свою очередь, хвастался хозяйством Дейнджерфилда и его влиянием на лорда Каслмэлларда.

На самом деле в Англии Дейнджерфилд жил почти так же скромно, как в Чейплизоде (разве что на лошадей тратил больше). Лорд Каслмэллард, которого восхищало в Дейнджерфилде все, в том числе и прижимистость, говаривал обычно: «Вот уж воистину седьмое чудо света. Ума не приложу, как он умудряется подчинить себе всех вокруг, притом что никому не довелось угоститься у него в доме хотя бы бараньей отбивной и стаканчиком хереса. Знаю одно: мне такое не под силу». И однако кое-какие планы у Дейнджерфилда имелись, и будущая жизнь рисовалась ему в окружении если не царской пышности, то все же некоторой роскоши. Вкусы Дейнджерфилда, а может быть, и чувства более глубокие влекли его на континент, и он приобрел на берегу Женевского озера маленькое поместье, настоящий земной рай, утопавший в цветах и фруктовых деревьях; дом был набит мрамором и живописными полотнами, в погребе зрели вина; аквариумы с рыбами, ледники, ванны и прочие, уж не знаю какие, ухищрения уподобляли это жилище римской вилле времен античности. И всем вышеописанным мистер Дейнджерфилд надеялся по праву насладиться на закате дней, недоставало лишь еще нескольких тысяч фунтов, а кроме того, быть может, и жены – так Дейнджерфилду иногда казалось. Он еще не пришел к окончательному решению, а между тем приближалась уже та пора жизни, когда мужчина должен сделать недвусмысленный выбор: либо брак, либо удел мудреца – безбрачие, радости монашества и одиночество.

У людей доброжелательных принято предполагать априори, при отсутствии доказательств противного, что каждый британский подданный является честным человеком, — такое предположение основывается на простом признании законов человеческой природы, и не более того. Далее, если бы мы с целью навести справки о мистере Дейнджерфилде обратились бы к лорду Каслмэлларду — а к кому, как не к нему, обращаться с подобной просьбой? — ответ его можно было бы предсказать заранее. К тому же мы ни разу не поймали Дейнджерфилда — так ведь, любезный читатель? — ни на подлом деле, ни на недостойном побуждении; а раз все это так, то что хорошего мы можем подумать об этом таинственном мистере Мервине — который прибыл в Чейплизод темной ночью вслед за столь же таинственным гробом, а затем поселился вблизи Баллифермота в доме с привидениями, — если всезнающий Дейнджерфилд, проходя мимо, проводил его суровым и удивленным взглядом, словно говорившим: «Что за неслыханная дерзость? Он что же, тронулся умом?»

Однако, если Дейнджерфилду было что поведать, он предпочел этого не делать; многочисленные вопросы собравшихся в клубе джентльменов он невозмутимо парировал, к немалой досаде неугомонного маленького Тула, — тот высказывал и тут же отвергал множество догадок, касающихся юного незнакомца, одна другой курьезней. Тайну Мервина знал также лорд Каслмэллард, но он был высокомерен и для простых смертных недоступен, в Чейплизоде показывался неча-

сто, а спешивался и того реже – разве что два-три раза в год присутствовал на торжественном обеде в столовой артиллерии. Стоило упомянуть при нем Мервина, как он менял тему разговора; при этом в повелительном тоне его голоса ясно читалось: «Будьте добры заметить: этот предмет я предпочитаю не обсуждать». Что касается доктора Уолсингема, если он считал нужным о чем-либо молчать, то молчал, хоть тяни из него слова клещами.

Короче говоря, неутоленное любопытство донимало нашего друга Тула так сильно, что он изобрел предлог для посещения Дома с Черепичной Крышей – зубную боль у старого Тима Моллоя. Тул надеялся встретить там хозяина дома и, дабы облегчить свои муки, вызнать что-нибудь у него самого; слуг, по причине их неведения, расспрашивать было бесполезно – в этом Тул уже успел убедиться. И доктору, можно сказать, привалила удача: когда он, чтобы оправдать свой визит, вырвал старому Моллою коренной зуб и уже направлялся к двери холла, ему встретился на ступеньках тот, кого он искал, – бледный и красивый молодой джентльмен.

Доктор Тул низко поклонился и с искренней улыбкой напомнил хозяину дома об их недавней беседе в «Фениксе». Объясняя свое появление, он сочувственно упомянул беднягу Тима с его больным зубом. Едва не прослезившись – поскольку на минуту сам поверил в свои слова, – доктор признался, что не навестил однажды Тима, когда у того разболелось колено, а потом раскаивался и теперь готов хоть каждый

день проделывать этот далекий путь, если у славного старика есть в нем хоть малейшая нужда. Узнав, что мистер Мервин направляется в Чейплизод, доктор объявил, что не смеет его задерживать, и спустился с ним вместе к баллифермотской дороге. По пути Тул неустанно сыпал смешными и скандальными историями из жизни городка – молодой человек созерцал его изумленно, а временами даже готов был потерять терпение, но доктор этого не замечал и продолжал трещать без умолку. В дополнение ко всему прочему Тул, с полной откровенностью и не скупясь на подробности, выложил все о себе и своих делах – дабы спутнику стало неловко за свою скрытность. Этот прием не возымел, однако, действия, и осмелевший к тому времени доктор решился на прямую атаку: пересказал собеседнику все ходившие о нем в Чейплизод сплетни, присовокупив, разумеется, слова осуждения в адрес любопытных соседей.

– Ко всему прочему, они говорят еще, что вы не... это, собственно... дело темное... что-то, знаете ли, касательно вашего рождения, – произнес Тул, стараясь показать, что негодует на праздных злоязычников и сочувствует приезжему.

– Раз так, то они лгут! – вскричал молодой человек резко, чем это принято в вежливой беседе, и остановился. Он уставил свои большие мрачные глаза на лукавую физиономию доктора и после паузы добавил: – Почему бы, сэр, им не оставить меня и мои дела в покое?

– Об этом и спрашивать бессмысленно, вот что я вам скажу, – воскликнул маленький Тул, вновь воодушевляясь. – Больше нигде во всем христианском мире не найдешь столько болтунов, выдумщиков и сплетников; уши настороже, глаза нараспашку, рты не закрываются, сэр; носы вынюхивают, языки звонят; старых дев без числа, клянусь Юпитером! А слуги и служанки, буфетчики и лакеи! А разговоры в клубах, а толки в офицерской столовой, а пересуды на танцах, а трезвон за картами, трезвон дома, трезвон на улице – трезвон, трезвон, трезвон! Клянусь Юпитером-громовержцем, просто голова раскалывается, еще немного – и позавидуешь Робинзону Крузо!

– И я бы позавидовал, если бы не его попугай, – отозвался Мервин, сухо добавив: – Всего хорошего, доктор... доктор... сэр, – и резко свернул на палмерзтаунскую дорогу.

– В Белмонт собрался, – пробормотал слегка покрасневший Тул и, не удержавшись, остановился на углу, чтобы проводить собеседника взглядом. – Вот уж, близок локоть, да не укусишь. И мисс Ребекка Чэттесуорт тоже о нем ничего не знает... А что, если все-таки знает?.. Да похоже, и не хочет знать. И все же неспроста он здесь. *Кто-то* пригласил его, будьте уверены. – И доктор кивнул сам себе. – А он гордец, клянусь Юпитером. Полсотни готов прозакладывать: если он останется еще месяца на три, не миновать ему дуэли с кем-нибудь из наших забияк. И что бы он там ни скрывал – а тайна его наверняка гроша ломаного не стоит, – ручаюсь,

здешний люд вынюхает все. Зря этот Мервин старается, скоро убедится: хранить здесь тайны – пустая затея, это можно где угодно, только не в Чейплизоде. Будь я проклят, если у меня есть хоть одна тайна, само это понятие здесь лишено смысла. Когда у меня на обед рубцы, то об этом знает весь город, любой покажет, где у меня на платье заплатка или штопка. Стоило мне раз купить на мосту Дарки четырнадцать голубей и принести на кухню – не прошло и десяти минут, как явилась горничная вдовы Фут с наилучшими пожеланиями от хозяйки и просьбой: поскольку у меня в форме для пирога умещается только дюжина голубей, отослать ей лишнюю пару. Как же, тайна!

Доктор презрительно просвистел несколько тактов, затем, уныло помолчав, пробормотал: «Вот бы ее узнать!» – и, понурившись, миновал мост. По пути домой он чаще и злее обычного прикрикивал на собак – их пронзительный визг не умолкал ни на минуту.

По тем или иным причинам Дейнджерфилд с крайним неудовольствием наблюдал, как все более сближаются Мервин и мисс Гертруда Чэттесуорт. Определенно, Дейнджерфилд знал что-то об этом Мервине с его замечательными эскизами, разговорами об Италии и музицированием. Дейнджерфилд не спускал очков с мисс Чэттесуорт, и результаты наблюдения его вполне удовлетворили. Управляющий думал: «Эти люди не знают и не могут знать истинного положения вещей; только я мог бы сказать им *со всей определенно-*

стью, откуда взялся и что собой представляет их знакомый. Жаль, если такая красивая молодая барышня будет по неведению принесена в жертву». А когда Дейнджерфилд принимал решение, заставить его остановиться или свернуть с пути бывало почти невозможно.

Глава XXII

О приеме, ждавшем мистера Мервина в Белмонте, и о приятном утреннем пикнике на берегу Лиффи

По неизвестной причине, встретив в тот же день доктора Уолсингема и тетю Ребекку, Мервин не обнаружил на их лицах прежнего приветливого выражения, чем был немало огорчен и озабочен. Доктор, с которым Мервин увиделся вблизи его дома, на мосту, держался несколько принужденно, смотрел невесело и вообще казался подавленным. Повидимому, он намеревался что-то сказать молодому человеку и уже, положив руку на его рукав, открыл было рот, но осекся, бросил быстрый взгляд через плечо, заметил любопытные глаза прохожих и промолчал.

Белмонтские дамы вели себя каждая на свой манер, однако так, словно до слуха обеих дошло что-то необычное. Тетя Ребекка встретила гостя без улыбки, отчего-то напустила на себя надменность, говорила сухо и колко и при этом, казалось, сдерживалась, чтобы не сказать больше, угрожающе краснела – словом, обращалась с молодым человеком странно, почти что нелюбезно. Гертруда, напротив, была сама доб-

рота и кротость, но в ее побледневшем лице и широко открытых глазах читались печаль и волнение – так ведут себя молодые леди, решившиеся проявить характер и не заплакать. Мервин все это заметил, взвесил в уме и очень скоро удалился с тоской в душе.

Тетя Ребекка была слишком озабочена своими собаками, белками, попугаями, старушками и заключенными, чтобы сосредоточенно следить за игрой. Когда чей-то дружеский шепот вернул Ребекку к действительности и оказалось, что козыри и онеры уплыли, она не обвинила в происшедшем, как следовало бы, самое себя, а принялась укорять бедняжку-племянницу за хитрость. По причине тетушкиного невнимания Гертруда полностью лишилась такого ценного преимущества, как ее мудрое руководство, и – приходится опасаться – этим случаем могла воспользоваться почтенная, но резвая прародительница, мадам Природа, чтобы с хихиканьем нашептывать в ухо привычной к повиновению Гертруде свои собственные советы. Я ни на что не намекаю, да намеки, вероятно, были бы беспочвенны – или почти беспочвенны; а если что и было, мисс Гертруда могла и сама об этом не знать. Но если Гертруда все же заподозрила, что он ей хоть чуть-чуть небезразличен, то поделиться этим не могла ни с кем, кроме Лилиас Уолсингем. Не знаю, правда, всегда ли молодые леди вполне откровенны друг с другом в таких делах. Некоторые, насколько мне известно, хранят свои тайны, пока молчать не станет невмоготу. Как бы то ни было, тетя

Ребекка очнулась от спячки и во всю мочь затрубила побудку. И Гертруда вострепелась, приподнялась, опершись локтем на подушку, и раскрыла свои большие глаза; сон, надо полагать, с нее слетел, и ей стало не по себе.

Выходя из церковных дверей, доктор Уолсингем пригласил Мервина прогуляться в парке. Во время прогулки доктор обратил к молодому человеку доброжелательную, но серьезную речь. Мервин мрачно шагал рядом; часто оба застывали на месте. Когда на обратном пути они подошли к чейплизодским воротам, домику священника и утиному пруду, доктор говорил о том, что брак — это соединение сердец, а также и душ и, сверх того, деловой союз. Последнее обстоятельство доктор подчеркивал особо и рассказал, какие весьма строгие правила на сей счет существовали у древних евреев, богоизбранного народа. Сам доктор Уолсингем вступил в брак по любви, был исключительно щедр и далек от всяких расчетов, однако же в своих увещеваниях неизменно осуждал то, чем сам постоянно грешил. Послушав его, вы решили бы, что это говорит ростовщик. Мистер Мервин, слегка побледневший и, судя по всему, взволнованный, предложил доктору повернуть обратно, и оба проделали еще один небольшой круг, а Мервин тем временем вкратце посвятил спутника в свои дела и планы, которые касались, в частности, должности в посольстве в Париже, и обещал ознакомить доктора с соответствующей перепиской, чем несколько поколебал его позиции. Засим последовало прощание, весьма дружелюб-

ное, но все же сумрачное.

Когда Мервин, быстро завершив свой вышеописанный неудачный визит, покинул Белмонт, дамы задержались в гостиной, чтобы обменяться несколькими словами.

– *Я и не думала* кокетничать, мадам, – высокомерно произнесла мисс Гертруда.

– В таком случае остается предположить, что ты говорила серьезно, и я хотела бы знать: как далеко зашло дело? – недрогнувшим голосом продолжила тетя Ребекка, спокойно опустила сложенный веер и оперлась затянутой в перчатку рукой о стол.

– Не помню – выпало из памяти, – последовал холодный ответ.

– Он объяснился тебе в любви? – спросила тетушка; на щеках ее четко обрисовались два красных пятна, блеск глаз стал еще ярче.

– Разумеется, нет, – с неподдельным изумлением отозвалась юная леди.

Когда на красивой лужайке у реки офицеры устроили пикник с танцами, полдюжины молодых людей направились туда, где, весело журча, в реку впадал ручеек. Многие женщины склонны потакать чужим любовным интригам, если не затронуты их собственные интересы, и мисс Гертруда сама не заметила, как осталась с Мервином наедине. Тетя Бекки, которая расположилась под ясенями на другом конце лужайки, наблюдала этот тет-а-тет отчетливо – поскольку отнюдь

не страдала близорукостью – и с немалым беспокойством. Спешить туда, где прогуливалась пара, не было смысла: если молодые люди намеревались объясниться, они успели бы это сделать до прихода Ребекки; всматриваясь в позы и жесты беседующих, Ребекка заподозрила, что молодой человек о чем-то пылко умоляет ее племянницу, а «Гертруда явно не в своей тарелке... нервно обрывает цветы... но, прозакладывая что угодно, он ей безразличен. Она не из тех девушек, что готовы очертя голову пуститься в безумную авантюру». Так думала тетя Бекки, но затем она пожалела, что осталась на месте, поскольку, как ей показалось, Мервин и Гертруда чересчур увлеклись беседой. Прошла минута, две, три, может быть, и больше – тетя Бекки стала терять терпение и уже намеревалась пересечь поляну, но тут племянница с кавалером медленно направились к живой изгороди, шедшей поперек ручья, – несколько молодых людей, рискуя упасть, собирали там жимолость, а потом со смехом и шутками вручали охапки цветов дамам. Затем мисс Гертруда кивком (небрежным и высокомерным, заметила про себя тетя Бекки) отпустила Мервина; тот глубоко поклонился и подошел к первой же даме, попавшейся ему на глаза.

Это оказалась маленькая тихоня миссис Стерк. Мервин разговаривал с ней долго, однако, судя по всему, мысли его блуждали где-то далеко. Затем он на несколько минут вступил в беседу с Лилиас Уолсингем, стараясь казаться оживленным, – так подумала тетя Бекки, которая с любопытством

за ним наблюдала. Наконец он затеял увлеченный диалог с прекрасной Магнолией, давшийся ему ценой больших усилий (он не слышал ни единого ее слова, утверждала тетя Бекки), и встретил благосклонный прием – О’Флаэрти серьезно подумывал о том, чтобы после окончания пикника отстегать его плеткой, дабы внушить, что «настоящие джентльмены не суются в чужой огород».

«Он повержен, убит горем, – ликовала про себя тетя Бекки, – искушенная женщина с одного взгляда поймет, что означают эта лихорадочная веселость и горящие щеки».

Да, за всем этим судорожным весельем, пыланием щек и истеричными речами прячет свой лик кровоточащее тщеславие – *haeret lateri*²⁶ – так оно, не желая выдать себя, корчится под пыткой.

Подошла племянница, холодная и величавая, с застывшим взором и чуть заметным румянцем; она походила на юную, преисполненную сознания долга матрону, которая только что суровыми, но необходимыми мерами навела порядок в детской; в невозмутимом молчании она уселась подле тетушки; следы румянца потухли, Гертруда сделалась бледна и спокойна.

– Ну что, он *объяснился*? – не поворачивая головы, спросила тетка.

– Да, – ледяным тоном произнесла племянница.

– И получил должный ответ?

²⁶ Скрытно пребывает (*лат.*).

– Да... И прошу вас, тетя Ребекка, впредь об этом предмете не упоминать.

В глазах Гертруды, смотревших на тетушку в упор, блеснула молния – фамильная, чэттесуортская, – так что пораженная мисс Ребекка отвела взгляд и ограничилась легким саркастическим поклоном и словами: «О, к вашим услугам, юная леди».

Величавым взмахом веера тетя Ребекка подозвала к себе маленького Паддока, который почему-то обретался поблизости. Не будучи прощен, он оказался вновь приближен (как сказала бы добрая королева Елизавета, не забывая о различии между тем и другим). Опираясь на его руку, мисс Ребекка последовала под навес, и вскоре маленький лейтенант уже рекомендовал ей, сообразно достоинствам, наиболее лакомые куски самых аппетитных plats, красовавшихся на столе.

– Ну вот, милая тетя Бекки и простила Паддока, – сказал Деврё, направляясь к навесу вместе с О’Флаэрти и Клаффом (Деврё и в голову не могло прийти, что кое-кто из его спутников видит в этой даме свою будущую супругу), – и теперь за желе и потрохами они празднуют примирение. Признаюсь, люблю я тетю Ребекку, не представляю, что бы мы без нее делали. Да, она бесцеремонна и временами просто невыносима, но она начисто лишена злопамятства – и в этом с ней никто не сравнится. Осмелюсь предположить, что убей я ну хотя бы вас, лейтенант О’Флаэрти, – с вашего разреше-

ния, разумеется, сэр, – уже на следующее утро она меня простит! А благие дела творит по-царски, не так ли? Помните эту уродливую вдову... как бишь ее? Тетя Бекки дважды помогала ей приобрести лавку на Дейм-стрит, а осиротевшему сыну бедного Скэмпера дала двести фунтов. А старый негодяй Уэгтет? Его бы повесить, а она выплачивает ему пенсион – и никогда не ждет благодарности и похвал, никого не попрекает прошлыми благодеяниями. Тетя Бекки – само благородство, она истинный джентльмен с головы до пят!

Трое сослуживцев были уже рядом с навесом, и оттуда их радушно окликнул генерал – он сидел там в тени, выщелкивая на пустом стакане бойкую мелодию.

Глава XXIII

О торжественном обеде в Королевском Доме: кое-что об участниках, об их беседах, мечтах, спорах и вообще о приятном времяпрепровождении

Почти в то же время состоялся званый обед в Королевском Доме. Старый полковник Страффорд и его супруга были люди пусть не особенно занимательные, но на редкость гостеприимные: они любили запросто созвать к себе соседей на седло барашка, пирог с крыжовником и еще какое-нибудь основательное блюдо в том же роде. После обеда – игры: молодежь рассаживалась в гостиной играть в «папессу Иоанну» или во что-нибудь еще и флиртовать без усталости. А потом – веселый легкий ужин: жареное мясо на косточке, сбитые сливки, тосты, чувствительные речи, хитроумные намеки, многоголосые раскаты хохота. Однако раза два-три в году достойная чета затевала в Королевском Доме собрание более внушительное, закалывала откормленного тельца и созывала на парадное пиршество важных шишек и чей-плизодскую знать; молодежи приглашали немного – чтобы

не заскучали молодые родственники солидных гостей. Подавались оленина, фаршированные индюшки и прочая соответствующая случаю снедь. Гости хвалили хозяйский кларет, наделяли слуг в холле чаевыми и разъезжались в каретах с лакеями и факелами. Хозяин с крыльца провожал их сердечными пожеланиями доброй ночи, а тихий городок поражался непривычному шуму и блеску.

В те дни обеды начинались в пять. Парадная гостиная была полна. Присутствовали: старый Блай из склада боеприпасов (я называю гостей в порядке прибытия), Чэттесуорты, Уолсингемы, леди Гленварло – пожилая вдова, кузина полковника Страффорда (ее примчал из Дублина с грохотом и в облаке пыли запряженный четверкой экипаж), прибывшая вместе с вдовой ее деревенская племянница, которая все время, пока длился обед, испуганно поглядывала через стол на свою толстую наруганную тетку, не произнесла ни слова и вкушала пищу с большой робостью; был здесь и капитан Деврё, а вслед за ним явился еще один красавец – не кто иной, как мистер Мервин! – и насторожившаяся тетька Бекки с удовлетворением отметила, что они с Гертрудой приветствовали друг друга холодно и официально. Прибыл еще мистер Бошан, утонченный франт, состоявший при генерал-губернаторе, и, наконец, лорд Каслмэллард, который всегда чувствовал себя в роли почетного гостя как рыба в воде и, убаюканный приятным сознанием своей значительности, после обеда безмятежно дремал. Его светлость уса-

живался на свой любимый диван в гостиной и сквозь блаженный полусон следил затуманенным взглядом за своими любимицами, Гертрудой Чэттесуорт и хорошенькой Лилиас, а когда какая-нибудь из девушек оказывалась поблизости, он завладевал обыкновенно ее ручкой и заводил такую речь: «Ну как вам живется, дитя мое? Отчего не подходите поболтать со старым другом? Очаровательная плутовка, мы ведь знакомы еще с той поры, когда вы были не больше этого верера. Что за проказу вы задумали, признавайтесь. Не иначе как вскружить головы всем красивым молодым людям – так ведь? Вскружить им головы?» Его светлость произносил все это медленно; даже умолкнув, продолжал удерживать ручку собеседницы; сонно улыбался, качал головой и не спускал с девушки сально блестящего взгляда. Однако вернемся в столовую, где стоял шум, без которого никак не обойтись при большом скоплении гостей, даже самых благовоспитанных.

Лилиас сидела напротив Деврё, и капитан волей-неволей наблюдал, как она с заметным интересом прислушивалась к словам красавца Мервина и отвечала ему коротко, но любовно. Деврё подумалось, что этот Мервин отнюдь не дурак, не фат и, уж конечно, не паяц; честно говоря, в красоте и утонченности он никому не уступит, хорошо одет, приятен в беседе, голос его звучит мягко, а улыбка чарует. Помимо того, Мервин рисовал, а французских и английских стихов помнил наизусть столько, что, если переписать их подряд,

они превзошли бы длиной весь запас венецианских кружев и атласных лент тети Бекки. «И образован лучше, чем я», — мелькнула у Деврё мысль. Но какого же черта он упомянул себя, при чем здесь *он*? Неужели он задет? Что за вздор! Беседа с мисс Уорд, племянницей вдовы, стала затухать, и капитан вздохнул с облегчением, когда его сменил второй сосед мисс Уорд, изысканный Бошан, который принялся описывать бал и маскарад у леди Каррикмор и последний официальный прием у нее же, а заодно и ее гостиную. Я слышал, что раньше встречались люди, способные одновременно улавливать, о чем ведут речь несколько групп беседующих (до полудюжины), подавать разумные реплики и при этом еще предаваться собственным мыслям. Надо полагать, мистеру Морфи, игроку в шахматы, это было нетрудно. Деврё, однако, было далеко до Морфи; во всяком случае, в ход той единственной беседы, которая, вероятно, интересовала его особо, ему не удавалось проникнуть. Справа, слева, со всех концов стола доносились сумбурный гул голосов и раскаты смеха; речи мешались в мозгу Деврё, пускались в бешеный галоп, внезапно обрывались — как пляски в Вальпургиеву ночь.

Деврё слышал приблизительно следующее: «Тра-та-та... большие состязания в волане: джентльмены с севера против... тра-ля-ля... методистского вероисповедания, но... ха-ха-ха... лимонный сок... тра-ля-ля... ха-ха-ха... нечестивые... а-ля-ля... фрикадельки и яичные желтки с... тра-ля-

ля... мушкетными пулями из стального арбалета, клянусь... тра-та-та... бросает влюбленные взгляды на... ха-ха-ха... а-ля-ля... две уцелевшие арки Темпл-Бар... тра-та-та... и герцог отказал по завещанию... тра-та-та... кусок жевательного табака в медной табакерке... а-ля-ля... к кому равнодушна миледи Ростревор... тра-ля-ля... это старый олдермен Уоллоп с Джонз-Лейн... тра-ля-ля... ха-ха-ха... из Иерихона, где Давид, Иоав и... а-ля-ля... все вместе свалились в грязь в почтовой карете... тра-та-та... присыпьте их слегка белым перцем, и... тра-та-та... зовется он Соломоном... тра-ля-ля... ха-ха-ха... бедная старушка совсем замерзает, нечем наготу прикрыть... а-ля-ля... веселись на Финчли-Коммон или денежки плати... тра-та-та... воистину при-скорбно... ха-ха-ха... тра-та-та... а старая леди Рут готова поклясться, что ей ни разу не приводилось... а-ля-ля... служить шерифом графства Даун во времена королевы Анны... тра-ля-ля... а доктор и миссис Стерк... тра-ля-ля... министры, замещающие герцога Графтона и генерала Конвея... тра-та-та... достойный прелат... ха-ха-ха... тра-та-та... мерзавец мерзавцем... ля-ля-ля- ля-ля».

Услышанное не добавило Деврё ни мудрости, ни веселья. Любовь, как лихорадка, нападает, отпускает и возвращается вновь. Больной – даже его сиделка и доктор, если он призвал таковых себе на помощь, – полагает, что с болезнью покончено, страсть иссякла, пламя потухло и даже рассеялся дымок. Но нет, дуновение ревности вдруг сдует золу, и глядь

– под ней тлеют старые чувства. Однако с Деврё все было не так. Он вспоминал, как болел лихорадкой – настоящей, не любовной, – потом был в отпуске в Скарборо, а Лилиас отправилась в долгую поездку по континенту вместе с тетей Ребеккой и Гертрудой Чэттесуорт. Больше года, почти *два*, он не видел эту большеглазую девочку. И какой же его охватил необычный трепет и изумление, когда она вновь появилась – высокая, стройная и очень красивая. Правда, любитель строгой геометрии греческих канонов, быть может, и не назвал бы Лилиас *красивой*, но во всем ее облике, в мельчайших чертах, в движениях сквозила неопишуемая прелесть, ни один скульптор не в силах придать своему творению столько изящества и нежности.

«Как радуют взор ее позы, походка, сколько жизни в ее глазах, как сияет белизной личико! – Так грезил Деврё, воспользовавшись тем, что собравшееся у полковника Страффорда многочисленное достойное общество любезно растаило на время в воздухе. – Она грустна? Да, кажется, грустна, а вот ее лицо оживилось – так мило и так забавно. Безобидно-озорная улыбка, темно-фиалковый взгляд, чудесные легкие ямочки на подбородке и щечке, смеющийся ряд жемчужин меж румяных губок. И снова лицо ее серьезно, но при том все так же выразительно! В этом девичьем личике есть и ум, и характер, оно приятней самой увлекательной беседы, оно как волшебная сказка или... или мечта; смотришь и не знаешь, каким оно станет в следующий миг... Разве это не

чудо? О чем она сейчас говорит?.. Что бы могли значить ее слова? Красота ее так причудлива... похожа на ирландские мелодии – их никогда не поймешь до конца, однако их пере-ливы заставляют забыть обо всем, они затрагивают струны моего сердца».

Однако оживленный (как казалось Деврё) диалог на противоположном конце стола внушил капитану не одни лишь приятные чувства; в конце концов он решил, что Мервин стал проявлять самодовольство и пользоваться все большим успехом; временами капитан начинал его ненавидеть.

«Она знает, что нравится мне, – тихонько шепнуло сердце капитана его же гордости, так что *сам Деврё* едва это слышал, – знала еще раньше; сам я этого не понимал вполне, пока старик Страффорд не затеял этот дурацкий обед. – Деврё поймал на себе странный испытующий взгляд мисс Чэттесуорт. – Какого дьявола ему вздумалось пригласить сюда *меня*? Сейчас очередь Паддока, он любит оленину и компоты и... и... Но все женщины таковы... им нравятся самовлюбленные нарциссы... перед такими им не устоять... они не... Но что мне до того?.. К черту! Я говорю: что мне до того?.. И все же... не будь ее, как невыносимо скучно стало бы в Чейплизоде!»

– А что вы скажете на это, капитан Деврё? – раздался бодрый голос старого генерала Чэттесуорта, и капитан, вздрогнув, упал с облаков в кресло, пред лицо светских обязанностей, и принужден был обратить внимание на блюдо со шпи-

гованной птицей.

– Немного индюшки! – отозвался очнувшийся Деврё с улыбкой и поклоном, берясь за резной нож и вилку, и вновь вернулся к житейской суете.

Чуть позже в общем разговоре наступило, как это иногда бывает, внезапное затишье, и все услышали, как мистер Бошан произнес:

– Я видел ее игру в четверг. Поверьте мне, Беллами – убожество, настоящее посмешище.

– Это еще не повод, – заговорила тетя Бекки, всегда готовая к схватке с врагами Моссопа и театра Смок-Элли, – чтобы подлым образом задержать ее и подвергнуть аресту, когда она направлялась в портшезе в театр, по замыслу негодяя Барри и низкого фигляра Вудворда.

– Вы чересчур суровы к ним, мадам, – вмешалась миссис Страфффорд и слегка вздернула подбородок: она стояла за Кроу-Стрит.

– Истинная правда, госпожа Чэттесуорт, – вскричала вдова, не обратившая внимания на реплику мадам Страфффорд, и постучала веером в знак одобрения, поскольку состояла в клике приверженцев Смок-Элли; она растянула рот в своей характерной неестественной улыбке и смирила хозяина дома мрачным и несколько надменным взглядом. – *Они*, я полагаю, не разделяют мнения, что Беллами убожество и... все прочее, иначе бы зачем им упрячивать ее в долговую тюрьму, когда ее ожидали на сцене. Что вы скажете, госпожа Чэт-

тесуорт?

– Ха-ха, все верно, миледи. Но вы же знаете, что она несчастная женщина, иностранка, а в наших краях добрые люди ни за что не упустят возможности очернить даму, за которую некому заступиться.

Щеголь из Дублинского замка не заметил нацеленного против него сарказма и безмятежно продолжал:

– Так вот, мадам, поверьте, слухи о ней ходят просто неприличные; но, клянусь, мне ее от души жаль. Этот тип Калкрафт – она говорит, что он ее муж, но нам лучше знать, – этот Калкрафт едва не разбил ее сердце, обращался с ней так подло, что дальше некуда, клянусь жизнью. Когда мы с ней беседовали в артистической – между прочим, на сцене она выглядит намного лучше, – она мне сказала...

– Я попрошу... – несколько натянуто одернула его тетка Бекки. Во имя Моссопа она сразилась разок за бедную Джордж Энн Беллами, но все же хорошо знала цену этой увядшей и погрязшей в долгах особе сомнительного поведения и отнюдь не стремилась услышать о ней лишние подробности.

– И Калкрафт подарил ей свой миниатюрный портрет, – невозмутимо повествовал франт, – обрамленный бриллиантами. И – можете себе представить? – когда она их рассмотрела, оказалось, что это не бриллианты, а алмазы «розочка». Вот низкий тип!

К этому времени то в одном, то в другом конце стола

уже завязывались новые диалоги и сливались в разноголосый хор, подобный вышеописанному; шум и хаос воцарились повсеместно, и в них потонула повесть о дальнейшей судьбе злосчастной Джордж Энн.

Глава XXIV

**Двое молодых людей без
слов понимают друг друга
лучше, чем когда-либо прежде**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.